

Застава,
«Кольцо»!

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Охота
на «ЗОЛОТЫХ»
мальчиков

Почетный чекист
Рудзит

Сегодня невозможно представить жизнь внутренних войск без собственной авиации. Перевозки различных грузов, техники, личного состава, огневая поддержка наших частей и подразделений, пресекающих бандитские вылазки боевиков в приграничных с Чечней районах, – это лишь часть задач, которые решают сегодня авиаторы. Работы у них хватает и в будни, и в праздники. Вот наверняка и в третье воскресенье августа, когда по традиции страна отмечает День Воздушного флота, кто-то из воинов-авиаторов поднимет свои машины в небо. Пусть будет оно безоблачным и мирным.

Фото
Александра АЛЕКСАНДРОВА

С заместителем начальника управления строительства и расквартирования Главного командования внутренних войск МВД России генерал-майором Петром Николаевичем ЗАЛЕВСКИМ беседует наш корреспондент полковник Алексей Петров

ПРОБЛЕМА НОМЕР ОДИН

В настоящее время проблема обеспечения жилой площадью военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, — одна из острейших в войсках. Вряд ли найдется хотя бы один контрактник, который не сталкивался с ней. Бытовая неустроенность, осложнения в семейных отношениях, невозможность сосредоточиться на выполнении служебных обязанностей и масса других неудобств, связанных с отсутствием жилья, отравляют людям жизнь. Как скоро будет ликвидирован дефицит жилья? Какие меры предпринимаются руководством войск для решения жилищной проблемы?

— Товарищ генерал, расскажите, как решается жилищная проблема? Велика ли в войсках армия бесквартирных?

— На сегодняшний день на квартирном учете во внутренних войсках состоит 18691 военнослужащий. При этом 13518 человек вообще не имеют никакого жилья — без квартиры в войсках каждый третий офицер и прапорщик. На частных квартирах проживают около 7800 семей, свыше 5300 — в общежитиях.

Особенно остро жилищная проблема стоит в Северо-Кавказском, Московском и Приволжском округах внутренних войск.

За время, прошедшее с 92-го года, нуждающихся в жилье или улучшении жилищных условий стало на 42 процента больше. Несмотря на это обстоятельство, жилой площади войска с каждым годом получают все меньше и меньше. Результат — уровень

обеспеченности военнослужащих внутренних войск жильем снизился в среднем на 73,6 процента. В прошлом году внутренние войска получили 735 квартир — это 39790 квадратных метров жилой площади, всего 57 процентов от количества квартир, полученных в 1997 году.

Так что обстановка напряженная. Можно даже сказать, критическая. И, судя по приведенным выше цифрам, ожидать ее улучшения не приходится.

— Петр Николаевич, извечные вопросы: кто виноват? почему так получилось?

— Имена конкретных виновников сложившегося положения с жильем назвать не берусь. Причина же известна — неудовлетворительное финансирование Государственных программ по обеспечению в 1993-1995 и 1996-1997 годах жильем военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы в запас или отставку. По

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

первой программе из запланированных 1 миллиона 110 тысяч квадратных метров правительством профинансировано только 208,4 тысячи квадратных метров. Это 18,7 процента от обещанного. По второй программе из запланированных 293 тысяч квадратных метров профинансировано 118,5. Это 40,4 процента.

— В свое время большие надежды в войсках связывали с программой «Государственные жилищные сертификаты». Считалось, что это то, что поможет решить жилищную проблему. Помните, как часто показывали по телевизору счастливых обладателей ГЖС? Правда, гораздо реже тех из них, кто сумел обратиться с сертификатом в конкретную квартиру или жилой дом. Оправдались ли надежды, связанные с ГЖС?

— Действительно, на ГЖС мы возлагали большие надежды. Но, увы, события 17 августа прошлого года не позволили нам изменить ситуацию в лучшую сторону. Вследствие значительного увеличения стоимости квадратного метра жилой площади реализация программы «Государственные жилищные сертификаты» оказалась под большим вопросом. Судите сами, из 111 выданных военнослужащим сертификатов реализованы только 36. Многие обладатели жилищных векселей обращаются к нам за помощью: помогите реализовать, помогите обратиться ГЖС в конкретное жилье. Четверо военнослужащих отчаялись с их помощью решить свою жилищную проблему и вернули сертификаты в Главкомат.

Если не будут внесены определенные коррективы — прежде всего надо пересмотреть размеры субсидий, уже полученных по ранее выданным сертификатам, и перейти на региональную рыночную стоимость жилья, — на

программе можно будет поставить крест

— **Петр Николаевич, такое событие, как получение ордера на жилье, по значимости в офицерской судьбе можно сравнить разве что с присвоением генеральского звания. И все же, пусть по крохам, но жилье войскам перепадает. Назовите, пожалуйста, основные источники его получения?**

— Чтобы их перечислить, хватит пальцев на одной руке. Во-первых, это строительство и приобретение жилья за счет средств федерального бюджета, выделяемых войскам для органов военного управления, оперативных частей, военных образовательных учреждений высшего профессионального образования и воинских учреждений, непосредственно подчиненных главнокомандующему внутренними войсками.

— **К ним, кстати, относится и редакция нашего журнала. Извините, что перебиваю вас, но уж очень удобный момент, чтобы поинтересоваться: когда же и до нас дойдет очередь?**

— Вы хотите, чтобы начальник управления строительства и расквартирования выделил на редакцию квартиры?

— **Наши очередники, среди которых есть и воины-«афганцы», и участники боевых действий в Чечне, просто мечтают об этом.**

— Увы, я лично не занимаюсь распределением квартир. Поверьте, была бы моя воля, обеспечил бы жильем всех без исключения. Одно могу сказать: положение дел в редакции мне известно, при первой же возможности постараемся вам помочь.

— **Товарищ генерал, еще раз извините, что прервал вас. Давайте вернемся к источникам получения жилья для военнослужащих.**

— Второй источник, когда-то

богатый, а ныне заметно иссякший, — важные государственные объекты, которые обеспечивали раньше и обеспечивают ныне военнослужащих воинских частей, их охраняющих. Замечу, бесквартирных в частях по охране ВГО немало. Их численность составляет 21 процент от общего количества бесквартирных по войскам.

Третий источник — выделение жилья местными органами власти для военнослужащих воинских частей, выполняющих задачи по охране общественного порядка.

— **Среди этой категории военнослужащих много бесквартирных?**

— 15 процентов от общего количества по войскам.

— **На вашей руке остались незагнутыми еще два пальца.**

— Строительство или приобретение военнослужащими жилья или индивидуальных жилых домов за счет выделяемой безвозмездной субсидии в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 3 августа 1996 года № 937.

О последнем источнике поступления жилья в войска мы уже с вами говорили — приобретение квартир военнослужащими, подлежащими увольнению с военной службы, при помощи ГЖС.

— **Петр Николаевич, в свое время решение жилищной проблемы вызывали с созданием служб заказчика. В 95-м году эти службы были созданы, и что изменилось?**

— Сами по себе службы заказчика не решают проблему. Они эффективно функционируют при соблюдении одного обязательного условия — стабильного финансирования. Давайте посмотрим, как изменялась динамика централизованных госинвестиций на жилищное строительство за период с 1994 по 1998 год. Лимит 94-го года — 168 миллионов руб-

лей — прием за 100 процентов. В 95-м наблюдается его уменьшение в 3, в 96-м — в 3,2 раза. В 97-м в 7, а в 98-м аж в 26 раз!

— А результаты деноминации рубля вы при своих расчетах учитываете?

— Все расчеты сопоставимы с ценами 91-го года. Вырисовывается явная тенденция: чем дальше, тем положение дел хуже. В этом году лимит на строительство жилья вообще не установлен. Печальный факт: даже минимальные лимиты капитальных вложений не финансируются. Кредиторская задолженность за выполненные в 97-м году работы не погашена до сих пор. Сейчас ведется оформление денежного зачета по долгам 1997-1998 годов. Установленный на 1998 год лимит капиталовложений по жилищному строительству профинансирован только на 25 процентов. Из-за отсутствия средств войска в первую очередь решали вопрос обеспечения жильем семей погибших военнослужащих. Ввод жилых домов высокой готовности был отложен до лучших времен.

— Товарищ генерал, а сколько сегодня требуется войскам капитальных вложений на жилищное строительство?

— В прошлом году мы попросили 3083 миллиона рублей. Это с учетом средств, необходимых для обеспечения жильем семей военнослужащих, увольняемых в запас в связи с проводимым сокращением. И с учетом долгов перед нами, которые накопились за последние годы у государства.

Лимит капитальных вложений до секвестирования расходной части бюджета на прошлый год составил 102,7 миллиона рублей, в том числе на жилищное строительство 69,4 миллиона. После секвестирования расходной части он составил 50,2 миллиона рублей.

По жилищному строительству

освоено, перечислено в порядке долевого участия и приобретено жилья на 53,9 миллиона рублей.

— Петр Николаевич, безусловно, цифры, которые вы сейчас назвали, звучат убедительно. Но что стоит за ними? Другими словами, сколько квартир купили, построили войска в прошлом году?

— За прошлый год мы ввели в эксплуатацию три многоквартирных жилых дома — в Томске, в Зеленокумске, в Реутово. Это 334 квартиры общей площадью 19,6 тысячи квадратных метров. Еще 121 квартиру войска купили.

— Вы сказали, что в связи с нехваткой финансов был отложен ввод в строй домов высокой готовности. Сколько таких объектов незавершенки в войсках осталось и сколько денег необходимо для окончания строительства?

— К началу года в незавершенном строительстве у нас находилось 30 многоквартирных жилых домов на 2565 квартир. Чтобы ввести их в строй, требуется 533,4 миллиона рублей. Лимит капитальных вложений на жилищное строительство пока войскам не выделен. Для завершения строительства необходимо проработать вопрос привлечения средств сторонних инвесторов. Как бы жалко ни было, часть квартир придется продать по рыночным ценам и на вырученные деньги завершить строительство. Есть еще варианты — решить вопрос о долевом участии в завершении строительства жилых домов с министерствами и ведомствами, в интересах которых несут службу наши военнослужащие.

В Московском округе внутренних войск один дом полностью строится за счет инвестора. Условие — 30 процентов жилья будет отдано военнослужащим округа.

Разработан перспективный план застройки целого микрорайона. На отведенной площадке планируется возвести девять жилых многоквартирных домов.

— И как скоро начнется строительство?

— Мы готовы начать строительные работы хоть завтра. Если сегодня будут перечислены деньги. Думаю, инвесторов станет больше, если нам удастся погасить дебиторскую задолженность.

— Сколько должны войска?

— Дебиторская задолженность, сложившаяся в результате приобретения жилья и в порядке долевого участия в его строительстве, с 1991 года составила 9662,5 тысячи рублей — цены, смешанные с деноминацией, или 252 квартиры общей площадью 14667,7 квадратного метра.

— Петр Николаевич, ни для кого не секрет, что существующий дефицит жилья в войсках толкает людей на всякого рода ухищрения и злоупотребления. Нет-нет да в приказ попадают военнослужащие, попытавшиеся решить свою жилищную проблему незаконным путем. Как избежать подобного рода недоразумений?

— Главный барьер на пути всякого рода проходимцев — жилищно-бытовые комиссии. Они создаются в воинских частях и учреждениях в соответствии с приказом МВД СССР 1973 года для рассмотрения жилищных вопросов. В состав ЖБК входит 4-5 человек. Председателем комиссии, как правило, назначается заместитель командира части по тылу. Учет нуждающихся в улучшении жилищных условий и поступающей жилой площади ведется в квартирно-эксплуатационной службе, начальник или офицер которой, как правило, назначается секретарем комиссии.

(Окончание на с. 6)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА БОЕВОМ ПОСТУ

№ 8 ♦ 1999

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — МВД России

ИЗДАТЕЛЬ — Главное командование
внутренних войск

111250, Москва, Е-250,

Красноказарменная улица, 9а

Редакция вправе сокращать и литературно
обрабатывать принятые к публикации
тексты.

Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

За достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений —
рекламодатели, за качество печати —
типография.

Переписка с читателями ведется только на
страницах журнала.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический проезд, 8
Телефон для справок
361-81-71

Содержание

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

П. ЗАЛЕВСКИЙ

Проблема номер один 1
Проблема обеспечения жилой площадью военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, — одна из острых в войсках. Бытовая неустроенность, невозможность сосредоточиться на служебных обязанностях и масса других неудобств, связанных с отсутствием жилья, отравляют людям жизнь.

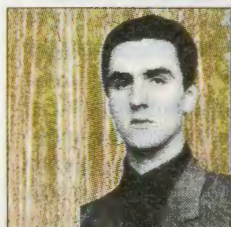
СЛУЖБА

Ю. КИСЛЫЙ

Застава, «Кольцо»! 7

По данным МВД, только за июнь в районах, прилегающих к административной границе с Чеченской республикой, зарегистрировано 24 преступления, в том числе 8 убийств, 2 разбойных нападения, 6 похищений граждан...

Б. КАРПОВ

«Мама, напиши мне песню
про белую березу» 13
Печальная правда о войне: гибнут лучшие. Гибнут и становятся героями. Народ ставит им памятники, слагает былины, пишет о них книги. И они навсегда остаются в памяти народа воинами.

И. СОФРОНОВ

Ветераны объединяются 22

О. ХОЛОДОВА

Охота на «золотых» мальчиков 24

А. РАКУСА

Трутень 26

ЮБИЛЕИ

А. ПЕТРОВ

Кузница инженерных кадров... 28
28 августа 1989 года в Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева (ныне Военно-инженерный университет) был создан командный факультет пограничных и внутренних войск. За десять лет для войск здесь подготовлено более 500 военных инженеров.

И. АНФЕРТЬЕВ

«...Для того, кто достоин иметь Отечество» 32
60 лет назад вышел в свет первый номер «Военно-исторического журнала»

В. КУДРЯШОВ

«Войсковому вестнику» — 10 лет 34

РЕТРОСПЕКТИВА**Н. СЫСОЕВ**

Почетный чекист красной армии Рудзит 35

Ю. СУХАРЕВ

За что сражался русский воин 39

Воины Руси уже в XI веке могли услышать в проповеди или прочесть в «Слове о законе и благодати», что живут в Богом избранной стране, которой предназначена великая судьба — служить идеалам «благодати»: миру, любви и справедливости. Оттого и немислимо было воевать за несправедливое дело.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ**Ю. ВИНОГРАДОВ**

Высокоточное оружие — книга 43

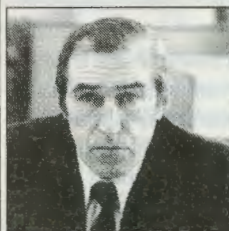
Н. КАЗАКОВ

Мир тесен (остросюжетная повесть, окончание)..... 47

...Через мгновение еще не успеваем как следует переработать услышанную информацию, опешившему, с недоуменным, застывшим взглядом Евдокимову Дворецкий направил пистолет между глаз и рявкнул: «Не корчи из себя Рэмбо! Дернешься — мозги вышибу!..»

А. БОГДАНОВИЧ

Чтоб жила ожиданьем душа... (стихи) 70

КАЛЕЙДОСКОП**Г. ШАХОВ**

В хоккей играют настоящие... 72

Встреча для вас с заслуженным мастером спорта СССР, трехкратным чемпионом Олимпийских игр, неоднократным чемпионом мира, Европы и СССР, прославленным хоккеистом Анатолием Фирсовым.

Г. КАЗАКОВ

Приезжайте к нам в «Тарусу»! 77

Подходит к концу смена в детском оздоровительном лагере внутренних войск МВД России «Таруса». О том, в каких условиях отдыхают здесь дети офицеров, прапорщиков и служащих, сегодня наш рассказ.

Шахматный клуб 79

Кроссворд 80

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.**Редакционная**
коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного редактора), ЕРМАКОВ П.И., ЕРМИЛОВ А.М. (зам. главного редактора), ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАМШЕКИН Н.В., КАРЕВ А.Н. (ответственный секретарь), КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П., КУДРЯШОВ В.И., ЛЕВКОВИЧ В.Г., ПАНЧЕНКОВ В.В., ПЕТРОВ А.А., СЫСОЕВ Н.Г., ТОНКОНОГОВ В.П., ФАТЕЕВ К.К., ШАРАПОВ Н.С., ШЕРЕМЕТА В.А., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.**Верстка**БАРАНОВА В.А.
ПЕТРОВОЙ Л.А.**Корректоры**БОГДАНОВА Е.А.
БУКАТКО В.С.**На 1-й странице обложки**
фото О.СМИРНОВА

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету «Ситуация»
и сборник учебно-
методических материалов
«Войсковой вестник»

При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна© Журнал
"На боевом посту", 1999Сдано в набор 25.06.99 г.
Подписано к печати 30.07.99 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Тираж 2300Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 13,6. Зак. № 1715
Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175**Ордена «Знак Почета» типография**
«Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

(Окончание. Начало на с. 1)

Именно в целях соблюдения законности при распределении и использовании жилой площади, всестороннего и объективного решения вопросов улучшения жилищных условий военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, лиц гражданского персонала, обеспечения социальных гарантий в области прав на жилище, рассмотрения обращений личного состава, касающихся приобретения военного имущества войск в личное пользование, и создаются жилищно-бытовые комиссии.

— Какова вероятность, что в составе комиссии окажутся люди, как бы это помягче выразиться, нечистые на руку.

— Такая вероятность существует, но она ничтожно мала. Состав комиссий утверждается командующими войсками округов, командирами соединений, воинских частей и так далее. Если за кем-то водятся грешки, его к работе в комиссии на пушечный выстрел не подпускают.

ЖБК в своей деятельности руководствуются Конституцией Российской Федерации, законодательными и иными нормативными правовыми актами РФ, соответствующих субъектов РФ, МВД России, Главного командования внутренних войск, и их основными задачами являются рассмотрение обращений личного состава внутренних войск, членов семей военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, по жилищным вопросам, ведение учета личного состава, нуждающегося в улучшении жилищных условий, распределение жилой площади между очередниками воинской части, другие задачи.

— Имеющиеся в войсках нарушения в порядке предостав-

ления жилых помещений начинаются с первичной постановки на учет. Назовите, пожалуйста, наиболее типичные из них.

— Нередко военнослужащие предоставляют неполный комплект документов для рассмотрения вопроса о постановке на учет. Из-за чего в силу своей некомпетентности квартирно-эксплуатационные органы, жилищно-бытовые комиссии, поверхностно рассмотрев документы, неправомерно ставят их на жилищный учет.

Бывают случаи, когда ЖБК сознательно идут на нарушения в вопросах постановки на учет, несмотря на то, что на каждого члена семьи военнослужащего жилой площади приходится более установленной нормы.

Таких примеров во войскам очень много. В связи с этим распоряжениями главнокомандующего внутренними войсками командующим округов предписано организовать контроль за законностью постановки на жилищный учет в подчиненных воинских частях. В Главкомате в функции отделения жилищно-бытового обеспечения включена ежеквартальная документальная проверка представляемых списков очередников и решений жилищно-бытовых комиссий округов, воинских частей и учреждений, непосредственно подчиненных главкому. К великому нашему стыду, имеются случаи утаивания квартир по прежнему месту службы и со стороны офицеров Главкомата.

— Товарищ генерал, должностные лица органов военного управления внутренних войск, отвечающие за учет и распределение жилой площади, при решении жилищных вопросов различного характера сталкиваются с несколькими десятками нормативных документов жилищного законодательства.

Не могли бы вы назвать основные из них? С жилищной проблемой рано или поздно сталкивается каждый военнослужащий, и знать, где искать ответ на интересующие его вопросы, ему не помешает.

— Я бы выделил пять документов — Конституцию Российской Федерации, закон «Об основах федеральной жилищной политики», Жилищный кодекс Российской Федерации, Примерные правила учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставления жилых помещений в РСФСР, федеральные законы о статусе военнослужащих и о внутренних войсках. Свои нормативные правовые документы имеются в субъектах Российской Федерации.

— А какие нормативные правовые документы имеются в Министерстве внутренних дел, Главном командовании внутренних войск?

— Прежде всего это приказ МВД России № 18 от 5 января 1996 года «Об упорядочении учета лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и распределении жилой площади в органах внутренних дел». Директива командующего внутренними войсками МВД России от 9 июля 1994 года «Об утверждении Положения о центральной жилищно-бытовой комиссии Главного командования внутренних войск МВД России». Эти документы имеются в частях, и при желании с ними может ознакомиться каждый военнослужащий.

— И последний вопрос, Петр Николаевич. Какое место вы отводите жилищной проблеме в жизни войск?

— Жилищная проблема — проблема номер один. Решив ее, мы сумеем переломить ситуацию в войсках на всех направлениях.

В зоне особого внимания

ЗАСТАВА, «КОЛЬЦО»!

«Курортная» замена

Добраться из первопрестольной до стреляющей чеченской границы для командированного на Северный Кавказ служивого не составляет нынче большого труда. Ежели транспортный борт не задержится с вылетом из Чкаловского и повезет с оказией в Моздоке, к вечеру вас гостеприимно встретят на вспомогательном командном пункте в «прифронтовом» пропеченном солнцем Кизляре. Ну а расщедрится госпожа удача по-крупному, предоставив перед сумерками еще одну попутную «стрекозу», вы, не веря своему счастью, переночуете, к примеру, в Баташорте или в пункте временной дислокации воинской части соседней тактической группы внутренних войск. А утром бэтээр инженерной разведки доставит вас на ближайшую заставу, где правят службу бывалые, прошедшие не одну горячую точку офицеры, прапорщики и солдаты, тоже понюхавшие порошу на тревожном кордоне.

Нам с фотокором Олегом Смирновым в течение дня везло, как никогда; в унисон стучали по дереву, чтоб не отвернулась в пути журналистская фортуна, учинив какую-нибудь проволочку. Ил-семьдесят шестой, спереди похожий на зобатого пеликана, оторвал шасси от бетонки ровно в 9.00 — к великой радости (хуже нет — ждать у моря погоды) военного люда, плотно заселившего

нижнюю и верхнюю палубы при минимальном наличии жизненного пространства: порожняком самолеты на «юга» не отправляют, хлопотливые, вечно озабоченные тыловики загружают чрева крылатых трупяг под завязку — продукты, вещевка и масса других жизненно необходимых в служебном кавказском быту причиндалов. В придачу к казенным ящикам и мешкам в проходах — пузатые камуфлированные сумки, заботливо упакованные женскими руками: и то сказать, три месяца будут жить мужья вдали от семей. довольствоваться малым.

Только мы с Олегом летим налегке, если не считать увесистой картонной коробки с газетами «Ситуация», журналами «На боевом посту» и «Братишка» для раздачи окопникам: на заставах по причине хронического финансового дефицита с прессой большая напряженка.

На лицах наших спутников — офицеров из Уральского округа внутренних войск, следующих в Моздок менять собратьев из других войсковых уделов, которые добросовестно отпахали горячую страду в зоне особого внимания и ждут не дождутся замены, — ни тени тревоги. Угощая друг друга домашними пирожками, бутербродами и прикупленными в столице нарезками, аппетитно похрустывая пахучими огурцами, хохмят, радуясь теплоте мужскому общению. Словно едут загорать на курортном солнышке. А ведь многим из них придется работать не только в кабинетах штаба временной оперативной группировки сил на территории северокавказского региона. Опытным управленцам, разведчикам, спецам различных служб обеспечения, «замполитам» предстоят выезды в тактические группы, на «блоки» и КПП, где обстановка от-

нюдь не курортная — стреляют. Судите сами.

Ночью 28 мая несколько атак многочисленной банды отразил с помощью вертолетов личный состав заставы у гребенского моста на границе Хасавюртовского района Дагестана с Шелковским районом Чечни.

16 июня совершено вооруженное нападение на «Ниву» с сотрудниками милиции, направлявшимися в РОВД с контрольного поста возле н.п. Абрам-Тюбе Нефтекумского района Ставропольского края. Спустя некоторое время на дороге, неподалеку от н.п. Тукуй-Мектеб, обнаружено тело одного из милиционеров. При дальнейшем осмотре местности в канале нашлась машина с телами еще троих погибших. Похищено два автомата и три пистолета.

17 июля в 17.45 была потеряна связь с патрульным нарядом милиции ОВД Курского района Ставрополья на автомобиле «Урал». В 23.45 возле н.п. Виноградное обнаружены четыре трупа сотрудников. Один сотрудник и автомобиль пропали. При осмотре места происшествия установлено, что тела убитых казаков-милиционеров заминированы. Оружие похищено.

С 17 на 18 июня из минометов, гранатометов и стрелкового оружия обстреляны заставы в районах н.п. Первомайское, Аксай и Копайского гидроузла Республики Дагестан. После ответного огневого поражения и ударов с воздуха по скоплениям нападавших обстрелы прекратились.

28 июня около двух часов ночи на КПП близ н.п. Октябрьское Моз-

докского района Республики Северная Осетия — Алания группа (предположительно чеченских боевиков) численностью до 50 человек обстреляла несущих совместную службу работников милиции и военных. Через несколько минут из резерва были выдвинуты подразделения спецназа, разведки и минометчики. Их действия обеспечивал с воздуха боевой вертолет. В ходе ожесточенной перестрелки атака отбита. Преступники скрылись на джипах.

Нападая на войсковые заставы и контрольные посты милиции, бандиты, верные своей коварной тактике, устанавливают на улицах населенных пунктов и дорогах взрывные устройства, продолжают похищать людей, совершают попытки угонов сельхозтехники, скота. По данным МВД, только

за июнь в районах, прилегающих к административной границе с Чеченской республикой, зарегистрировано 24 преступления, в том числе 8 убийств, 2 разбойных нападения, 6 похищений граждан. В приграничном Курском районе погибли от чеченских пуль 11 милиционеров. Для мирного времени эти цифры и факты из оперативных сводок и донесений — сродни фронтовым...

По всему видать, чеченские боевики и их союзники — моджахеда Дагестана, как гордо именуют себя мусульманские фундаменталисты-ваххабиты, начинают раскручивать на границе маховик необъявленной войны. С далеко идущими целями. И не только из «идейных» побуждений. Потолковать об этом еще будут поводы. А пока — дежурные вопросы к окру-

жающим нас офицерам. Первым откликается майор-балагур, похожий на Василия Теркина с классических рисунков, от баек которого дружные взрывы хохота заглушают богатырскую песню турбин «Ильюшина».

— Сколько «ходок» на войну, спрашиваете? — морща лоб, начинает загибать пальцы и с усмешкой тут же бросает это занятие. — Одной Чечни в льготном исчислении не меньше года набегает. А до этого Осетия — Ингушетия, Карабах, Баку, Фергана... Так сразу и не сочтешь. Еще в курсантскую пору наш брат начал изучать географию горячих точек. Не по учебникам. И, похоже, сейчас вэзэшникам предстоит очередной экзамен по той географии, будь она трижды неладна.

— Вы лучше с нашими женами

поговорите, — пробасил сосед майора, могучий стриженный под «ноль» усац со спецназовским наруканным знаком. — Они вам конкретнее обо всем расскажут. Как ждали, как мытарились по частным квартирам, занимали бабки, пока мы восстанавливали «конституционный порядок» у нохчей, а нас в это время подставляли, предавали и продавали. Да вдобавок еще ваши коллеги приклады вали. Встретиться бы кое с кем да поговорить по-мужски...

— Ладно тебе тучи нагонять, — сощурился «Теркин». — После драки кулаками не машут. А журналистов не стоит под одну гребенку стричь. Книгу «ВВ: кавказский крест» полковника Бориса Карпова и Олега Смирнова многие читали. Там — все по жизни, как было на войне. И сейчас наши перья и

объективы едут не за моздокскими фруктами...

— Да что я, не знаю, кто есть кто?! Про других речь. Иную газету противно в руки взять. Прочитаешь — ну райское демократическое житье, майский день, именины сердца. А в реальности — одни дворцы себе строят да миллионы баксов за бугор перекачивают, торгуя Россией оптом и в розницу, а другие, у которых ни собственной хаты, ни приличного денежного удовольствия, кровь на Кавказе проливают и подают старикам, что обедками из мусорных ящиков питаются...

— Ну так увольняйся, кто тебя держит. Вольному — воля. Нанимайся бультерьером к богатому хозяину, — съехидничал майор. — Будешь баксы иметь и на Канарах развлекаться.

Спецназовец моргнул усом в ответ:

— Есть дела поважнее. И у меня, и у тебя, и вот у него, — похлопал по плечу Олега Смирнова. — А вообще, завязываем про войну. В моздокский санаторий едем отдыхать, и точка...

Вот такие у «кавказцев» настроения, такие вот разговоры.

Как тут не вспомнить хрестоматийного «Тараса Бульбу»? «Есть еще порох в пороховницах...».

Среди своих...

Есть порох... Не согнулись товарищи офицеры. Вот почему хорошо сознавать себя своими среди своих. По-военному уютно. Это крепкое чувство усилилось, когда после сытного обеда летели из Моздока в Кизляр на «корове», транспортном Ми-двадцать шестом, способном перевезти в своем вместительном нутре бэтээр или «бэмпэшеку» с экипажем. Но сейчас в нем только груз и вооруженные пассажиры. Запомнился эпизод. Последним перед взлетом взбегают по трапу генерал-майор, оглядывается, подыскивая место. А все сиденья заняты «согласно куп-

ленным билетам». Лейтенанты и прапорщики наперегонки уступают место высокому начальству. А молодежавый и очень свой по виду генерал, смахнув носовым платком пот со лба, шутливо дает команду «вольно» и скромно пристраивается на углу тылового причиндального ящика рядом с выстунившимися по «стойке сидя» солдатами.

Мы с Олегом тоже не в креслах. Жестко сидим. Зато рядом с офи-

церами-летчиками. Смотрю в иллюминатор под убийственный рев двигателей с восьмиллопастным винтом и не могу оторваться: из-за кудрявых фиолетовых туч пробиваются к земле неопишуемые по многоцветью красок закатные солнечные столбы. Смирнов в восторге неэкономно жужжит-щелкает затвором «Никона»: когда еще увидишь такую небесно-неземную красоту! Между тем привычные к воздушным красотам летчики ведут разговор о земном:

— Представляешь, первый раз в жизни собрался с семьей в санаторий, в Сочи, а медики тормозят. Есть, мол, распоряжение — чернобыльцев летом на море «не пущать». Вроде того, солнечная радиация, вредно для здоровья. Над

реактором, понимаешь, нормально, а там — риск. Езжай, советуют, в Кавминводы, в «Дон» или в «Россию».

— И правильно советуют, докторам виднее. Какая разница, где расслабляться. Главное — заслужил свой отпускной август!

Вмешиваясь в разговор, уточняю для себя: у боевого летчика кроме Чернобыля два года Афгана, Карабах, Чечня по полной программе... Заслужил...

— Только не упоминайте фамилию, — кладет руку на мой блокнот. — Береженого Бог бережет. Мы и наши семьи теперь под прицелом, будут выношивать враги. Потому как, подсобляя заставам, не один десяток «духов» с «вертушек» отправили НУРСами к шайтану.

Приземляемся. Вокруг посадочной площадки и военного городка — земляной вал, сторожевые вышки. Выцветшие на солнце палатки за камышовыми оградами... Чем-то древним, из минувших веков, веет от всего этого. Кавказский бивак...

— Вот мы и дома, приехали. — Соседка-прапорщик, отодвигаясь от иллюминатора, радостно улыбается. — Пару журналов подарите?

— Да больше, красивая!

— А фотографии?

— Не скупись, Олег, фотографируй!

— Ну а я что делаю? Хорошо, запасся пленками. Для таких симпатичных...

Авиация дает добро

Старый знакомец, полковник, заместитель командующего группировкой — начальник вспомогательного пункта управления (ВПУ) в Кизляре, уничтожая ладонями злющих комаров (не иначе,

из Чечни прилетают на «бомбежку»), с карандашом в руке читал стопку телеграмм из вышестоящего штаба. Увидев нас, перешагнувших порог командирского вагончика, устало улыбнулся, потер воспаленные от хронического недосыпа глаза:

— Молодцы, что приехали. Материала для вас — море. Только правдиво пишите, договорились? А то в некоторых СМИ очень свое-

налов и газет и одобрив материалы под рубриками «Опыт, оплаченный кровью» и «В зоне особого внимания», Виктор Владимирович стал вводить нас в обстановку.

Никаких утешительных прогнозов. По-прежнему тревожно на кордоне...

Не исключено, что и сегодня ночью на какой-нибудь из застав прозвучит команда «Кольцо!», и военные, действуя в круговой обо-

образно интерпретируют происходящие на границе события...

Да уж, тут ни убавить, ни прибавить. После командировки прочитаю в одной шибко независимой газете: «Все заявления о прентивных ударах можно расценить как оправдание беспрецедентной концентрации на границах с Чечней подразделений внутренних войск...» Оправдание... Совралось, как с курка сорвалось. Посидеть бы автору этих строк с бойцами в окопе под бандитскими пулями да поговорить с людьми, побывавшими в чеченском рабстве — может, понял бы значение беспрецедентного военного присутствия в стреляющем регионе.

Бегло проглядев по диагонали страницы свежих войсковых жур-

роне, будут отражать атаки вооруженных бандитов.

Тут очень кстати заходят офицеры разведки и авиации.

— Это свои, — кивнув в ответ на вопросительные взгляды в нашу сторону, шевельнул на столе карту хозяин «кабинета». — Доклады-вайте...

— По лежбищу «духов» на молочно-товарной ферме у Бороздиновской соображения такие... — Разведчик склонился над картой, отмахиваясь от назойливых насекомых...

— Если данные подтвердятся и бандиты попытаются в очередной раз напасть на заставу, наши действия... — Подполковник с крылатыми эмблемами углубился в детали воздушной боевой работы.

— Согласен, — внимательно выслушав подчиненных, потер крепкое искусанное «бомбардировщиками» плечо начальник ВПУ. — Значит, так. Ми-восьмой — отвлекающий маневр. Двадцать четвертый атакует боевиков с тыла и...

— Нам бы как-нибудь пристроиться в «вертушку», на боевой вылет, — робко взмолился Олег.

— Понимаю профессиональный интерес фоторепортера, — переглянувшись с летчиком и получив для нас добро, сказал замкомандующего. — Авиация разрешает, так что в случае чего посылный вас разбудит. Но, думаю, сегодня будете спать без напряжения, разведка не все еще выяснила. А завтра утром — вертолет в Баташ. Дальше, до застав — броней по земле. Честно говоря, так-то оно за родную прессу спокойнее.

Мечта Олега запечатлеть на пленке жесткое наказание с борта Ми-24 обнаглевших «волков» не сбылась. Видимо, у разведчиков был большой объем работы по уточнению полученных сведений. Так что летчики, в отличие от Смирнова, до рассвета караулившего у окна гостевого вагончика боевой вылет, спокойно отдыхали. Зато с утра и до позднего вечера журналистская судьба широко улыбалась моему коллеге, вознаграждая за профессиональное рвение богатым урожаем видеосюжетов.

Чери, «духи», «духи»!

— Везет вам, через пять минут на аксайскую заставу отправляется бэтээр инженерной разведки, — сказал командир шестой тактической группы, когда мы после пятнадцатиминутного перелета из Кизляра в Баташпорт представились по случаю прибытия в ТТ для отражения горячих событий. — Что касается последних новостей... Вчера главарь одной банды вышел с нами на связь. Просит мировой: «Мы вас больше не тро-

гаем, вы со своей артиллерией и вертолетами — нас». Усыпляет бдительность, полагая, что в штабе наивные дилетанты собрались. Прикидывается овцой. А на деле получившие по зубам «волки» переходят к подлой тактике минной войны. Недавно наши саперы обнаружили и обезвредили два фугаса. А сегодня утром минно-розыскная собака, умница Чери, при осмотре дороги возле милицейского поста за Аксаем легла на обочине, подав знак: в земле — тротил или пластик. Начальник инженерной службы старший лейтенант Чернобровый* будет работать на том месте. Поедете с ним, но, прошу, будьте осторожны.

Слова командира ТГ напомнили мне напутствие коллеги — начальника отдела очерка и публицистики журнала «На боевом посту» полковника Бориса Карпова, побывавшего вместе с Олегом Смирновым почти во всех горячих точках бывшего Союза и России: «За Олегом Олеговичем присматривай, он же сумасшедший фотокор. То взрывы мин на улице Грозного лезет снимать, когда

омоновцы с матюгами шлифуют «бронированными» пузами асфальт, то подставляется со своим «Никоном», намереваясь под пулями зафиксировать для истории штурм здания...

— Понял? Ты там не очень! — на всякий случай предупреждаю Олеговича.

— Ну... понял, — удобно устраиваясь рядом со мной на «крыше» бэтээра, шевелит усы улыбкой.

Доехали с ветерком. На улицах дагестанских сел женщины и детвора приветливо нам улыбались и махали вслед бэтээру руками. Так же приветливо после нетерпеливого ожидания встретили воинов инженерно-саперного подразделения милиционеры на контрольном посту, отдавая особенную

дань уважения старшему лейтенанту Олегу Чернобровому.

— Ну что, мужики, начнем, — подойдя к предупредительному флажку, негромко сказал офицер. С этими словами он мягко положил руки на землю возле ржавой железяки и невесомыми ласковыми движениями начал шевелить сухие комья и камешки. Потом взглянул снизу вверх на окружающих: — Просьба всем укрыться за насыпью...

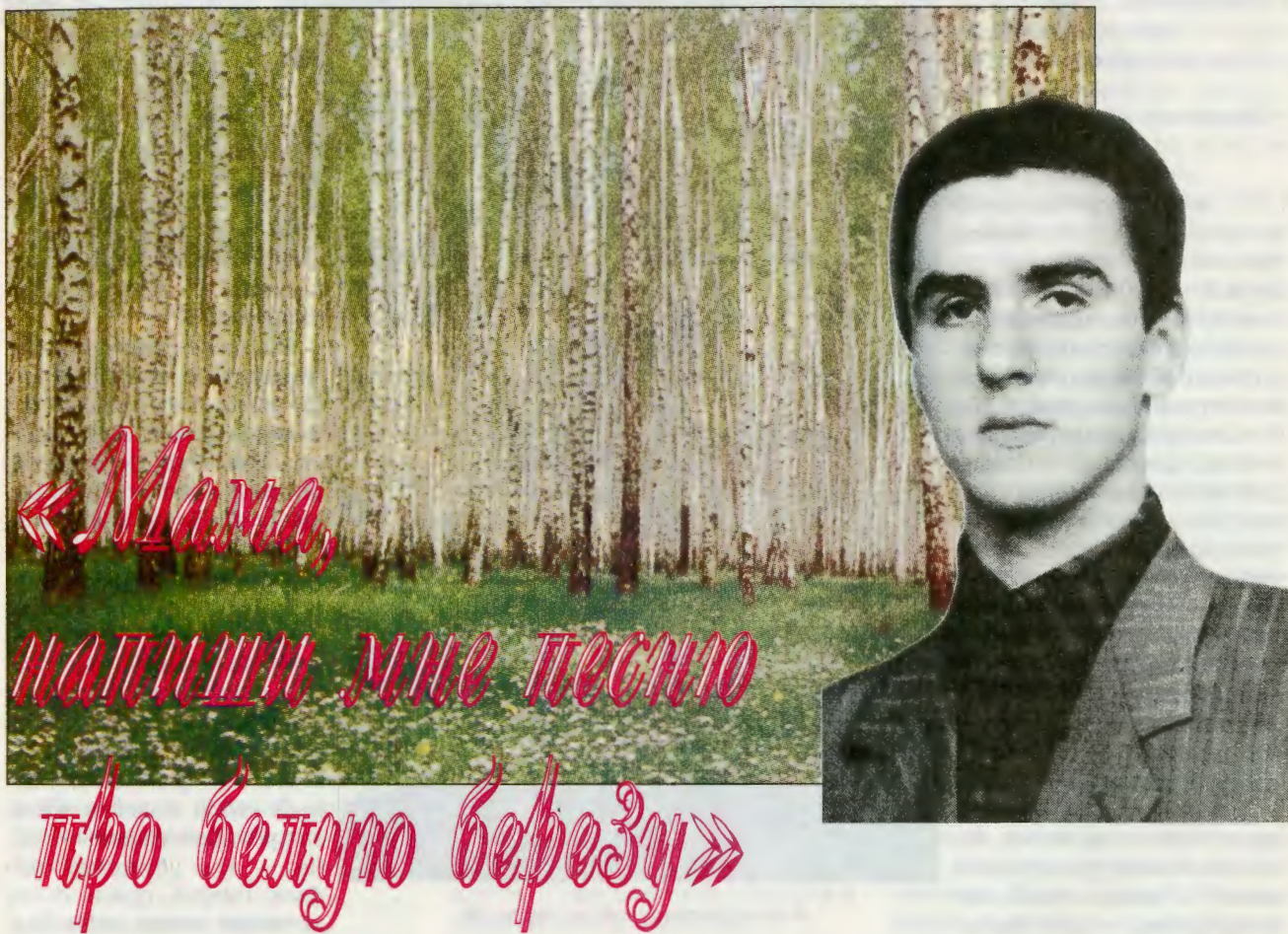
**Полковник
Юрий КИСЛЫЙ**

Фото
Олега СМЕРНОВА

*По понятным причинам некоторые фамилии изменены.

(Окончание следует)

По страницам Книги памяти

1. «Внимая ужасам войны»

Экзаменационная работа по литературе (сочинение) ученика 11 «А» класса полевой средней школы №17 Свердловской области

«Начать свое сочинение я хочу словами, которые произнес автор в фильме «Фанфан-Тюльпан»: «Женщины с удовольствием пре-

давались занятиям своими туалетами, а мужчины — войне».

Вся история нашей страны — это история войн. Две самые значительные и будоражащие сознание — Великая Отечественная война и война в Афганистане...

С самого раннего детства я мечтал стать военным, мечтал о подвигах. Я зачитывался книга-

ми о войне, о героях. Моими кумирами были Матросов, панфиловцы, защитники Брестской крепости. И я бегал по улицам с деревянным ППШ, отстреливаясь от «врагов», и «умирал», весь «израненный», «подорвав» себя гранатой. Прошло время, и мне стало стыдно бегать по улицам с деревянным автоматом, и я ге-

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

ройствовал только в своих мечтах.

Таким образом, жажда подвига была у меня в крови с раннего детства. И хотя я понимал, что не только слава важна человеку, все-таки мне хотелось самому совершить подвиг. На этот счет Лермонтов был прав:

*Известность, слава,
что они? — а есть
У них над мною власть;
и мне они
Велят себе на жертву
все принести...*

И вот я перечитываю книги о войне... И я понял, что война — это очень тяжелый труд. Когда бойцы совершают подвиг, они не думают о славе и почестях, а просто выполняют поставленную боевую задачу. То, что мы называем ужасами войны, для них — боевая действительность. Потому как война без жестокости невозможна. В книге И. Канавина «Когда мы были юнгами» есть слова: «Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его!» А ненависть к врагу подразумевает жестокость к нему. И в этом нет ничего противоречивого.

Война есть, была и будет средством выяснения отношений между государствами. И люди, граждане государства, встают на защиту его интересов с оружием в руках.

Мы сейчас говорим об афганской войне как о несправедливой войне. Но что в этой войне несправедливого? Наше правительство не ставило своей задачей ни захватить Афганистан, ни уничтожить его население. И кроме термина «необъявленная война» она пока другого не полу-

чила. Афганская война сыграла огромную роль в поднятии боеспособности нашей армии. По словам генерала Промова (он командовал 40-й армией, которая и являлась ограниченным контингентом советских войск в Афганистане), в Российской армии служит более 30 тысяч офице-

как становятся мужчинами их мальчики, при этом надрывая сердце и нервы, спросите у командиров».

Когда говорят об афганской войне, часто задают вопрос: «Кому было тяжелее — рядовым солдатам или их командирам?» Пожалуй, это не очень корректный вопрос. Да, командный состав в Афганистане имел лучшие бытовые условия, чем солдаты. Да, кормили их лучше. Но в бою противник чаще всего в первую очередь целится в офицера. И в Афганистане гибли они чаще в процентном отношении, чем их подчиненные. Комфортнее живешь, зато и рискуешь больше.

Со всех сторон кричат: «Не надо было туда лезть! Не было бы столько ненужных жертв!» Я бы ответил им: «Раз государство послало войска туда, значит, у него там были свои интересы. Все государства борются за сферы влияния в мире. Наша страна — одна из крупнейших. И если дело дойдет до войны, я выступлю на стороне своей страны, даже если она будет не права...»

Костя Верховодов, главный герой повести «День за три», рассуждает: «Война — это убийство, это боль, смерть, грязь. И тем не менее, за нее награждают, дают звания, должно-

сти, идет день за три. Абсурд? Тысячу раз да». Но я ему отвечаю: «Награждают, дают звания не за убийство, боль, грязь, а за верную службу Отечеству, за выполненный долг».

Вот мы и добрались до понятия «долг».

В повести Андрея Дышева «Сынок» перед строем зачитыва-

В археологической экспедиции

ров «афганцев», которые передают свой боевой опыт подчиненным.

Да, для многих Афган обернулся трагедией. Для многих стал школой мужества.

Меня поразили строки из повести «День за три» Н.Иванова, который сам участвовал в этой войне: «Если матери хотят знать,

**Сергей Дрюпин и Ефим Зенцов.
Как они радовались, что попали в один экипаж!**

ется письмо, написанное замполитом матери погибшего бойца. Там были такие слова: «Человек рождается для долга, и в этом высший смысл его жизни». И главный герой Геша Ростовцев подумал: «Все мы, оказывается, погрязли в долгах». Да, мы все погрязли в долгах: перед Родиной, перед родителями, перед своими детьми. И мы выполняем свои долги. И мальчишки становятся мужчинами, «надрывая сердце и нервы», и учатся ненавидеть, чтобы победить и остаться живыми. И как в песне из кинофильма «Семнадцать мгновений весны»:

*Наверно, нужно просто
помнить долг
От первого мгновения
до последнего...*

Они помнили долг, и после обстрела военного городка весь израненный осколками дневальный бросился в горящий штабной модуль, чтобы спасти Знамя полка. И под обстрелом ведут колонну с хлебом для голодного Ка-

була, и у каждого в полу бушлата вшит «смертничек» — патрон на случай плена. Они помнили долг.

И нет никаких «ужасов войны», есть только боевые будни. Война есть война. На войне как на войне.

Командиры всегда задавались вопросом: «Почему гибнут самые лучшие бойцы?» И отвечали сами себе: «Потому что там, где погибнет лучший, могли погибнуть шесть-семь средних или плохих». И это печальная истина. Печальная правда о войне. Гибнут лучшие. Гибнут и становятся героями. Народ ставит им памятники, слагает былины, пишет о них книги. И они навсегда остаются в памяти народа воинами.

Вечная память вам, лучшие!»

2. Школа жизни — не только в армии

Именно так (из школьного сочинения Ефима Зенцова мы не выбросили ни слова) представлял воинский долг юноша, получивший не просто аттестат об

окончании средней общеобразовательной школы, но «аттестат зрелости», как всегда было принято именовать этот документ. Нина Сергеевна Тимофеева кроме школьного сочинения одного из своих любимых учеников, прислала и свои воспоминания о нем:

«Сейчас я и не вспомню, когда познакомилась с ним. Скорее всего, я увидела его танцующим. Каждый раз удивлялась тому, как лихо и грациозно танцует этот юноша, как он отдается танцу. Мне кажется, что ко всему он относился очень серьезно.

Когда мы репетировали КВН и нужно было танцевать, без всякого сомнения решили, что позовем Ефима. И он танцевал, играл в КВНе, несмотря на большую занятость, готовил литературные вечера. Ближе я узнала Ефима во время поездки в Севастополь. Обаятельный и интересный в общении, он привлекал окружающих, но сторонился пошлости и грубости. Он мечтал о карьере дипломата, о поступлении в престижный вуз. Планы были грандиозные.

Ему можно было избежать службы в армии, как это удается многим, но он отказался от каких бы то ни было предложений. «Нет, мы пойдем в армию», — заявили они с Сергеем Дрюпиным, его товарищем.

Было очень холодно, и шел снег, когда мы провожали их в военкомат. Раньше всегда звучали песни, частушки — проводы в армию отличались особым весельем. Сейчас нет. Вокруг сосредоточенные, серьезные лица, плачут мамы, грустят сверстники.

О службе, настроении Ефима мы узнавали из писем Сережи Дрюпина. Радовало то, что они вместе. Сергей раньше Ефима уехал в Чечню и очень ждал его. Как радовались они встрече, как волновались друг за друга!

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Сергей писал 13 июня: «Как там сейчас Ефим? Когда я уезжал сопровождать колонну в Моздок, его рота находилась в окопах на передовой вторые сутки».

Сереза не знал тогда, что Ефима уже нет в живых...

Весть о том, что он погиб, потрясла всех нас — родителей, учителей, учеников. Шли экзамены, мы почти не встречались, но в тот день пришла, кажется, вся школа. Я не знаю, как им это удалось, но пришли все мальчики моего класса: Боря Булгаков, Валера Воронин, Женя Ващенко, Костя Шарипов, Артем Коквин. Одноклассники Ефима сменяли друг друга в почетном карауле у гроба. Не было Игоря Чердниченко. И вдруг, когда на улице шла последняя служба священника, ко мне подбежал Игорь:

— Что здесь происходит?

— Игорь, разве ты не знаешь?! Мы же хороним Ефима!

Игорь был с дорожной сумкой — приехал на несколько часов в увольнение из челябинской школы милиции. Он спешил к своим, когда увидел массу народа у дома Зенцовых...

Тяжелый гроб хотели везти на машине, но юноши подняли его на руки и несли до самой школы. Они были все в черном, высокие, сильные, красивые — почти вся бывшая команда КВН, капитаном которой был Сереза Дрюпин. Он оставался в Чечне... Как там сейчас Сергей и все остальные наши ребята? Ведь мы-то здесь все вместе. Да, нам больно, нам тяжело, но мы взрослые, мы знаем жизнь, а ведь они-то еще совсем дети!

Среди идущих за гробом особенно выделялась группа матерей, чьи сыновья служили вместе с Ефимом. Они ездил к ребятам, когда те еще служили в Калачена-Дону. Все женщины моментально собрались, узнав о смерти

Их помнят в родной школе

Ефима, двое суток безотлучно находились рядом с его мамой.

О ней, о матери, особый рассказ».

3. «Спасибо, мама, ты хорошо нас воспитала»

Кто-то скажет, что это жестоко — беречь душу матери воспоминаниями о погибшем сыне. Но судя по тому, как Екатерина Иннокентьевна рассказывает о Ефиме, она по-настоящему гордится своим сыном, и теперь, когда его нет рядом, она сознает, что рос он правильным человеком. Она не только родила и вскормила двоих сыновей, но, оставшись без мужа, не сделала из старшего Ефима и младшего Максима маменькиных сыночков, в одиозном смысле этого слова. Вот какое письмо пришло от нее в нашу редакцию:

«Здравствуйте!

Спасибо за память о мальчиках. Наверное, я слишком поздно пишу, простите. Не верится. Живые не нужны были, а теперь-то зачем? Сколько их, таких, как

мой сын? Обыкновенный мальчик, так много хотел, но ничего не успел.

Родился желанным первенцем наш Ефимушка. И называли-то его в честь дедушки, на войне тот был отважным разведчиком.

Ефимушку интересовало абсолютно все, что окружало. Общителен, ответствен. С пеленок можно было оставить с кем угодно, только скажешь: «Надо, сынок, подожди». И ждал — никаких капризов. Мне кажется, его любили все. В ясельках был неизменным помощником: расставлял игрушки, помогал одеваться другим. В садике участвовал во всех утренниках, выполнял все домашние задания. В день знакомства со школой сам себе выбрал учительницу, хоть и записали в другой класс. 1 сентября ушел к ней: «Моя Раиса Николаевна». Ни разу не подвел. Она его называла «Ефимушка — палочка-выручалочка». За всю нашу жизнь я ни разу не обманула его даже в мелочи, и он платил мне тем же. Но очень огорчался, когда другие не держали своего слова.

В школе записывался во мно-

**Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой**

жество кружков и даже плакал, что не успевает. Но балльные танцы постепенно все оттеснили. В третьем классе объявил: «Мне надо читать ноты, а в музыкальную школу без родителей не принимают». Большой конкурс его не смутил, на второй год все же поступил. Сольфеджио было его любимым предметом.

В шестом классе прибежал: «Мама, помоги, меня не принимают в фехтовальный кружок». Тренер: «Мамаша, вы ображаете, какая нагрузка! Две школы, бассейн, танцы! Зачем это надо?» — «Надо! Я только научусь, правила узнаю, разведчику надо уметь все». Тренер засмеялся, потом враз посерьезнел: «Цель есть, у всех она должна быть. Ладно, учись, разведчик».

Литературу для него выписывали разную. С 14 лет добавились журналы «Техника молодежи», «Советский воин». Почтальон даже ворчала, да и не она одна. А как я откажу, если ему надо? Он делал какие-то выписки, вырезки, ждал эти журналы.

Члены исторического кружка

в каникулы принимали участие в археологических экспедициях Уральского университета. Ефим был правой рукой руководителя кружка Александра Викторовича Непомнящего.

В свое шестнадцатилетие за праздничным столом Ефимушка сказал: «Спасибо, мама, ты хорошо нас воспитала, дала все, что могла, и даже больше. Найди себе человека по душе, а то одной-то плохо. Мы с тобой только до восемнадцати лет». Все засмеялись. «Не слушай их, мама, Максим еще маленький, он потом все поймет». И когда я встретила Анатолия Николаевича, Ефим признал отчима, радовался за нас.

После школы Ефим поступал в Кадровый центр. Не поступил, но не отчаялся, понимал: знаний маловато, грамматика «плачет». «В армию пойду, писать буду, письма сохраните, потом ошибки исправлять буду красной пастой».

В университет не пошел. История — это только увлечение, не поддался на уговоры Галины Ви-

кторовны Бельтиновой, преподавателя УрГУ, руководителя археологических экспедиций. И Анатолия Георгиевича Русина, руководителя студии танцев, хоть и уважал, но не захотел слушать. А тот ведь хотел его определить на службу в ансамбль Уральского военного округа.

«Нет, прятаться не буду. Как я ребятам в глаза посмотрю? Надо испытать себя армией». Устроился дворником в детский садик, проработал два месяца и ушел в армию...

У меня хороший сынок получился, грех мне на него обижаться. Ни разу не краснела от стыда, только от радости.

Из армии он очень часто писал, до меня дошло за полгода 60 писем, много их в пути терялось — и его, и моих. Многие мамаша ездили к своим сыночкам в часть. Из нашего города разом тогда отправили 28 мальчиков. Я вот не ездила — Ефимушка просил не тратить деньги, а лишние откладывали ему на учёбу. Полтора года — не вечность...

Когда привезли жуткий цинковый ящик, сказали, что там Ефимушка и лучше мне не смотреть — мина у его ног взорвалась. Мамаша других «чеченцев» закричали, что из-за него ребята в Чечню попали, что это он их уговорил, романтик! А потом кинулись на лейтенанта Неволлина, который привез моего сыночка. Потом рассказали, что я его защищала, просила не трогать. Я же ничего этого не помню, одно только — стоит в ушах скрежет досок, гвоздей, стук молотка.

Этот лейтенант нам писал, и его жена нам писала, что она за мужем уехала — тяжело очень, но не жалее, судьба такая, горькую чашу надо испытать до конца, не вздрагивать. Дочка-малютка ей помогает выживать, когда муж на войне. Я день и ночь молила, чтобы никто из мальчиков боль-

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

ше не погиб, чтобы поскорее кончилась эта бессмысленная война.

Ребята о Ефиме много говорили, но никто не мог написать, говорят, что он про себя сам хорошо написал, лучше не скажешь. Дело в том, что в одиннадцатом классе к ним пришла новая классная руководительница и сказала, что времени на раскачку и знакомство со всеми нет, поэтому, чтобы было легче работать, пусть каждый напишет о себе...

В последний путь Ефима пронесли мимо его родной школы № 17, где прошла вся его школьная жизнь, где прозвенел для него последний, прощальный звонок...

18 октября, в его день рождения, по местному радио передавали одну из любимых песен Ефимушки — «Конь» группы «Любэ». И по телевизору о нем говорили, и отчим пел песню «Черный ворон» уже без него. А вдвоем-то у них хорошо получалось...

4. «В армию пойду, писать буду, письма сохраните...»

«У меня, на мой взгляд, гуманитарный склад ума. Не люблю возиться с техникой.

Память в порядке. Характер нордический, стойкий. Люблю общество.

Считаю, что главное — быть хорошо одетым, все должно делаться со вкусом. Меня просто тошнит, когда вижу безвкусно одетую девчонку. Мне нравится наш советский рок. Больше всего отдаю предпочтение группам «Кино», «Акваршум», «Ноль», «Чайф», ДДТ.

Мне нравятся книги о политике.

Я не люблю ссоры. Мне нравятся немецкий язык и литература.

Я патриот. Я люблю свою страну...

Я люблю пельмени, кофе и сладкое.

Люблю зеркало.

По темпераменту я сангвиник, наполовину флегматик.

Мне нравится искусство. Я занимаюсь бальными танцами. Хотел бы заниматься большим теннисом, но нет такой возможности.

В будущем я вижу себя дипломатом. Мне хочется путешествовать, и все свободное время я посвящу этому.

Такую характеристику дал он сам себе в выпускном классе.

Те, кто знал Ефима Зенцова, утверждают, что он ни в чем не лукавил, сказал только правду. А строки тех писем, которые просил сохранить, также без прикрас говорят о его недолгом, но честном солдатском пути.

«8.12.94. ... 17 декабря будет присяга. Отпразднуйте день моего становления воином. У меня все хорошо, только пятки немного сбил. Многие ребята сломались, «косят под больничку», вымалывают у врачей освобождение, хотя нагрузки не очень большие. Мама, даю тебе слово, что я так не поступлю, я честно выполню свой воинский долг».

«12.12.94. ... У меня к тебе просьба. Напиши мне, пожалуйста, песню про белую березу, спроси ее у Димы, а также спроси у Анатолия Николаевича песню «То не вечер, то не вечер».

... В отпуск нас отпускать, наверное, не будут, т.к. мы — оперативная часть, зато я приеду домой на 10-12 дней раньше. Я к этому месту уже привык, и дом — далеко-далеко. Мне иногда кажется, что я никогда не вернусь.

Мама, я горжусь, что служу в ВВ. Это не самые престижные войска, но самые нужные и боевые, и я горжусь этим. Мо-

жет, кто-то посчитает меня сумасшедшим — пусть. Я считаю себя патриотом».

«13.01.95. ... Сегодня целый день ничего не делаем. От безделья накатывает тоска дремучая. Мне здесь все осточертело. Я устал. Скорей бы на выезд, там, говорят, время быстро летит».

Его кипучая натура искала выхода в настоящем серьезном деле. Писал о серых буднях солдатскими частушками:

*Съел я масло — день прошел,
Съел яйцо — прошла неделя.
Что б еще такое съесть,
Чтобы служба пролетела?*

Уже шла война, и он знал, что его войска ведут бои. Ему, не привыкшему «косить под больничку», солдатская судьба виделась по-другому:

*Запомни истину простую:
Я потому остался цел,
Что на одних смотрел открыто,
А на других через прицел.*

Пока им доверяли только карательную службу, но он-то хорошо осознал уже, что это тоже выполнение боевой задачи:

«Странная вещь (не подумайте, что я хвастаюсь, мама): когда я читал книги про разных героев и сильных духом людей, меня всегда добивал вопрос — как я сам поведу себя в экстремальной ситуации? Я думал, что я испугаюсь или еще что-нибудь. Но мною овладело странное хладнокровие. Мне даже самому стало страшно, что я так спокоен. У Сереги Овсянникова на посту за забором всю ночь кто-то ходил. Так он всю ночь руку с предохранителя не снимал. Ребята стали какими-то нервными за ночь. Странно, как меняется человек, когда происходит нечто экстремальное. Спокойно ко всему отнеслись только я и Денис Михай-

лов. Но день прошел, и все более-менее пришли в норму».

Письма маме, самому близкому человеку, Ефим писал откровенные. Она чувствовала, как мукает сын, как крепчает его характер.

Она тревожилась за него, он, как мог, ее успокаивал. Исподволь советами настраивал на военную службу и младшего брата:

«24.01.95. ...Мама, зачем ты убиваешься. Мне очень трудно было читать твоё письмо. 1,5 года пролетят, и не заметим. Женя, Дима, Володя тоже были солдатами. И я теперь солдат. Судьба у нас такая.

Максим пусть готовится к армии. Я не попал в разведроту. О чем жалею. Но я сейчас в хорошем месте. Дедовщины здесь, в бригаде, нет. С этим строго. Сегодня в клубе была встреча с заместителем командира бригады по работе с личным составом. Туда приводили с гауптвахты ребят, которые бежали с поля боя во время служебной командировки. Мне было противно на них смотреть. Они бросили там своих товарищей, оружие и технику, из которых потом будут стрелять по нашим ребятам. Этим подонков всего трое, а пятно на бригаде чернее ночи...

Мама, зачем ты плачешь? Так нельзя. Мне будет легче, если дома все будет хорошо.

Я тебя люблю, мама».

«26.02.95. ... То, что я ходил в экспедиции, меня более-менее подготовило к армии. Пусть Макс летом едет в экспедицию. Там мы сами о себе заботились. В армии придется располагать своими силами, хотя можно надеяться на помощь друзей, но им тоже тяжело и тоже нужна помощь. Пусть Макс это поймет и готовится».

«В поле действуй по-боевому» — этот лозунг был придуман не для красного словца. Ефим с то-

варищами тяготы и лишения воинской службы учились преодолевать именно на полигоне. На полевых занятиях им уже не так говорили, что предстоят серьезные испытания. Письма простого солдата свидетельствуют о том, что солдат внутренних войск учили тому, что нужно на войне.

«24.03.95. ... Выехали мы на полигон в 6.00, даже не позавтракав. Как назло, погода испортилась. Стало холодно, подул сильный ветер, пошел мерзкий мелкий дождь. И вот мы целый день стояли на этом ветру и под этим дождем. Есть нам не дали. Майор Трошукский сказал, что поедим после стрельбы, а пока терпите, готовьтесь к войне. Покормили нас где-то около 4 часов, зато дали весь сухпай: сразу завтрак, обед и ужин. Мы наелись от пуза и поехали домой. Померзли, поголодали, зато день быстро прошел».

Под серым шинельным сукном у него билось трепетное любящее сердце. Ему не надо было напоминать, как некоторым, чтобы написали маме. Он и без того любил ее больше всех на свете.

«24.04.95. ... Еще, мама, я тебе посылаю тюльпан. Когда мы были на полевом выходе всю прошлую неделю, там оборудовали окоп, и около нашего окопа расцвел тюльпан. В степи их много возило, а расцвел он один».

11 мая он написал самое короткое и самое тревожное для матери письмо:

«Вот и пришел мой час. Завтра уезжаем в служебную командировку. Все уже собрано, все приготовлено. Сейчас ранний отбой. Завтра подъем в 5.00 — и в путь.

До свидания. Ваш Ефим.

P.S. Новый адрес сообщу, как только узнаю. «Жди меня, и я вернусь».

Письма отправляли через

часть. А вскоре родные узнали и новый адрес.

«Вот пишу вам уже из Чечни. Первые мои впечатления о ней — это то, что Чечня — рай для любителей солнца и ад для солдат. Жара невероятная. Бригада наша стоит под Гудермесом в бывшем парке сельскохозяйственных машин или что-то в этом роде.

Третьи или четвертые сутки мы сидим в окопах. Мы с Дисой Судаковым отрыли блиндаж, и теперь у нас более-менее благоустроенный окоп. Нам с ним еще долго жить в этом окопе, пока бригаду на другое место не переведут.

По ночам здесь стреляют, но только свои, от нечего делать. Вообще здесь спокойно. Зато где-то в горах что-то гремит, там воюют.

... Поговаривают, что 22 мая нас переведут в горы, там придется покрутиться, чтобы выжить».

Крутились...

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России:

«2 июня операция по вытеснению боевиков в горы продолжается успешно... В ходе боевых действий погибли рядовые Геннадий Оковидов, Александр Леодовский, Ефим Зенцов, Сергей Съедин...»

Белые березы в России шелестят листвой без него. Девчонки, для которых он был самым желанным партнером, сегодня приглашают на белый танец других...

**Полковник
Борис КАРПОВ**

Фото из семейного
альбома Зенцовых

СЛУЖБА

МАСТЕРСТВО НАЧИНАЕТСЯ С ПРИСЯГИ

В отряде специального назначения "Русь" пополнение. Молодые воины принимают присягу. Им есть на кого равняться. Экзамен на краповый берет, который успешно сдают их старшие товарищи, — главный ориентир в только что начавшейся службе.

Фото Ильи ЗЛОТНИКА

Через три войны

ВETERАНЫ объединяются

22 июня, в день 58-й годовщины начала Великой Отечественной войны, в здании нижегородской областной администрации состоялась конференция ветеранских и других общественных организаций, объединяющих в своих рядах людей различных возрастов и поколений. Всех их связы-

вает одно: они были участниками войн — больших и малых, объявленных и необъявленных, всенародных и тщательно замалчиваемых.

Каждый из тех, кто представлял ту или иную организацию, не понаслышке знает, что такое вой бомб и свист пуль, радость побед и боль потерь. Всех их

тревожит сегодняшний и завтрашний день России, той страны, за которую они в разное время, выполняя приказы, рисковали своей жизнью, отдавая ей сыновний и воинский долг.

В центре внимания в этот день, конечно же, находились ветераны Великой Отечественной. От их имени выступил

председатель областного совета ветеранов войны и труда Юрий Емельянович Кириллук. Напомнив о том, что на нижегородской земле продолжается все-российская акция "У России не должно быть безымянных солдат", он отметил что до сих пор, по прошествии более полувека, почти 1 млн. 200 тыс. бойцов и командиров, павших в 1941—1945 годах, продолжают считаться пропавшими без вести, а на территории России, стран ближнего и дальнего зарубежья существуют сотни братских могил и массовых захоронений безымянных воинов. Такое положение дел в стране — победительнице фашизма не может считаться нормальным.

Как и то, в каких условиях живут сейчас (а вернее сказать — существуют, едва сводя концы с концами) до сих пор здравствующие ветераны великой войны. Согласитесь, что пенсию, которую получает большинство из них, иначе как нищенской и унижительной назвать нельзя.

Не лучше обстоят дела и у более молодых ветеранов, прошедших через горнило афганской и чеченской войн. Трудности с трудоустройством, проблемы со здоровьем после полученных ранений и контузий, а у "чеченцев" еще и отсутствие официального статуса ветеранов вооруженного конфликта — все это создает массу проблем в нынешней далеко не легкой жизни.

И все же, как бы ни было трудно живым, ветераны просили руководство области и представителей региональных СМИ обратить пристальное внимание на сохранение памяти о погибших, на заботу об их семьях, родных и близких павших воинов. И сами показали в этом достойный пример. В рамках про-

граммы проведения недели Памяти и Скорби, начавшейся в Нижнем Новгороде 22 июня, в областном и районных центрах прошли несколько масштабных мероприятий, на которые были приглашены более 400 человек, потерявших своих отцов, дедов, мужей и братьев на фронтах Великой Отечественной, около трехсот семей, не дождавшихся сыновей из знойного Афганистана или пропитанной кровью Чечни. Благотворительные концерты, реставрация старых и открытие новых памятников, возложение венков к вечному огню на городских площадях, адресная материальная помощь семьям погибших и ветеранам всех войн и вооруженных конфликтов — все это призвано освежить нашу память, не дать зачерстветь душам людей, которые в неоплатном долгу перед теми, кто пал на полях сражений.

Современная ситуация в мире также не могла остаться без внимания ветеранов. Как отметил уже упоминавшийся Юрий Емельянович Кириллук, людям старшего поколения нынешняя обстановка в Европе сильно напоминает конец тридцатых годов, когда дипломатическим заигрыванием и экономическими уступками гитлеровской Германии взрастили наглого и самоуверенного, сильного и беспринципного врага — фашизм, обрушившегося на нас воскресным утром 22 июня 1941 года. Слишком много похожего происходит в Югославии и вокруг нее. И это не может не настораживать.

Солидарны в этом вопросе с ветеранами Великой Отечественной и ветераны "афганцы", и ветераны "чеченцы", на себе испытавшие, что значит исправлять неверные шаги политиков и дипломатов. "Никто из ру-

ководителей страны, принявших решения о начале афганского вторжения или чеченской бойни, не ответил за это. А в воздухе опять уже витают идеи новых "освободительных походов". Значит, будут новые жертвы, появятся новые безымянные солдаты и бесправные ветераны", — подвел итог-предостережение бывший боец одного из спецподразделений внутренних войск Михаил Тараканов, возглавляющий ныне нижегородскую городскую организацию ветеранов чеченского конфликта.

В завершение пресс-конференции собравшимся журналистам было объявлено, что с учетом всего вышесказанного, а также общности стоящих задач и возникающих проблем принято решение о создании в Нижегородской области объединенного совета ветеранов всех войн и вооруженных конфликтов, что, безусловно, позволит суммировать усилия многих общественных организаций, достичь в их работе большей слаженности, а значит, эффективности.

**Майор
Игорь СОФРОНОВ**

На снимках: бывший боец ГСН "Скорпион" кавалер медали Суворова Михаил Тараканов, ныне возглавляющий нижегородскую городскую организацию "Ветераны чеченского конфликта", зачитывает обращение ветеранов всех войн к администрации и общественности города и области; ветераны Великой Отечественной, приглашенные на торжественный митинг и благотворительный концерт в День Памяти и Скорби — 22 июня.

Фото автора

Так попадают в плен

ОХОТА НА «ЗОЛОТЫХ» МАЛЬЧИКОВ

История о том, как самоволка за сигаретами
обернулась для солдат рабством на чеченских «фазендах»

В августе 96-го года эти боевики праздновали дарованную им победу. Сегодня такие, как они, охотятся за живым товаром

Рассвет и начало нового дня рядовые Александр Глинский и Сергей Леонтьев встречали в лазе под маскировочной сеткой, что отделяла территорию воинской части от города. Лазейка в укромном месте была самой короткой дорогой в цивильный мир. «Дорога жизни» — так называли ее те, кто, устав от строгого казарменного распорядка, уходили в город насладиться прелестями свободы в манящем соблазнами гражданском мире. Вероятнее всего об этом «коридоре» знали не только бойцы-срочники, но и офицеры, по своим должностным обязанностям призванные следить за уставным порядком в подразделениях. Но отцы-командиры, мудро

рассудив, что одна контролируемая нелегальная тропа за забор лучше, чем десять необнаруженных, забивать лаз досками крест-накрест не стали.

Короче, за полчаса до подъема двое солдат резво преодолели не очень серьезное препятствие и ушли «на волю»...

До ближайшего ларька в районе центрального рынка было метров триста, и Александр с Сергеем уже пробежали половину этого расстояния, когда возле них остановилась легковая машина. Из открытого окна на солдатиков нацелились два ствола: пистолета ТТ и АКМС.

— Быстро в машину! — приказал

сидевший рядом с водителем мужчина.

Александр и Сергей молча повиновались. Может, стоило посопротивляться — закричать, привлечь внимание людей, позвать на помощь сослуживцев? Может быть... Но кругом было пустынно, надежды на хороший слух часовых по охране военного городка мало, а оружие в руках бородачей красноречиво обещало быть пущенным в ход при малейшем шуме.

Чувство страха за свою жизнь быстро исчезло. Раз похищают, значит, с определенной целью. Не убили — будут требовать деньги или попытаются обменять на чеченцев, отбывающих наказание в российских зонах. О том, что с ними произойдет, если денег родственники не найдут, а обмен на уголовников не состоится, думать не хотелось.

Рядовые Глинский и Леонтьев сели на заднее сиденье между двух молчаливых бородачатых мужиков и отправились в неизвестность. В том, что их повезут именно в Чечню, солдаты не сомневались. От города, где они служили, до границы рукой подать.

Ее преодолели без труда по какой-то проселочной дороге. И когда однопольчане похищенных вышли на утреннюю зарядку, неудачливые самовольщики катили в сопровождении «почетного эскорта» в неволю. С единственным желанием — чудом повернуть время вспять и оказаться в роте, рядом с товарищами, вспоминая о случившемся как о дурном сне...

Дело было в августе, поэтому попали парни как раз на уборку урожая. Этим и занимался Александр Глинский, передаваемый из семьи в семью как дармовая рабская сила. Когда урожаем собрали, стал заливать фундамент под новый дом — в разрушенной Чечне этот вид работы в большой цене. Александр вкалывал один, потому что Сергея Леонтьева забрали другие хозяева.

Спал в сарайчике, кормили не разносоломи, но вполне сносно — так, чтобы кроме себя мог еще и кирпичи таскать. Какой дурак в убыток себе раба держать будет? Мысли о победе возникали, но вяло. Во-первых, находился под охраной. Во-вторых, надо быть сумасшедшим, чтобы бежать из Бамута. Начни он голосовать на дороге, вычислят тут же. Хоть Сашка темноволос и кареглаз, но чеченского языка, естественно, не знает, да и лохмотья на нем больно живописные. Стоит ли пытаться судьбу, чтобы поменять одного хозяина на другого? Пойти же «огородами» — верная гибель. Сколько на территории Чечни осталось неразминированных полей — сам Аллах, поди, не знает. Вот и сидел рядовой Глинский на хозработках, ожидая, когда судьба смилостивится и повернется к нему лицом.

Адрес мамы, Людмилы Васильевны, что живет в городе Миллерово Ростовской области, взяли у солдата еще в первый день, пообещав сообщить, что сын у них, и выдвинуть свои условия его освобождения. Но, как потом выяснилось, никакого письма от чеченских «радетелей» Людмила Васильевна не получала. Зато из полка пришло сообщение: рядовой Глинский самовольно оставил часть и находится в розыске.

Людмила Васильевна сразу почувствовала: что-то здесь не так. Не был ее сын слабаком, мог за себя постоять. И за год службы не возникло у него никаких проблем, способных погнать парня из части домой, к маме. Пришлось поехать Людмиле Васильевне: была и в Назрани, и в Грозном, пыталась встретиться с полевыми командирами, чтобы только узнать, где сын. А извещение пришло из Москвы.

Однажды в начале ноября на стройку, где трудился Глинский, приехали молодые чеченцы и сказали слова, от которых сердце забилося где-то в горле: «Поехали, сейчас менять вас будем». В машине сидел Сергей Леонтьев, с которым Александр виделся в последний раз три месяца назад. Привезли их в другое село, оставив под охраной, велели: «Ждите». Ждали две недели, а это 14 дней, или 336 часов, каж-

дый из которых казался им десятилетием.

Затем их вновь перевезли, на этот раз в Грозный; опять потянулись томительные дни ожидания и неизвестности. Только 21 ноября в комнату, ставшую для ребят темницей, зашел пожилой чеченец и, глядя на Александра, буркнул: «Одевайся, поехали». Сергей Леонтьев остался в квартире и, расставаясь с товарищем по несчастью, сумел незаметно сунуть ему листок с домашним адресом: Саратовская область, село Подлесное.

Глинского вывезли на границу с Ингушетией, где состоялась передача. Здесь Александр узнал, что своим спасением в немалой степени обязан корреспонденту «Новой газеты» майору запаса Вячеславу Измайлову, который давно занимается вызволением российских солдат из чеченского плена. Рядовой Глинский стал у него шестидесятым четвертым.

Для Александра эта история закончилась, в общем-то, благополучно: живым и почти здоровым вернулся из неволи. Гораздо драматичнее судьба рядового Сергея Леонтьева: от него нет никаких известий с конца ноября прошлого года. Почему состоялась передача только одного военнослужащего, если готовили к ней двоих? Где он сейчас, на какой чеченской «фазенде» отработывает свой кусок хлеба, ожидая вызволения? Жив ли? Хочется надеяться, что да. Ведь нелепо и глупо умирать из-за пачки некупленных сигарет. Да сигареты ли тут виноваты?

Очень жаль, что у некоторых солдат, выезжающих в командировку на границу с Чечней, понятия о воинской дисциплине и порядке настолько расплывчаты и туманны, что им не составляет труда выйти за пределы пункта дислокации части, как только захочется. Поразительная расхлябанность и полнейшее нежелание думать о возможных последствиях своеволия и легкомыслия притупили даже элементарное чувство самосохранения. Ведь не в забытом Богом городе Удоеве служить приходится. Только слепой не заметит, с какими недобрыми чувствами смотрят на солдат бородастые мужики. Но неко-

торым служивым без царя в голове побоку и Дисциплинарный устав, и строгие наставления командиров, и здравый смысл в придачу: хочу и все тут! Риск? Да ерунда все это. Сбегают-то всего лишь во-он к тому ларьку, его с КПП видно. Вот Глинский с Леонтьевым и сбежали...

Мама Александра сетует: будь на территории части магазин, бойца не тянуло бы к продуктовому рынку, как kota к сметане. Ой ли! Если, к примеру, беспечному и нетерпеливому солдату приспичит подымить в 5.30, а магазин открывается в 10... Удержит его от соблазна смотаться в «комок» наличие в военном городке ларька, который начнет торговать после завтрака, если уши пухнут уже сейчас? Сомневаюсь.

Конечно, жить два года за ограждением, в рамках жестких требований для молодого человека, не привыкшего к исполнительности и послушанию, непросто. Но, может, хоть угроза чеченского плена заставит таких парней задуматься.

На вес золота ценятся сегодня российские военнослужащие в плену, выступающие в роли национальной и чечерийской валюты. Многого можно добиться, имея в своем распоряжении невольника: вызволить родственника, отбывающего срок в тюрьме или колонии на территории России, получить за освобождение солдата крупленькую сумму, которой хватит и на новый дом, и на вождеденную иномарку.

Парни, проходящие службу на Северном Кавказе, у ваших родителей есть десятки тысяч долларов на нужды чеченских бандитов и рабовладельцев? Майора Измайлова на всех любителей самоволок не хватит. Помните, настоящая охота открыта на военнослужащих, выполняющих боевые задачи в районах, граничащих с мятежной республикой. Пусть послужит предостережением для вас не рождественская история рядовых Глинского и Леонтьева!

Лейтенант
Ольга ХОЛОДОВА

Фото
Олега СМЕРНОВА

Северо-Кавказский округ
внутренних войск

Так попадают в дисбат

Трутень

Для своей мамы Валечка был светом в окошке, самым лучшим ребенком на земле. Единственное чадо в семье, с которого пылинки сдували. Если в школе Валечка подрался с мальчишками, мама мчалась на разборки и требовала наказать обидчиков сына, не вникая в суть дела, не допуская даже мысли, что ее сын сам в чем-то виноват. А во дворе дома, где они жили, все соседские ребята стороной обходили и самого Валечку, и тем более его грозную мамашу.

Дома же Валечка был царь и бог, чьи желания выполнялись незамедлительно. Так и жил парень до своего совершеннолетия припеваючи, ни в чем не зная отказа. Отец как-то попытался приучить сына к домашнему труду, но нежное чадо ударило молотком по пальцу. То-то было слез, то-то назиданий сердобольной мамаша: «Наш Валечка будет заниматься только интеллектуальным трудом».

Нельзя сказать, что повестка из военкомата стала для Валентина Федорова чем-то неожиданным. Многие из его одноклассников уже отправились на военную службу. Сам же Валечка считал, что от «солдатчины» твердо застрахован — мама неоднократно заявляла, что сделает все возможное и невозможное, чтобы в армию сын не по-

пал. А Валечка уже привык верить каждому маминому слову. Правда, вышел и у нее прокол — Валечка провалился на вступительных экзаменах в вуз, не помогли ни связи, ни попытки надавить на руководство института.

Поэтому за дело по избавлению сына от «солдатского ярма» мамаша взялась с удвоенной энергией и решительностью. От одного только чтения медицинских справок, которые натаскала мамаша, оторопь брала. Если верить им, то Валечку нужно было выводить из предсмертного состояния с помощью реанимационной бригады.

Вся эта раскидистая липа должна была убедить медкомиссию районного военкомата в том, что Валентин Федоров, восемнадцати лет от роду, с его цветущим лицом и нежными руками, умрет тут же, едва переступит порог казармы.

Но номер не прошел. Во-первых, медики получили соответствующие наставления о более тщательной проверке будущих воинов. Во-вторых, наметился большой недостаток призывного контингента. Справкам честные и квалифицированные врачи не поверили, слишком липовые документы противоречили очевидному — Валентин Федоров готов служить в любой части. Слезы мамаша, ее скандалы и

даже угрозы действия не возымели — сына призвали на срочную службу. Единственное, что смогла сделать мамочка, так это определить Валечку в часть в своем же городе.

Так получилось, что свидетелем всех этих призывных перипетий стал офицер, прибывший за командой новобранцев для своей части. Он только головой качал, слыша словесные извержения свирепой мамаша по адресу военкоматовских врачей, да и вообще военных. И, как нарочно, Валечка попадает именно в эту воинскую часть...

На учебном сборе, куда прибыл Валентин Федоров с остальными призывниками, шла обычная рутинная работа: новичков изучали по всем параметрам, определяли кандидатов в учебные подразделения по подготовке младших командиров, специалистов. Шла адаптация молодых солдат к новым непростым условиям, они привыкали к армейскому распорядку, законам коллективного воинского труда. Как говорится, парни притирались друг к другу, несмотря на разные характеры, образование и воспитание.

Нашему Валентину первая неделя в казарме далась нелегко. Мамы рядом нет. Пришлось самому подшивать подворотничок, драить полы, подметать территорию городка. Сержанты, как положено, подгоняли нерадивых. А уж занятия по боевой подготовке — само собой. И физическая, и строевая подготовка — это ж сколько мозолей, сколько пота!

Большинство молодых солдат стали заметно подтягиваться. А Валентин Федоров к концу второй недели сделал вывод, что он и во-

енная служба — понятия несовместимые. Утром он не успевал одеться, чтобы вместе со всеми встать в строй, не мог заправить койку (дома-то это делала за него мама). Надо ли говорить, что младшие командиры чаще других подгоняли его и делали замечания. Это злило, раздражало.

И вот однажды он улучил момент и удрал домой. А до теплой и уютной квартиры всего-то минут сорок на автобусе. Дома появление любимого сына вызвало целую бурю чувств. Мама причитала, заявляя, что ее Валечку просто измотали изверги в погонах. Исхудал, бедняжка, весь пропах казармой. Отец, правда, пытался объяснить, что самовольное оставление части чревато последствиями — дисциплинарными, юридическими. Мама и слушать не хотела. А недоросль еще и в жилетку поплакался, пожаловался на несправедливую строгость сержантов, на недоброе отношение сослуживцев. Мама привыкла верить Валечке, как себе...

Близость дома к месту дислокации части имеет и обратную сторону — через пару часов за рядовым Федоровым приехал офицер. Он попал мамаше под горячую руку и стойко выслушал ее гневные тирады относительно «неправильных методов воспитания», «жестокости» командиров и т.д. и т.п.

Но последнее слово в том диалоге осталось все же за офицером — он предупредил родителей, что их сыну придется отвечать за самовольное оставление части по всей строгости закона. А ответственность эта — вплоть до уголовной.

Анна Владимировна пыл свой поумерила. Но она перестала бы себя уважать, если бы сдалась военным без боя. Она явилась в часть, потребовав встречи с командованием. Ей пошли навстречу. Говорили долго и обстоятельно, с участием офицеров, которые руководили в то время учебными сборами молодых солдат. Ни единого факта притеснения рядового Федорова не обнаружили — требования к нему предъявлялись точно такие же, как и к ос-

тальным солдатам, то есть строго уставные, обычные.

Валечка вернулся в казарму, пообещав служить честно. Но через полторы недели нарушил слово, данное в кабинете командира части, и снова сбежал домой. На этот раз он постарался рассказать маме еще более ужасные истории о своей службе.

Посыльному, прибывшему по известному уже адресу за рядовым Федоровым, мамаша ответила, что не верит ни единому слову командира и его заместителя по работе с личным составом, что в части пышным цветом расцвел уголовный беспредел, там поощряется садизм. А посему она вместо сына пришлет в часть военного прокурора.

О наличии военной прокуратуры и порядке обращения туда с жалобами Анна Владимировна узнала в городском комитете солдатских матерей. У этой организации накоплен огромный опыт, но очень часто активность матерей направлена бывает не туда, куда следовало бы. Это случается там, где комитеты не поддерживают постоянного контакта с воинскими частями, а разрабатывают лишь собственные версии каких-то явлений и событий, видят все в одном ракурсе. Получив соответствующие консультации и напутствия, мама рядового Федорова со свойственным ей максимализмом и напористостью пошла на штурм теперь уже военной прокуратуры. И вскоре оттуда ее жалоба с соответствующей резолюцией прибыла в воинскую часть. Началось очередное расследование. И на этот раз все обвинения оказались ложными...

Имя уже определенную репутацию, рядовой В.Федоров был направлен для дальнейшего прохождения службы в подразделение материально-технического обеспечения. Какой-то специальности у рядового Федорова не было, поэтому и поручались ему задачи, требующие не особой квалификации, но физической силы: погрузочно-разгрузочные, ремонтные работы. Для изнеженного маменькиного сыночка

копать землю, носить тяжелое железо, разгружать какие-то ящики было сущей каторгой. На руках появились ссадины, ломило спину.

Стал Валечка откровенно отлынивать от работы. Как следствие — взыскания, нелицеприятные разговоры с сослуживцами, которым приходилось вкалывать и за лентя. Атмосфера накалялась, и во избежание вредных для себя последствий Валечка вновь решил укрыться под крылышком мамочки.

Дальше события развивались по известному нам сценарию. Новое расследование не выявило ничего предосудительного в подразделении материально-технического обеспечения — ни пресловутой дедовщины, ни своеволия сержантов. Нарушения воинской дисциплины были — самовольные отлучки, прекращение солдат с младшими командирами, халатное выполнение обязанностей дневальным. За это в соответствии с уставом нарушителей наказывали. Но никакого рукоприкладства, беспредела здесь не допускали. Факты, изложенные в очередном заявлении на имя военного прокурора, не подтвердились...

Мама добилась перевода сына в другую часть, тоже неподалеку, в надежде, что там Валечке будет легче, поспокойнее...

Мы бы и не узнали, как завершилась армейская служба нашего «героя», если бы не встреча с работником военной прокуратуры, который спросил:

— Рядовой Федоров у вас ведь служил, тот трутень, чья мамаша нас жалобами закидала? Так вот, докладываю: добежался он. Попал в дисциплинарный батальон. Сейчас уважаемая Анна Владимировна на нас жалуется...

**Майор
Андрей РАКУСА**

*Сибирский округ
внутренних войск МВД России*

КУЗНИЦА

ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ

28 августа 1989 года в Военно-инженерной академии имени В.В.Куйбышева был создан командный факультет пограничных и внутренних войск.

С января 1999 года Военно-инженерная академия в результате реформирования Вооруженных сил Министерства обороны стала называться Военно-инженерным университетом, который в декабре нынешнего года будет отмечать свое 180-летие.

Многим москвичам наверняка хотя бы раз доводилось бывать на Покровском бульваре. Место это в Москве известное, и достопримечательностей там хватает. Одна из них — Военно-инженерный уни-

верситет. Казалось бы, какое отношение имеет это военное образовательное учреждение высшего профессионального образования к внутренним войскам? Оказывается, имеет, и самое непосредственное. В начале 80-х годов на ко-

мандном факультете Вооруженных сил здесь стали готовить военных инженеров для внутренних войск. С учетом возросшей потребности в специалистах инженерно-технического профиля, по ходатайству командования внутренних войск, решением Генерального штаба Вооруженных сил 28 августа 1989 года был создан командный факультет пограничных и внутренних войск. Учились офицеры четыре года. В состав факультета вошли две кафедры внутренних войск, а это ни много ни мало 46 офицеров, и четыре курса по 60 слушателей от внутренних войск каждый, а также кафедра пограничных войск и три курса пограничников плюс

Лучший выпуск факультета за 10 лет. 1998 год

управление факультета. Всего на факультете насчитывалось 405 офицеров. Начальником факультета был назначен заслуженный работник МВД кандидат военных наук, профессор полковник Петр Иванович Хромченко. Его заместителями стали полковники А.Белых и П.Пискун. Начальниками курсов — полковники В.Бутько, С.Белянкин и Н.Патенко. Именно они стояли у истоков становления учебного процесса на факультете. В 1996 году пограничники выходят из состава факультета, который сегодня готовит специалистов только для внутренних войск.

В этом году факультету исполняется десять лет. Юбилей — по-

вод оглянуться назад, подвести итоги, определиться, как жить дальше. Всем, кто в разные годы трудился под крышей прославленного учебного заведения, есть чем гордиться. Для войск подготовлено более 500 военных инженеров. Находясь на различных должностях в звене полк — дивизия — округ, они успешно выполняли и сейчас выполняют возложенные на них служебно-боевые задачи. Выпускники факультета сегодня нарасхват. О том, какие они специалисты, говорит хотя бы тот факт, что военных инженеров внутренних войск всеми правдами и неправдами стремятся заполучить как государственные, так и частные

структуры. Их представители единодушны в своем мнении: выпускники факультета внутренних войск — высококлассные специалисты и толковые офицеры.

Об утечке инженерных кадров из войск бесшумный начальник факультета член-корреспондент Академии военных наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации полковник П.Хромченко говорит и с горечью, и с гордостью одновременно. Обидно, что приходится работать на какого-то дядю, в то время когда войска остро нуждаются в инженерных кадрах. И в то же время приятно, что твои питомцы имеют такую высокую

репутацию. Свою лепту в подготовку квалифицированных кадров внесли полковники И.Кулагин, В.Заводный, С.Киреев, И.Мирук и майор В.Злобин.

Факультет внутренних войск Военно-инженерного университета за время своего существования не раз подвергался реформированию. Сегодня подготовка инженерных кадров осуществляется по специальностям: «командно-штабная, оперативно-тактическая внутренних войск» — срок обучения 3 года, «организация инженерного обеспечения, боевая и повседневная деятельность частей и соединений» — срок обучения 2 года.

Конечно, не от хорошей жизни сокращают время обучения на факультете. Некоторые специалисты считают, что подготовить за такой короткий срок настоящего инженера невозможно. На факультете внутренних войск тоже так считают и нашли выход из этого положения. Сами слушатели добирают то, что недодали им в учебных аудиториях, во время самостоятельной работы.

На что прежде всего обращается внимание в процессе обучения? На умение быстро ориентироваться в сложной и быстрменяющейся обстановке, выработку навыков принятия обоснованных решений при выполнении служебно-боевых задач в мирное и военное время. Среди выпускников факультета — семь золотых медалистов. 32 слушателя получили дипломы с отличием. Самым результативным оказался десятый, юбилейный, выпуск — золотые медали получили капитаны С.Родионов и Д.Горохов. Дипломы с отличием — майоры А.Бурменко, В.Дайнеко, А.Коновалов, П.Любарский, А.Пчелкин, О.Соколов, подполковник А.Федо-

ров. Средний балл юбилейного выпуска — 4,46. Таких высоких результатов добился курс, которым командует подполковник В.Котов.

Последние шесть лет факуль-

Бессменный начальник факультета полковник П.И.Хромченко

тет стабильно занимает ведущие места в университете. Это результат целенаправленной творческой работы начальников кафедр полковников Р.Ганичева и М.Громовика, начальников курса подполковников В.Оленева, В.Котова и А.Коваленко. Учебный процесс на факультете организуется и проводится под руководством учебной части, которой руководит заместитель начальника факультета полковник В.Проценко. Его правая рука — старший помощник начальника учебной части майор И.Иванов.

На кафедрах внутренних войск каждый второй преподаватель имеет ученую степень, четверо из них — ученые звания. За большой вклад в дело подготовки специалистов для внут-

ренних войск многие награждены орденами и медалями.

Большую помощь в комплектовании оказывают офицеры отдела кадров, возглавляемого полковником А.Силаевым, и инженерного управления во главе с генерал-лейтенантом В.Рябиновым и генерал-майором Н.Стародубцевым.

Центром учебной, методической и научной работы являются две кафедры внутренних войск, которые организационно входят в состав факультета. Кафедра тактики, оперативного использования и инженерного обеспечения внутренних войск была основана еще в 1981 году. Первым начальником кафедры был полковник Ю.Червоткин. В разные годы преподавателями работали Э.Арутюнов, В.Число, Р.Хасьянов, П.Захаров, В.Неструев, А.Глованов, М.Волков, техниками учебно-командного пункта прапорщики Г.Шульгин и А.Леперт. Они разрабатывали первые учебные программы, учебно-методические материалы и формировали учебно-материальную базу.

С 1989 года на преподавательских должностях трудились полковники А.Бакланов, В.Копосов, Н.Семьешкин, Ю.Громадин, С.Пилипенко и В.Нагорный. В настоящее время на кафедре работают старший преподаватель полковник А.Варгин, преподаватель, кандидат военных наук полковник Н.Косяченко, преподаватели полковники О.Сукач, В.Козин, В.Удовиченко и подполковник С.Поликарпов.

Кузница преподавательских кадров факультета — его адъюнктура. Здесь в разные годы обучались майоры М.Локтев, Д.Миرونнов, В.Архипов, В.Мирошниченко, С.Ревин, Ю.Кольцов, С.Гизатуллин, С.Поликарпов, Е.Попов и капитан М.Анцеле-

вич. Почти все они стали преподавателями. Кандидат технических наук подполковник В.Архипов был в последующем начальником кафедры ИТСО Саратовского высшего военного командного училища внутренних войск МВД России.

С 1991 года и по настоящее время кафедру возглавляет полковник Р.Ганичев, его заместителем был кандидат военных наук, доцент полковник В.Бобылев, а с 1997 года — кандидат технических наук, доцент полковник В.Архипов.

Доцентами кафедры являются полковники Д.Мионов и В.Мирошниченко, которые возглавляют предметно-методические комиссии. В 1995-1997 годах на кафедре работал участник Великой Отечественной войны кандидат военных наук, доцент генерал-майор в отставке М.Сухарев.

Вне всякого сомнения, коллектив кафедры внес весомый вклад в разработку научных трудов. Профессорско-преподавательский состав активно участвует в военно-научной работе внутренних войск и военного университета. Майор П.Сидоров удостоен золотой медали по результатам конкурса на лучшую военно-научную работу. Его руководителем был полковник О.Сукач.

Другая кафедра — кафедра тактики и эксплуатации инженерно-технических средств внутренних войск — создана также в 1981 году. У истоков создания и становления кафедры находились ее первый начальник кандидат технических наук, доцент полковник И.Падей, старшие преподаватели: кандидат технических наук, доцент полковник Б.Пронин и полковник В.Ушаков, преподаватели полковники

А.Гарагатый, В.Громовик, нынешний начальник кафедры, и подполковник И.Вихарев. Чем славится эта кафедра? Здесь в учебном процессе активно используются современные информационные технологии. Преподаватели известны своей требовательностью к слушателям. Доцент кафедры, кандидат технических наук подполковник С.Пизатуллин, полковники М.Луговой, М.Урлик, подполковники Е.Попов и Л.Григорьев пользуются у слушателей большим авторитетом. Они владеют бесценным богатством — знаниями и щедро делятся ими со своими учениками. Не случайно все работы, выполненные слушателями на кафедре, защищены только на «хорошо» и «отлично».

Кафедры ведут научно-исследовательские работы, которые в межвузовских конкурсах на лучшую дипломную работу отмечены дипломами и грамотами. В этом году на межвузовский конкурс было представлено 12 конкурсных работ, три из них отмечены дипломами и пять грамотами.

Слушатели факультета внутренних войск ни в чем не хотят уступать однокашникам с других факультетов. Если проводятся спортивные соревнования, представители внутренних войск без наград не остаются. А в некоторых видах спорта, например в волейболе, на протяжении многих лет остаются безоговорочными лидерами.

Но главным, конечно, остается учеба и подготовка для войск мастеров инженерного дела.

Недавно на факультете состоялся очередной выпуск военных инженеров. Вчерашние слушатели отправились продолжать службу в округа внутренних войск.

Как пойдет она у них? Пол-

ковник П. Хромченко за выпускников 99-го года спокоен. Образование они получили добротное. Сумели попробовать свои силы на стажировке — отзывы в частях о военных инженерах самые лестные. Что будет с последующими выпускниками, покажет время. Начальник факультета не скрывает: основания для беспокойства есть. Подготовить классного специалиста в нынешних условиях невероятно сложно. Во-первых, не на пользу делу пошло сокращение сроков обучения. Большинство слушателей поступают на учебу не с инженерных, а с командных должностей. И два года — слишком маленький срок, чтобы подготовить из них профессионалов. Во-вторых, из-за нехватки средств факультет не принимает участия в отборе абитуриентов. Поэтому некоторые из них оказываются в университете случайно. В-третьих, в последнее время отсутствует возможность направлять слушателей на стажировку по месту предполагаемой службы. Естественно, из-за этого вступать в должность на новом месте выпускнику гораздо труднее.

И все же, несмотря на некоторые неблагоприятные обстоятельства, командование факультета, профессорско-преподавательский состав настроены оптимистично.

**Полковник
Алексей ПЕТРОВ**

«... ДЛЯ ТОГО, КТО ДОСТОИН ИМЕТЬ ОТЕЧЕСТВО»

предназначен «Военно-исторический журнал»,
60 лет со дня выхода первого номера которого
исполняется в августе

**Об истории, развитии
и перспективах журнала
рассказал нашему
корреспонденту
его главный редактор
капитан 1-го ранга
Иван Анатольевич
АНФЕРТЬЕВ**

«Военно-исторический журнал» был основан в суровое предвоенное время. Приказ о его учреждении нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов подписал 5 мая 1939 года. Необходимость создания журнала военно-исторической направленности была продиктована самой жизнью, требованием времени. Дело в том, что военные кадры Красной Армии, ее научный и преподавательский состав остро нуждались именно в таком периодическом издании, объединяющем военных историков с целью изучения

предшествовавшего двадцатилетнего опыта Советских Вооруженных Сил и их «пролетарской родословной». С годами идеологическая подоплека публикаций стала постепенно отходить на второй план, уступая место военной истории в чистом виде.

Первый номер вышел 12 августа 1939 года. В обращении к читателям говорилось: «Военно-исторический журнал», орган Народного

комиссариата обороны СССР, — ежемесячный научно-исследовательский журнал по вопросам истории войн, военного искусства и международных отношений». Исходя из этого на страницах нового военного периодического издания публиковались статьи и материалы, посвященные прежде всего истории гражданской войны в СССР и Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Вместе с тем находили отражение и вопросы войн и военного искусства эпохи империализма и более поздних периодов мировой истории.

Журнал был рассчитан на научный потенциал РККА — преподавателей военных училищ и академий, а также на командно-политический, начальствующий состав и пропагандистов. Обязанности редактора исполнял полковник Н.А. Таленский. Однако в этот период, когда редакция делала первые шаги, ее повседневную деятельность направлял лично начальник Генштаба РККА — заместитель наркома обороны командарм 1-го ранга (с 1940 г. Маршал Советского Союза) Б.М. Шапошников. Офицер старой русской армии, окончивший Академию Генштаба еще в 1910 году, он отличался высочайшей научной культурой, широтой кругозора и глубиной мышления.

За два года — с августа 1939-го по июнь 1941-го — вышло 23 номера. С началом войны многие издания были закрыты. Среди них оказался и наш журнал. Его издание возобновилось только в январе 1959 года. Главным редактором стал известный военный историк Н.Г. Павленко, впоследствии доктор исторических наук, генерал-лейтенант. При нем закладывались основы популярности журнала, его авторитета как военно-научного издания.

И ныне сохранение и приумножение богатейших традиций «Военно-исторического журнала», заложенных Б.М. Шапошниковым в период его становления, — постоянная забота редакционного коллектива. Учредителем издания по-прежнему является Генеральный штаб. В состав редколлегии входят первый заместитель начальника Генштаба генерал-полковник В.Л. Манилов и врид начальника Военно-научного управления генерал-майор Е.Г. Никитченко.

Подлинное богатство журнала — его авторы, среди которых как ученые с мировым именем, так и начинающие историки. Только благодаря им на страницах журнала появляются публикации на животрепещущие военно-исторические темы, достоянием широкой читательской аудитории становятся ранее неизвестные архивные документы, содержание редких, порой забытых печатных источников прошедших веков.

Среди давних и активных авторов журнала — созвездие имен отечественной военно-исторической науки. Только их перечисление может занять не одну страницу. Упомянем некоторых из них. Это начальник Института военной истории Министерства обороны РФ доктор исторических наук, профессор генерал-майор В.А. Золотарев, Маршал Советского Союза В.Г. Куликов, президент Академии военных наук доктор исторических наук генерал армии М.А. Гареев.

Тематическая направленность журнала в настоящее время претерпела существенные изменения. В публикуемых материалах стали глубже разрабатываться проблемы геополитических интересов России, ее национальной безопасности. На более высоком уровне проводится научный анализ позитивных изменений, происходящих в армии и на флоте в условиях их реформирования. В связи с этим особый интерес читателей, особенно людей в погонах, вызывают публикации по истории военных реформ в России, проблемам военного строительства и военной науки, малоизвестным событиям первой

мировой войны, других войн и вооруженных конфликтов.

Немало журнальных полос занимают материалы, освещающие историю других российских силовых структур — МВД, ФСБ, внешней разведки. Например, коллектив редакции связывает давняя дружба с начальником Центра общественных связей Федеральной службы безопасности РФ генерал-майором А.А. Здановичем и бывшим первым заместителем начальника Первого Главного управления КГБ СССР генерал-лейтенантом В.А. Кирпиченко. Им принадлежат первые публикации ряда уникальных, недавно рассекреченных документов спецслужб и подробные комментарии к ним.

Темы национальной безопасности регулярно поднимаются в выступлениях таких авторов, как чрезвычайный и полномочный посол доктор исторических наук В.С. Лавров, советник Министерства иностранных дел РФ в отставке С.И. Дивильковский, доктор юридических наук, профессор полковник В.М. Гиленсен, многих других исследователей отечественной истории.

Разумеется, перечислить весь авторский актив редакции невозможно — он достаточно многочислен. Но мы помним всех наших авторов и глубоко благодарны им за внимание к журналу и творческое сотрудничество.

Прошло немногим более десяти лет после того, как был поднят «железный занавес». Люди научились смело, не боясь последствий, обсуждать наболевшие проблемы, в том числе и трагические страницы нашей военной истории, которые некогда были наглухо закрыты по идеологическим соображениям от постороннего взгляда в спецхранах архивов и библиотек. Однако у глазности появилась и оборотная, негативная сторона. На волне вполне объяснимого интереса к белым пятнам истории некоторые издания псевдоисторического толка, преследуя исключительно коммерческий интерес, пустились во все тяжкие — с усердием, достойным лучшего применения, бросились

коллекционировать на своих страницах «жареные» факты и небывлицы. В результате такой «популяризации» событий прошлого стали появляться новые военно-исторические мифы и легенды. Похлеще прежних.

Поэтому одна из наших главных задач — по-прежнему оставаться на своих традиционных позициях: бережно относиться к прошлому, стремиться писать правду и только правду, основанную на всестороннем изучении и анализе публикуемых архивных документов, сопровождать их объективными и аргументированными научными комментариями. На том стоим и будем стоять.

В заключение хотелось бы сказать несколько добрых слов о нашем редакционном коллективе. Он небольшой по численности, но очень дружный и профессионально подготовленный. Это прежде всего члены редколлегии полковники Н.Т. Аксенов, А.В. Пронин, А.С. Какунин, А.И. Шишканов, подполковник П.Г. Кашуба, служащие: научный редактор Л.В. Зеленина, ведущий литературный редактор О.К. Грачева, художественный редактор Л.П. Демахина, а также все остальные сотрудники, без повседневного кропотливого труда которых журнал не был бы широко известен и уважаем в научных кругах, любим читателями.

В подтверждение сказанного открою секрет — его читают не только в России и странах СНГ, но и в тридцати двух государствах дальнего зарубежья. У нас один из самых высоких тиражей среди военных научно-популярных изданий.

Это дает повод с уверенностью смотреть в будущее, вместе с авторским коллективом продолжать и приумножать лучшие традиции журнала.

От редакции

От души поздравляем коллег из «Военно-исторического журнала» с 60-летием. Желаем творческих успехов, интересных публикаций и роста числа подписчиков.

«Войсковому вестнику» — 10 лет

В августе этого года исполнилось десять лет с тех пор, как в части и военно-учебные заведения внутренних войск поступил первый номер учебно-методического приложения к журналу «На боевом посту». Выпуск сборника статей был обусловлен велением времени. Если раньше методические материалы в помощь организаторам занятий и службы публиковались в специальном разделе журнала, что, по словам читателей, делало его громоздким и многоплановым, снижало литературную и публицистическую направленность, то с выходом в свет нового издания эти материалы нашли свое место на его страницах.

За минувшие годы, несмотря на то, что сборник статей претерпел существенные изменения (сменилось его «лицо», иными стали формат и тираж, в силу известных причин сузилась география его распространения), методическое издание сумело завоевать авторитет у широкой читательской аудитории. Свидетельства тому — многочисленные письма читателей, солидный редакционный портфель, широкий авторский коллектив, который сложился вокруг сборника.

В разные годы на страницах методического издания помещались актуальные материалы нынешнего главнокомандующего войсками внутренних войск генерал-полковника В.Овчинникова, генерал-лейтенанта И.Рубцова, генерал-майора П.Лысикова, полковников В.Пригорьева, В.Число, И.Бабанского, В.Колобовникова и многих других. Среди сегодняшних активных авторов следует особо выделить генерал-майоров М.Рохленко и В.Погорелова, полковников А.Капкина, С.Осадчего, А.Гольшикина, С.Куцова, А.Авраменко, А.Федоровича, И.Бедненко, полковников медицинской службы А.Сапожникова, В.Карпова. Это благодаря им читатели смогли ознакомиться с публикациями под рубриками: «Войска:

теория и практика», «Артиллерия и средства ПВО внутренних войск», «Войсковая разведка: методика обучения», «Войска: тактика действий в экстремальных условиях», «Советы специалиста» и другими.

Проходят годы, но неизменным остается одно — сборник учебно-методических материалов по-прежнему является четким ориентиром для руководителей занятий, организаторов службы. А посему львиная доля его публикаций принадлежит методическим разработкам в самой различной форме: краткие и развернутые планы-конспекты, учебно-тренировочные карты, описание и обсуждение различного рода тем и занятий, изложение учебных вопросов, схем опорных сигналов... С учетом требований времени и задач, возложенных на внутренние войска МВД России, в сборнике все чаще публикуются материалы, раскрывающие тактику действий частей оперативного назначения, методические рекомендации по обучению войсковых разведчиков, артиллеристов, саперов. Значительно

расширена и тематика публикаций, посвященных деятельности правоохранительных структур зарубежных государств, подобных нашим войскам, об их участии в подавлении массовых беспорядков, борьбе с незаконными вооруженными формированиями, охране важных объектов и коммуникаций.

Сегодняшний правопреемник сборника статей «Войсковой вестник», зарегистрированный в августе 1992 года Министерством печати и информации Российской Федерации, — это единственное учебно-методическое издание во внутренних войсках. Оно помогает офицерам, прапорщикам и сержантам подразделений, слушателям и курсантам военных образовательных учреждений высшего профессионального образования, опираясь на опыт лучших методистов войск, качественно проводить занятия с личным составом по боевой, общественно-государственной подготовке, правильно организовывать выполнение служебно-боевых задач.

Исходя из того, что главная задача редакции «Войскового вестника» — учитывать самые разнообразные запросы наших подписчиков, мы намерены и впредь отдавать предпочтение материалам методической направленности, знакомить военнослужащих с российским законодательством, нормативно-правовыми документами.

**Полковник
Владимир КУДРЯШОВ,
редактор сборника
«Войсковой вестник»**

Напоминаем, что «Войсковой вестник» выходит три раза в полугодие. Индекс издания по каталогу Роспечати — 73515. Стоимость одного номера — 6 рублей.

К Дню Воздушного флота России

В годы гражданской войны в Красной Армии зародилась традиция — зачислять в списки воинских частей почетными красноармейцами видных партийных и государственных деятелей, известных советских военачальников, представителей Коминтерна — борцов за освобождение рабочего класса западных стран, а также руководителей предприятий и организаций, шефствовавших над воинскими коллективами. Стали появляться также и почетные милиционеры, чекисты, сталевары, шахтеры, колхозники и т.д.

Красный военный летчик К.А. Рудзит, один из первых почетных сотрудников чекистских органов, стоит как бы в стороне от когорты номенклатурных деятелей, удостоившихся высокой чести состоять в рядах особо уважаемых граждан страны.

ПОЧЕТНЫЙ ЧЕКИСТ КРАСВОЕНЛЕТ РУДЗИТ

Вприснопамятные годы застоя об этом человеке написали бы так: «К славной плеяде героев гражданской войны принадлежит краснофлотец Казимир Рудзит». Орден Красного Знамени — высший знак отличия Республики Советов, которым был дважды отмечен авиатор за боевые подвиги, полностью бы оправдывал подобную оценку.

Мы же несколько изменим высо-

копарный стиль из нашего недавнего прошлого и скажем так: жизнь этого человека, прошедшего горнило двух войн — империалистической и гражданской, оборвалась трагически. Он был страстно увлечен авиацией, не мог жить без неба, без полетов и стал жертвой своей безудержной страсти. Разбился во время испытания летательного аппарата...

В феврале 1923 года, в 5-летнюю

годовщину РККА, советское правительство, обеспокоенное ростом авиационной мощи западных стран, обратилось к населению с призывом: «Трудовой народ, строй воздушный флот!».

Создавать современную авиацию Страны Советов, способную противостоять любому агрессору, предполагалось за счет добровольных народных пожертвований. Для этих целей было создано Общество друзей воздушного флота (ОДВФ), которое развернуло массовую агитационную кампанию по сбору денежных средств. По всей стране создавались отделения ОДВФ, во главе которых становились местные партийные или советские функционеры. Вся работа общества проводилась под лозунгом «Друг воздуш-

РЕТРОСПЕКТИВА

ного флота должен быть авиационно-грамотным и сознательно-активным участником в деятельности ОДВФ.

К агитационной кампании подключались известные деятели литературы и искусства. Первым среди них был Владимир Маяковский, посвятивший этому мероприятию несколько стихотворений и даже поэму под названием «Летающий пролетарий». В своих произведениях в поэтической форме он разъяснял, что такое ОДВФ и зачем нужно строить самолеты. Вот, например, как пролетарский поэт популярно и доступно для понимания народа раскрывал задачи «друзей воздухофлота»:

Чтобы, бомбы
в кузов
не грозили
враги,
объединились
летанья друзья
в содружество
О.В.Ф.

Заинтересовывали людей по-разному: всех, кто жертвовал на авиацию хоть какую-то сумму, записывали в члены добровольного общества, наиболее активным «друзьям воздухофлота» вручали серебряные значки с изображением самолета, организовывали катания всех желающих на аэропланах, что вызывало особый восторг у населения. Там же, где активность трудящихся была невысокой, собирали партийные, профсоюзные или общие собрания, где «единогласно» определялась сумма, которую в обязательном порядке должен был из своей скудной зарплаты сдать каждый член трудового коллектива на строительство самолетов.

Подобная кампания была развернута среди военных. Красноармейцы и командиры вносили на авиацию из своего и без того неве-

ликого жалованья рубли и копейки, и даже коллективно отказывались от табачного довольствия, чтобы его стоимость перечислить на постройку самолетов. Например, только на средства, собранные ли-

ской авиации: «При первом призыве рабоче-крестьянского правительства о воссоздании воздушного флота на добровольные пожертвования... горячо откликнулись сотrudники органов, красноармейцы, комполитсостав войск ГПУ Украинского военного округа... которые энергично принялись за сбор добровольных пожертвований». В короткий срок была собрана немалая по тем временам сумма — 30 тысяч рублей золотом. На эти деньги приобрели самолет иностранного производства ДН-9а с мощным двигателем и грозным вооружением — пятью крупнокалиберными пулеметами. Боевую машину называли «Украинский чекист» — в честь тех, кто пожертвовал свои личные сбережения на его постройку.

Самолет вошел в состав вновь сформированного отдельного разведывательного авиационного отряда «Ильич». Все одиннадцать летательных аппаратов, переданных на формирование части, были построены исключительно на средства трудящихся Украины. Об этом свидетельствовали названия аэропланов, крупно выведенные бе-

лым составом войск ГПУ, было закуплено несколько боевых аэропланов, которым дали звучные названия «Гвардия пролетариата», «Красный конвоир», «Украинский чекист» и другие. Первым среди них был передан в состав военно-воздушных сил страны самолет «Украинский чекист». На его постройку внесли свои средства сотрудники органов и бойцы частей войск ГПУ Украинской ССР.

Вот, например, как описывался в приказе председателя ГПУ УССР от 13 мая 1924 года энтузиазм, охвативший (не без активного влияния политработников) воинов-чекистов, жертвовавших свои кровные на общее дело — развитие совет-

лой краской на фюзеляжах, — «Донецкий шахтер», «Самолет Сумщины», «Красный Киевлянин», «Пролетарий Одесщины» и другие. А «Украинский чекист» стал флагманской машиной нового авиаподразделения. Его принял лично командир отряда К.А. Рудзит, который в ознаменование этого события был тут же «зачислен в списки сотрудников ГПУ УССР» и стал, пожалуй, единственным летчиком — почетным чекистом. Это обстоятельство и объясняет наш интерес к его биографии...

Родился Казимир Рудзит, как свидетельствует его архивная служебная карточка, в 1895 году в Латвии в крестьянской семье.

В годы первой мировой войны был призван на военную службу. Добившись направления в Одесскую школу летчиков, успешно ее окончил и в чине унтер-офицера убыл на фронт. Воевал в составе 7-го Сибирского корпусного авиаотряда. В воздушных боях молодой летчик был храбр, отличался мужеством и бесстрашием, граничащим с дерзостью. В семнадцатом получил офицерские погоны — стал прапорщиком.

Октябрьский переворот, который многие из фронтовиков встретили с надеждой на перемены к лучшему, круто переменил судьбу военлета. Прапорщик Рудзит, спорив офицерские погоны, переходит на сторону восставшего народа и становится красноенлетом — красным военным летчиком. Он поступает добровольцем в 1-ю отдельную воздушную эскадрилью Московского летательного революционного отряда — такое длинное и по-революционному броское название носила одна из первых красных авиачастей.

Учитывая большой боевой опыт Рудзита, уже в самом начале 1918 года его вновь направляют на фронт. Только теперь он так же храбро, как прежде, воюет против белых, в рядах которых, возможно, были и те, с кем ему, бывшему прапорщику, приходилось бок о бок сражаться с германцами...

На Южном фронте Рудзиту, невзирая на то, что совсем недавно он был «золотопогонником», доверили командовать отдельным разведывательным авиаотрядом. Часть состояла в основном из летчиков-латышей — земляков их боевого командира. На стареньких, изношенных самолетах подчиненные Рудзита показывали чудеса летного искусства, смело вступали в воздушные схватки с вражескими самолетами, бомбили позиции противника, осуществляли воздушную разведку, доставляли пакеты с приказами и распоряжениями командования.

Вот только несколько эпизодов из боевой хроники того времени, взятых из мемуаров первых советских авиаторов. 9-я армия, в состав воздушных сил которой входил

авиаотряд Рудзита, действовала против денкинцев в направлении Новочеркасска и Ростова. Наступление красных было столь стремительным, что большинство авиационных подразделений армии из-за отсутствия горючего вынуждены были остаться далеко в тылу. И только военлеты Рудзита продолжали вести боевую работу против белогвардейцев. Командование задавалось вопросом, как умудряются летать эти неутомимые латыши, если горючего нет и у них. Оказалось, что военлеты приноровились сами изготавливать горючую смесь на основе спирта и на этом суррогате успешно совершать боевые вылеты.

Для разгрома противника командование армии приняло решение более интенсивно использовать авиацию. С этой целью все имевшиеся авиаотряды объединялись в сводную ударную воздушную группу. Слияние должно было произойти в станице Морозовской. Но метеоусловия резко осложнились. Начался сильный дождь, все небо затянули низкие облака, видимость ухудшилась. Когда боевые

машины совершили посадку на новом аэродроме, выяснилось, что нет одного самолета — красноенлета Рудзита.

Боевые товарищи не верили, что их командир погиб, и продолжали под дождем ждать его. Наконец из-за туч вынырнул красноезвездный самолет. Когда он остановился и двигатель заглох, из кабины выпрыгнул Казимир Андреевич — веселый, улыбающийся, как всегда, неунывающий. Оказалось, что во время перелета у его машины поломился лонжерон. Совершив вынужденную посадку в поле, летчик перевязал треснувшую деталь телефонным кабелем. Благополучно взлетел и прибыл к месту назначения. Летчик очень сокрушался, что из-за поломки самолета не сможет летать. Но, к счастью, на складе нашлось запасное крыло, правда, другого цвета — коричневого. Его поставили на поврежденную машину. Так он и летал на боевые задания на самолете с разноцветными крыльями, вызывая недоумение у противника.

«Один лишь страх был у него, — характеризовал Рудзита началь-

ник воздухофлота армии А. Лапчинский, — страх остаться без самолета и быть вынужденным смотреть, как летают другие».

Высоко ценил боевые качества Рудзита и прославленный советский авиатор И. Павлов. «Это лучший товарищ в бою, который в тяжелую страдную пору способен был идти на самопожертвование без приказа, а по собственному... сознанию...» — отзывался он о Казимире Андреевиче. Вскоре отважно-го летчика удостоили самой высокой награды того времени — ордена Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета Республики подчеркивалось, что красноармеец Рудзит отмечен главной революционной наградой «за совершенные им при крайне тяжелых технических условиях и с явной опасностью для жизни боевые полеты».

После того как заслуги Казимира Андреевича были так высоко оценены, его ждало стремительное повышение по службе. В июне 1920 года орденосца назначили начальником авиации и воздухоплавания 12-й армии, действовавшей против белопольских интервентов. В короткий срок Рудзит сумел наладить боевую работу всех армейских авиаотрядов. Несмотря на огромную занятость, зачастую сам лично вылетал на разведку и бомбардировку противника. Получив достойный отпор, авиация белополяков вскоре утратила свое преимущество в воздухе. Вслед за этим 12-я армия перешла в решительное наступление и освободила Киев.

Продвижение армии на запад сопровождалось напряженной боевой работой красных военлетов. Они по несколько раз в день поднимались в небо, наносили бомбовые удары по скоплениям живой силы врага, производили воздушную разведку, обстреливали из пулеметов позиции противника. Командование высоко оценивало действия авиаторов. Реввоенсовет Западного фронта отметил грамотные и решительные действия воздухофлота армии и наградил его руководителя К.А. Рудзита вторым орденом Красного Знамени. «За выдающуюся стойкость и доблесть, проявленные в период наступательных боев на

Варшаву и в последовавших затем арьергардных боях», — говорилось в приказе о награждении.

После окончания гражданской войны Казимир Андреевич находился на различных командных должностях в развивающейся советской авиации. Он принимал также активное участие в операциях по ликвидации махновских банд на Украине. Но в напряженных учебно-боевых буднях не забывал о своем увлечении — находил время для занятия планерным спортом, не пропускал ни одного соревнования, участвовал в испытательных полетах.

...Вновь созданный отдельный разведывательный авиационный отряд получил название «Ильич» — в честь недавно умершего вождя мирового пролетариата В.И. Ленина. На его укомплектование отобрали лучших летчиков и авиамехаников Украинского военного округа. Среди них были такие прославленные авиаторы, вошедшие в историю советского воздушного флота, как П. Золотов, И. Нусберг, С. Коссинский и другие. Стремясь оправдать высокое доверие трудового народа, красноармейцы энергично приступили к боевой учебе. Начальник ВВС округа Ф. Ингаунис с удовлетворением отмечал, что Рудзит «за короткий срок не только закончил формирование отряда, но и создал вполне подготовленную и боеспособную авиационную часть».

В августе 1924 года авиаотряд «Ильич» участвовал в маневрах войск округа. Причем впервые в практике войсковой авиации самолеты привлекались к взаимодействию с кораблями Черноморского флота. Самые ответственные и сложные полеты брал на себя сам командир отряда, совершая их на самолете «Украинский чекист». За успешное выполнение учебно-боевых заданий военлеты заслужили благодарность Реввоенсовета СССР. «Отряду пришлось производить полеты на большие дистанции в новых, совершенно непривычных условиях, — подчеркивалось в приказе РВС СССР, подписанном М.В. Фрунзе. — Но тем не менее полностью выполнены все возложенные на отряд ответственные задачи. Личным соста-

вом проявлены большие знания и инициатива в работе».

В начале сентября 1924 года в Крыму проводились 2-е Все-союзные планерные испытания. Они привлекли в Коктебель немало известных в свое время авиаторов. Приехал сюда и военлет Рудзит со своим планером «Бумеранг», построенным на харьковской военной авиабазе. Полеты проходили успешно. Планеристы демонстрировали друг другу свое мастерство. Ничто не предвещало трагедии...

То, как произошла катастрофа, было описано в некрологе, опубликованном в журнале «Вестник воздушного флота» № 10 за 1924 год: «Рудзит на «Бумеранге»... находился в воздухе 1 ч. 8 мин., когда его со страшной скоростью боком понесло к склону, причем видно было, что летчику не удастся развернуть аппарат опять к долине. Затем аппарат повернулся еще более к горе и даже несколько наклонился носом. Авария уже стала неминуемой, но никто... не ожидал происшедшего в следующее же мгновение — у аппарата сложились крылья, и с высоты не более пяти метров аппарат рухнул на склон горы, и летчик разбился насмерть».

Архивы, в отличие от человеческой памяти, надежно сохраняют многое из нашего прошлого. Только благодаря архивным материалам удалось установить судьбу талантливого летчика и незаурядного человека К.А. Рудзита. Спустя год после его трагической гибели авиаотряд «Ильич» был развернут в отдельную эскадрилью, затем на ее базе был сформирован авиаполк, успешно громивший гитлеровцев в годы Великой Отечественной войны.

Что же касается самолета «Украинский чекист», то проследить его судьбу не удалось. Сколько лет он состоял на вооружении ВВС и кто на нем летал после Рудзита, к сожалению, осталось неизвестным. Рассказать нам об этом не смогли даже архивы...

**Полковник
Николай СЫСОВ**

На снимках:
агитплакаты Общества
друзей воздушного флота

Идеология русской армии

За что сражался русский воин

6. ...Себе чести, а князю — славы

Новые общественные отношения способствовали формированию соответствующих моральных ценностей воинов, видоизменявшихся от идеала дружинной преданности к верности вассальной. При этом неизвестное на Западе вплоть до конца XIII века чувство патриотизма и любви к Отечеству, как к стране в целом («Русская земля»), тесно переплеталось с понятиями воинской чести и продолжавшими укореняться и осмысляться идеалами православия.

Характерно, что в этот период патриотизм еще носит главным образом «территориальный» характер. Постоять «за землю Русскую», «постеречь» ее от набега, пойти в поход за нее — вот посто-

янный рефрен в обосновании действий того или иного полководца в летописях. Мотив борьбы с «агарянами», с «погаными» на южном направлении присутствует постоянно, но носит подчиненный характер. Русский человек в это время еще не ощущал угрозы своей вере. Соседи христиане еще воспринимались братьями по вере. Еще полоцкий князь наивно одобрял деятельность немецких миссионеров на землях своих прибалтийских данников. Еще и в XIII в. псковские добровольцы могли прийти на помощь только вставшему на ноги Ордену против язычников литовцев. С венгерским королем или польскими князьями зачастую отношения бывали лучше, чем с двоюродными братьями. Между собой же воевали до самозабвения, постоянно приглашая к пролитию братской крови тех же «агарян».

Положение изменилось после разорения крестоносцами Константинополя во время четвертого крестового похода. Именно в политике Рима следует искать объяснение внезапному вероломному убийству поляками Ро-

Окончание. Начало в № 7.

мана Мстиславича Волынского и тому, что венгерская корона вдруг из постоянного союзника превратилась в столь же последовательного врага. Начинался «натиск на Восток», но угроза безопасности Руси еще не осознавалась ее правителями и воинством как смертельная, а сама православная вера еще оставалась для очень многих из них поверхностной. Аристократическая гордость слепила разум, и мало кто из них уже умел смирять свой дух и действительно служить Богу и Руси. Одним из таких витязей был Демьян Куденевич, что ради родной земли избегал службы князьям и с маленьким отрядом разъезжал вдоль южной границы, оберегая ее от половцев в то время, когда князья воевали друг с другом. Обладая огромной физической силой и все время находясь в движении, он был грозой для «поганых», и одно его имя могло вызвать панику и обратить в бегство целое их войско (1147 г.)

На формирование высоких морально-психологических качеств воинов большое влияние оказывали как традиционный устный народный и специфически дружинный, воинский эпос, так и появившиеся в этот период переводы мировой классики древних и средневековых авторов («Иллиада», «Записки об Иудейской войне» и мн. др.), а также и первые русские произведения на военную тему. Образцами подобной литературы могут служить дошедшие до нашего времени «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», а также воинские повести, включенные в состав летописных сводов. Получив широкое распространение во всех русских землях, они способствовали поддержанию и развитию уже сложившихся боевых традиций.

Особую роль в формировании

идеологии христолюбивого воинства сыграл Владимир Мономах. Вплоть до конца XIX столетия, когда из-за упадка веры в массах личного состава и надвигавшегося повального безверия к этому вопросу обратились многие военные писатели, его заслуги в религиозном воспитании армий сопоставлялись только с деятельностью А.В.Суворова. Именно Мономах первым привлек духовенство к дальним походам против кочевников и тем заложил основу духовного служения непосредственно на поле боя, там, где оно особенно нужно воину.

Славен Владимир Всеволодович и тем, что создал фактически первый труд по военной педагогике и духовному воспитанию. Его «Поучение» — это не только исторический источник и первый памятник военно-мемуарного жанра в нашей литературе или наставление по организации службы в походе, но и великодушный учебник нравственности. Истинный «учебник жизни» не только для воина, но и для всякого человека.

Уделяя много внимания боевой подготовке, психологической и физической закалке в опасных зверовых охотах, на первое место в своих воззрениях на воспитание будущих правителей и защитников Отечества Мономах ставил наличие в душах «страха Божия» и выработку смирения, послушания, милосердия, ибо без них воинская гордость — лишь гордыня, мать всех пороков. Своим примером старый князь завещал детям (скорее, внукам и всем потомкам) быть верными своему долгу («Дети, ни войны, ни зверя не бойтесь. Делайте дело мужское»), не щадить тела своего ради души, непрестанно трудиться («Да не застанет вас солнце на постели»), не жалеть сокровищ мира сего для приобретения сокровищ вечных,

постоянно приобретать новые знания, в походе и дома вести жизнь честную, чистую, достойную защитника Отечества.

Показателем уровня нравственности русских воинов того времени может служить пример самопожертвования «лучших мужей» войска Игоря Новгород-Северского. Бросить своих «простых» однополчан и самим прорваться из окружения они почитали грехом перед Богом. Чтобы не искушать малодушных, военачальники первыми сошли с коней, и все войско, спешившись и построившись в каре, «огородившись червлеными щитами», пошло пешим по степи в окружении бесчисленных врагов, предпочтя неизбежные гибель или плен жизни, спасенной ценой позора и предательства товарищей.

7. Святая Русь

С середины XIII века в духовной жизни русского народа заметно усилились религиозные элементы. Нашествие и иноземное иго были восприняты всеми слоями общества как несомненное и давно заслуженное наказание за десятилетия непрерывного братоубийства, междоусобных войн.

При общем резком снижении уровня благосостояния и образованности населения, не исключая аристократии и служилого сословия, возросла его религиозность, а, следовательно, и религиозная мотивация поведения. Навсегда ушло мироощущение человека «светло-светлой и украшно-украшенной», свободной, хотя и раздробленной на несколько государств, но все равно могучей, еще никем не побежденной, гордой своими святынями и своим богатством Русской земли.

Унижения со стороны завоевателей («злее зла честь татар-

ская»), понимание своего военного бессилия, а главное, осознание происшедшей национальной катастрофы как кары небесной, заставили смириться перед ходом событий, как проявлением высшей воли и ждать своего часа. Теперь для лучшей части русского воинства и его предводителей поиски суетной «славы мира сего» заслонила общая беда. Общенародные интересы вновь начинают становиться главным содержанием воинского долга.

Пройдя тяжкий путь десятилетий покаяния и искупления, духовного очищения и возвышения, русский народ выносил идею Святой Руси — страны-общины с приматом духовного начала в жизни человека, смыслом которой стало «стяжание Царства Божия» и «жизни вечной» через добрые дела и верность православию в земной жизни. Кажется, лишь теперь христианская проповедь проникает в народную толщу. Жизнь по евангельским заветам («русь — суть миролюбцы, ожидающие справедливости») становится всеобщим нравственным ориентиром для страдающего народа, живущего единой надеждой на то, что «переменит Бог Орду».

Появление религиозного гнета и гонения на христиан в принявшей мусульманство Золотой Орде усилили в русской воинской идеологии мотивы борьбы с иноверцами, защиты православия. Дальнейшее пребывание под властью ханов становилось нетерпимым, так как возникла реальная угроза духовной независимости народа — основе его исторического бытия.

Нашествие Мамаю воспринималось в первую очередь как покушение на самое святое. Естественно, что коренным вопросом в жизни русского общества, уже в практической плоскости, ста-

Ю.Ракша. Проводы ополченцев

новилась священная война за веру (в первую очередь!) и свободу. Именно в такой обстановке духовный подвижник Руси — трицкий игумен Сергей из-под Радонежа, уже при жизни почитаемый как святой, и благословил московского князя Дмитрия, а с ним и все русское войско на бой.

Победа на Куликовом поле стала подтверждением давнего убеждения в особом покровительстве небесных сил Русской земле.

Москва уже начала объединять русские земли, хотя роль ее поначалу еще не была очевидной для всех. Еще сильны были идеалы региональной независимости.

сти, подкрепленные авторитетом местных святых. Еще многие из русских были готовы за это отдать жизнь. Еще звучали на полях битв гордые кличи: «За Святую Софию и Великий Новгород!», «За Дом Святого Спаса, за великую тверскую свободу!», но все больше князей, бояр и вольных слуг отъезжало к Москве. Великий князь Владимирский и Московский начинал восприниматься как тот, кому самим Всевышним суждено собрать Русь в единую державу, как хранитель и защитник самого святого, что есть у русского человека — его веры.

Отказавшись в 1441 году признать Папу Римского главой Православной церкви, жители затерянных в лесах северо-восточных русских княжеств осознали себя единым народом перед остальным миром. С этого времени русские стремительно становятся мировой нацией.

Настоятельной становится также необходимость защиты православия от «латинян». В этот период переосмыслилось духовное наследие Византии и Киевской Руси. Идея сохранения истинной, неповрежденной папизмом веры Христовой и особой миссии Руси — ее хранительницы, последнего сильного православного государства — усилилась после склонения обессилившей Византии к унии с католическим Римом на Флорентийском соборе и особенно после ее окончательной гибели в 1453 году.

Понимание того, что Москва стала главой православия — «третьим Римом», стало осознанием (как бы на новом уровне, превысившем прежние, «киевские» масштабы) «великой миссии русского народа — нести миру слово истинного христианства, быть центром духовного единения всех православных на земле» (Слово владыки Иоанна.

СПб.1995. — С. 11.). Соответственно воспринималась теперь и служба московскому государю. Как и в далекие киевские времена, служба великому князю, а затем и венчанному царю Всея Руси становилась службой всей Русской земле — «самой справедливой и истинно христианской на свете», «уделу Пресвятой Богородицы». В этом отныне и заключался смысл жизни русского воина.

«Два Рима пали в ересях и суетных соблазнах мира сего, не сумев сохранить благоговейную чистоту веры, чистое и светлое мироощущение апостольского Православия. Первый — ...отпал в гордыню католицизма. Второй (Византия) — поступившись чистотой Церкви ради сиюминутных политических выгод, отдан Богом на поправление иноверцам. Третий же Рим — Москва, государство народа русского, и ему всемогущим промыслом Божиим определено отныне и до века хранить чистоту Православного вероучения, утверждающего вечное торжество Божественной справедливости и Любви» (там же).

Так, к XVI веку определилось служение русского народа и его воинства. Таким они его поняли и приняли, и как крест свой понесли на поля брани (а всякая брань для русского народа на его территории превращается в войну за веру). Отныне и на века девизом русского войска стало: «С нами Бог. Никто же на ны. Разумейте, языцы (народы. — Ю. С.), и покоряйтесь, яко с нами Бог». Эти слова, как молитва, тысячу раз повторяются на каждом колечке кольчуги-байданы, что сковал русскому царю мастер из Оружейной палаты.

В мировоззрении русского воина теперь понятия веры и Родины были слиты воедино. «Мы все готовы умереть за свою веру», —

писали защитники Пскова от войск Стефана Батория, и подобных высказываний можно привести десятки. Родина без веры, отдельно от нее не воспринималась, да и была бы она нужна такая русскому человеку? Утрата Россией-Московией своей «отеческой» веры означала бы не просто ее подчинение Западу, а полную катастрофу народного самосознания, потерю его «самостояния».

В знаменитом призыве «За Веру, Царя и Отечество» на первом месте именно Вера — основа жизни вечной, затем — ее защитник, предстоятель перед Отцом Небесным за русский народ и вождь его воинства, и лишь в третью очередь — Отечество, родная земля и народ — основа временной жизни. И никакие временные неудачи, поражения, никакое численное и техническое превосходство не могли поколебать святой веры русских в то, что «не в силе Бог, но в правде».

* * *

Как видим, ключ к пониманию и устройению русской жизни вообще, и к решению армейских проблем в частности, лежит в области религиозной, нравственной, ведь «на все нужна в России только вера». Не усвоив этого, не пойдем мы ни себя, ни свой народ, ни свою историю и, главное, свои государственные задачи в настоящем и будущем. Не уверовав вновь, без чего, кстати, и русскими-то можем называться только условно, не спасемся сами, а главное, страну погубим окончательно.

Юрий СУХАРЕВ,
преподаватель
Военного университета
Минобороны России

ВЫСОКОТОЧНОЕ ОРУЖИЕ — КНИГА

И понимаю, что давно пора привыкнуть и не обращать внимания на выпады в адрес людей военных, но не получается. Вот и на этот раз, честно говоря, огорчился, прочитав в довольно занятом еженедельнике, в котором, кстати, работает однокашник по Литинституту, вот такой пассаж: «В нашей армии продолжает твориться немыслимое. Ее генералы ничего не оставляют солдатам, кроме как быть зверьми или жертвами зверей». И все это — предисловием к письму замордованного сослуживцами солдата.

При чем тут генералы? И что и кому они должны «оставлять»? И не в этой ли газете я вычитал совсем недавно о том, что за последние десять лет Россия стремительно скользит в пропасть: два миллиона детей покинули семьи и стали беспризорниками; пять миллионов ребятишек школьного возраста не учатся; в арифметической прогрессии растет среди них количество наркоманов и алкоголиков...

Так кто же на самом деле — нерадивые генералы или вот эти, по сути, изгои общества, призванные в свой черед на службу, творят беззакония в казарме?

Впрочем, я прекрасно понимаю, что среди отцов-командиров встречаются самодуры и мздоимцы, лодыри и пьяницы. Но ведь совсем не они определяют лицо современного военного человека. Прежде всего офицера. Так зачем же поливать грязью всех без разбора? Зачем обвинять чохом?

— В том-то и дело, что есть на то причины. — С этого и началась наша беседа с Юрием Александровичем ВИНОГРАДОВЫМ — президентом Международной ассоциации писателей батальонов и маринов, секретарем Союза писателей России, председателем писательского совета МВД Российской Федерации. — Армии не привыкать к нападкам, — продолжил он. — Да оно и понятно — нападают на сильных, на тех, кто еще стоит, несмотря ни на что, кто не только мешает чьим-то далеко идущим планам, но и способен пресечь попытки ввергнуть Родину в политический и экономический хаос.

— На тех, кто может служить ориентиром для других?

— Конечно! Людей старшего поколения дурачить нелегко. Трудная жизнь, войны, лишения, потери научили нас разбираться, что к чему и почему фунт лиха, а вот молодежь чувствует сегодня духовный вакуум, не видя настоящей жизненной цели, не успев обрести крепкие нравственные ориентиры. Молодым не позавидуешь. Ведь человек без цели в жизни — это как бы полчеловека. Ибо не хлебом единым он жив. Человек должен больше жить ду-

шою, разумом. А духовности, нравственности сегодня большинству людей и недостает. И нет четко поставленной государственной задачи на развитие духовности.

Ругай — не ругай коммунистов, но они все-таки звали к светлому будущему. И так росло мое поколение. Мы мечтали о подвигах. Мечтали стать людьми общественно значимыми — учителями и врачами, строителями и авиаторами, пограничниками и моряками... Мы хотели сделать что-то очень полезное для страны. Не

для себя жить, а для народа. У нас были идеалы. И опыт Отечественной войны показал, что не будь мы так крепки духом, ни за что бы не одолели могучего врага. Вера наша в свою правоту творила чудеса, звала к самопожертвованию, рождала Космодемьянских, Матросовых, Талалихиных, Гастелло...

А сейчас в обществе звучит призыв только к обогащению. Упор делается на материальную основу. Людей упрощают. Приучают жить пещерными интересами, животными инстинктами. То есть жить для того, чтобы есть. А мы должны есть для того, чтобы жить!

Без духовной полноты жизнь невозможна. Без этого не достичь вершин в науке, искусстве. Не зря говорится: человек — это звучит гордо. Однако это относится только к тому, кто духовно высок, духовно крепок.

— Если я вас правильно понял, то в военной среде таких немало?

— Безусловно. Ведь вы задумайтесь: получают сегодня военные люди гроши, жилья нет, семьи неустроены, и несмотря на это, они не уходят. Им говорят: «Идите в предприниматели, и у вас будет все». Не идут. Что же их держит? А держит их чувство внутреннего долга: «А кто же тогда будет Родину защищать?» Удерживает патриотизм, впитанный с детских лет.

Наиболее духовно чистые люди сегодня — в офицерской среде. И то, будем до конца откровенны, им многого не хватает. Ведь им не дают эту духовность развивать. У нас культура принижена, литература принижена, искусство при-

нижено. О патриотизме говорят чуть ли не шепотом.

— С высот прожитого и пережитого вам, конечно же, виднее.

— А как же! Вся моя жизнь связана с армией. В общей сложности я прослужил сорок один календарный год. Отец и мать у меня умерли рано, я сам определялся, кем мне быть.

— И армейская дорога, видимо, выбрана не случайно?

— К военным людям я всегда относился с уважением. Во-первых, с детских лет я любил читать, а вся наша русская классика патриотична. Лермонтов, Толстой, Куприн — это же боевые офицеры. Во-вторых, в сорок первом мне было четырнадцать лет, я уже не просто видел, но и понимал суть труда военных: Отечественная война стояла перед глазами. И потом у меня отец — герой первой мировой. Он полный Георгиевский кавалер, подпрапорщик гренадерского Его Императорского Величества полка. А дед по линии матери — герой Шипки. За освобождение Болгарии он два Георгия имел, две медали за храбрость от Польши и Болгарии, служил в Шуйско-Варшавском полку. Вот все это вместе и определило мою судьбу. Поступил я в Рижское высшее Краснознаменное училище береговой артиллерии Военно-Морского Флота СССР. Так что с сорок шестого по пятьдесят девятый служил на Балтике артиллеристом. Затем, когда были созданы Ракетные войска стратегического назначения, меня перевели туда. Этому новому виду Вооруженных сил отдано одиннадцать лет. К тому времени вышли у меня первые книги, бы-

ли поставлены первые пьесы, был я принят в Союз писателей и переведен в Институт военной истории Министерства обороны СССР. Там я стал одним из разработчиков и участников создания двенадцатитомной истории второй мировой войны. Потом меня как писателя порекомендовали главным редактором в издательство ДОСААФ. Ну а последние шесть армейских лет руководил редакционным коллективом журнала «Советский воин».

— Как я понимаю, вы и сегодня, несмотря на почтенный возраст, продолжаете служить Отечеству и как прозаик, драматург, и как президент Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов?

— Да, наша Международная ассоциация была учреждена в 1990 году. Советский Союз распался на глазах, а патриотически настроенные писатели стремились не сдать без боя духовное пространство державы. И это во многом удалось. Сегодня мы объединяем более тысячи профессиональных литераторов на постсоветском пространстве. Наиболее активно работают наши представители на Украине, в Белоруссии, Армении, Казахстане, а среди россиян прежде всего надо отметить писателей Москвы и Санкт-Петербурга. Деятельность ассоциации направлена на всестороннюю разработку военно-исторической темы, создание высокохудожественных произведений всех жанров о защитниках Отечества, современном дне армии и флота, пограничных и внутренних войск, правоохранительных органов, на защиту творческой

Юрий Александрович ВИНОГРАДОВ родился в 1927 году в Ивановской области. Полковник в отставке. Кандидат исторических наук. Заслуженный работник культуры РСФСР. Автор более тридцати книг. Лауреат литературных премий им. А. Фадеева, К. Симонова, В. Пикуля, «Золотой кортик», «Золотая ветвь каштана» (Украина). Секретарь Союза писателей России. Президент Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов.

личности, на содействие развитию национальных литератур, на помощь писателям — ветеранам войны и молодым литераторам, с которыми пусть не регулярно, но все же удается проводить семинары.

— **Заглянешь в полковую библиотеку, а там за последнее десятилетие поступлений — раз, два и обчелся. И вообще создается впечатление, что сегодня кроме Распутина, Астафьева, Личутина, Проханова, ну еще я могу назвать с десяток менее известных писательских имен, никто и не пишет серьезных книг.**

— Работать действительно трудно. Серьезных, патристически настроенных писателей шельмуют, кивают на рынок, который, дескать, все поставит на свои места. Вот и получается, что кроваво-сексуальный поток захлестывает прилавки магазинов, на него деньги у издателей находятся. А на хорошую, умную книгу их нет. Ищи, мол, их писатель сам.

— **И это в то время, когда библиотекам как воздух нужна честная, увлекательная книга о современнике. Не «чернуха», не детективщина в худшем ее понимании, а книга, несущая нравственный заряд. Такая, как бесхитростный роман Николая Островского о Павке Корчагине, как «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого, которой, я знаю, и поныне зачитываются в госпиталях и медсанбатах ребята, прошедшие горячие точки, получившие ранения и увечья.**

Но все же за девять лет, **Юрий Александрович, возглавляемой вами ассоциацией есть чем гордиться, что отнести в свой актив?**

— Ассоциация первой в стране издала полное собрание сочинений Валентина Пикуля — замечательного патриота земли русской, популяризатора ее героической истории. Мы выпустили библиотеку российской маринистики в шести томах, серию поэтиче-

ских книг. Семнадцать тысяч книг бесплатно передали в солдатские библиотеки, которые порой по пять-десять лет не видели ни одной новинки.

Сделали бы больше, но поскольку живем за счет самих себя, то и рассчитывать на кого-то не приходится.

— **Ну а высокие двери?**

— Стучался, и не раз. Выступал и на координационных советах по культуре, приемах и встречах с министром обороны, министром внутренних дел, председателем Федеральной пограничной службы, главкомом Военно-Морского флота, говорил о необходимости создания книг, которые показывали бы героев сегодняшнего дня. Все согласны со мной, но доходит дело до финансовой помощи...

— **Где же выход? Недавно в «Красной звезде» санкт-петербургский писатель Аркадий Пивчук, вице-президент ассоциации, потребовал, чтобы к штыку в буквальном смысле приравняли перо и создание книг, художественных фильмов, театральных спектаклей об армии и флоте финансировалось из той же защищенной статьи бюджета, которая гарантирует закупку вооружения и производство научно-исследовательских работ в области обороны. Как будто эта статья не урезана до минимума и деньги на нее поступают не с колоссальными задержками.**

— Я думаю, что нам еще предстоит стать свидетелями и участниками перестройки гигантской воспитательной системы государства. Давно пора определить цель — к чему мы пойдем. Опыт показывает, что только духовно сильная армия может победить в современной войне. А в ее духовном становлении роль книги первостепенна.

Встречаясь с солдатами и офицерами, моряками, женами наших воинов, особенно в отдаленных гарнизонах, я вижу насколько велика у них тяга к книге.

Кто бы что ни говорил, но люди хотят читать, хотят оставаться наедине с книгой. И не только в относительно спокойной обстановке. Я знаю, что во время конфликта в Чечне поэтические книжечки, выпущенные нашей ассоциацией, шли нарасхват, зачитывались до дыр.

Вода мягка, но, как известно, камень точит. По ходатайству нашей ассоциации была создана студия писателей баталистов и маринистов в Федеральной пограничной службе, художественным руководителем которой стал Борис Леонов, доктор филологических наук, профессор, давний автор и вашего журнала. А начальником ее — Дмитрий Алентьев, подполковник, поэт, член Союза писателей России.

При непосредственном участии Сергея Вадимовича Степашина недавно создана студия писателей Министерства внутренних дел. Начальником ее назначен писатель полковник милиции Леонид Петрович Головнев. Студия начинает набирать обороты, и главной ее целью является создание образа современного защитника правопорядка, современного милиционера, воина внутренних войск. И этот образ уже проглядывает в первых восьми книгах серии, посвященной приближающемуся 200-летию МВД России. Одна из них «Генералы горячих точек» писателя Николая Иванова посвящена вашему нынешнему главнокомандующему генерал-полковнику Вячеславу Викторовичу Овчинникову. Я знаю, эта документальная повесть сначала печаталась в журнале «На боевом посту», который принимает активное участие в военно-патристическом воспитании воинов внутренних войск и в канун своего сорокалетия был отмечен Международной ассоциацией писателей баталистов и маринистов медалью им. Константина Симонова.

— **В свое время Военно-художественная студия военных**

писателей работала при Главпуре Министерства обороны...

— И была упразднена шесть лет назад. Но время показало, что это было недальновидным шагом. Как глубоко ошибочным был, по сути, отказ военного руководства и Воениздата от такого незаменимого помощника в воспитательной работе, как книга.

— Я не думаю, что там сидели настолько близорукие люди. Видимо, к этому толкнуло опять-таки хроническое безденежье?

— Это не совсем так. Вы посмотрите, какие колоссальные средства находятся и тратятся на разного рода юбилеи, торжества, презентации. На открывающийся XXI кинофестиваль государство готово отвалить 65 миллионов. А где новые фильмы?

Гигантские суммы улетают в трубу, а на издание патриотической литературы, поддержку молодых армейских талантов средств, видите ли, нет...

Скупой, а я добавлю, и недальновидный платит дважды. Время все равно настоятельно диктует, чтобы студия армейских писателей была возрождена, чтобы подобные студии появились во всех силовых ведомствах, чтобы они заработали на полную мощь, чтобы возродились некогда популярные у военных людей «Библиотека офицера», «Библиотека юного патриота», чтобы переиздавались произведения — лауреаты премии Министерства обороны, МВД, ФСБ и т.д.

Это дело непростое. Но я не устаю приводить вот такой пример. Для того чтобы подготовить все необходимое и накормить солдата, нужно несколько дней. Чтобы его обмундировать — несколько недель. А чтобы духовно воспитать — требуются годы!

Нужен продуманный комплексный подход к человеку, необходимо задействовать все возможности культуры. И прежде всего книгу — высокоточное духовное оружие.

— Юрий Александрович, вот

вы драматург, у которого поставлено 14 пьес. За последние десять лет я не помню, чтобы где-то у нас была сыграна хоть одна пьеса о современной армии.

— Что верно, то верно. Это меня самого убивает. Даже наш Центральный академический театр Российской армии, наш флагман, как он сам себя называет, не ставит современных постановок уже лет пятнадцать-двадцать. И так все остальные театры. Объяснение у меня одно: люди, которые там работают, далеки от армии, они не любят и не знают ее.

И это проблема не только театра. Возьмите ансамбли песни и пляски. Ведь раньше эти художественные коллективы были хранителями и пропагандистами войсковой песни, войскового танца. А сейчас посмотрите... Двухчасовой концерт, а спокуют в лучшем случае одну-две военные песни. Все остальное — что угодно, только не свое, кровное.

— Мне бы не хотелось заканчивать наш разговор на грустной ноте...

— А что же делать?

— Именно этот вопрос мучает в последнем фильме Станислава Говорухина «Ворошиловский стрелок» вашего сверстника, которого играет замечательный артист Михаил Ульянов. Вместо покоя и благоденствия жизнь подбросила фронтовику на старости лет тяжелейшее испытание. И он во имя высшей справедливости берет в руки «снайперку».

— Я думаю, это все-таки крайность. Если каждый из нас в своей конкретной ситуации будет хвататься за оружие, это ни к чему хорошему не приведет. Доводить общество до того, чтобы каждый вершил самосуд — безрассудно. Надо всемерно помогать солдатам правопорядка, в том числе и воспитывая их самих.

— Таким, как говорухинские Жеглов и Шарапов?

— Вот это в точку. Кстати, студия писателей МВД будет изда-

вать и свой журнал, а название его — «Жеглов, Шарапов и Ко».

— Юрий Александрович, ваша ассоциация, как я понимаю, не только не стоит в стороне, но и намечает конкретные планы?

— Разумеется. Прежде всего мы объединяем вокруг студии тех литераторов, которые активно пишут на правоохранительную тему. Это уже готовые пятнадцать-двадцать штатиков. Плюс филиалы студии в регионах, где будем выявлять творческую молодежь, работающую сегодня, проходящую службу в войсках и органах МВД.

— Маринина тоже в вашем списке?

— Мы с вами говорим о книгах, дающих пищу сердцу и уму, а не о тех, с которыми обыватель зачастую убивает свободное время. Но вопрос я ваш понимаю. К сожалению, общий уровень литературы на правоохранительную тему низок, по сути, две трети каждой книги посвящены престелам и достоинствам уголовного мира, и лишь чуть-чуть в них о тех, кто ловит бандитов.

— Это из уроков антивоспитания?

— Вот и я о том. Мы же намереваемся к 200-летию МВД издать своеобразную художественную летопись Министерства внутренних дел. В 10-12 томов отобрать лучшие произведения о российской полиции, милиции за два века, красочно издать и разослать во все подразделения, во все войсковые библиотеки. Ну а на ближнюю перспективу — выпустить до конца года еще несколько книжек из «Милицейской летописи». Практически это фронтовая литература. Как во время Великой Отечественной издавали боевую литературу для переднего края, так задумана и эта серия. Ибо сегодня идет самая настоящая война, война за сердца и души россиян.

Вел беседу полковник
Евгений АРТЮХОВ,
член Союза писателей России

Николай КАЗАКОВ

Мир тесен

Повесть

27.

— И к чему нужна была эта самодеятельность? Вы мне можете ответить? А если бы Феликс на самом деле его подстрелил? Что бы тогда? Вам хоть деньги платят за то, что под пулями ходите, а корреспондент-то здесь при чем?

Завьялов, заложив руки за спину, прохаживался по кабинету и монотонно отчитывал Семенова и Дворецкого, доложивших о результатах вчерашней операции.

— Могли проконсультироваться у Гладышева, и он выдал бы вам все об этом Феликсе. И наверняка сказал бы, что Феликс на это не пойдет. Так, Леонид?

Окончание. Начало в № 7

Гладышев поднялся.

— Скорее всего так, но его поведение с каждым днем стало все сложнее и сложнее прогнозировать. По разговорам его окружения, Феликс совсем с катушек слетел, и никто не знает, что он может выкинуть в следующую секунду. Масла в огонь еще подлило исчезновение его людей, Шлема и Зубра с большой суммой денег.

— Тем более. Совать журналиста головой в мясорубку... — Завьялов остановился и поморщился. — Ребята, вы меня расстраиваете. А главное — результат-то нулевой.

Начальник отдела повернулся к Дворецкому:

— Как после этого твой друг чувствует-то себя? Дворецкий замялся.

— Да ничего вроде.

Завьялов сердито передразнил:

— Вроде... Я надеюсь, вы извинились перед ним?

— В общем-то да. Он сказал, что для его работы это даже полезно.

— Что полезно? — удивился Завьялов.

— Встряски там разные.

— Ну и народ пошел! Вы его хоть подстраховывали?

— Я его страховал, Степан Петрович. Он, правда, не знал об этом, — ответил Семенов. — А Дворецкий с Петренко ездили в училище.

— Там есть какие сдвиги? — Начальник отдела повернулся к Дворецкому.

— Проработали Зорина. Это один из тех, на кого показал на фотографии Шмель. Он же был дневальным в ту ночь, когда повесили Миронова.

— И что?

— Мутноват. Что-то явно скрывает. Знакомство со Шмелем отрицает. Вчера отпросился пораньше в увольнение, сказал, что вызвали телеграммой на междугородные переговоры, якобы сильно болеет отец. Мы за ним проследили...

— Ну и?.. — поторопил его Завьялов.

— На самом деле пошел на переговорный пункт. Пробыл там минут сорок. А потом зашел на телеграф.

— Дал телеграмму? Надеюсь, вы ее содержание узнали? — быстро спросил начальник отдела.

Дворецкий усмехнулся:

— Не все так просто. Он не телеграмму дал, а отправил телеграфный перевод.

— Домой?

— Нет. Город тот же, но по другому адресу и на имя какой-то Пироговой Татьяны Гавриловны.

— Интересно, — задумчиво проговорил Завьялов. — И крупная сумма?

— Пять миллионов.

Начальник отдела прищурил глаз и присвистнул.

— Неплохо поживают господа курсанты. Где только он взял такие деньги? У них получку-то когда последний раз выдавали?

— Получка у них как раз была накануне убийства Миронова. Я звонил в финансовый отдел училища. Их командование хочет полностью рассчитаться с выпускными курсами, поэтому выдали денежное довольствие сразу за два месяца.

— И пайковые, кстати, тоже, — добавил Петренко.

— Да, и пайковые. В общем, получается почти полтора миллиона на брата.

— Интересно, — снова повторил Завьялов. — А где он взял еще три с половиной?

Дворецкий пожал плечами:

— Пока непонятно. Мы можем предположить, что

максимум еще полтора миллиона он мог взять у Миронова. Может быть, тот отдал ему долг. У Миронова денег вообще не оказалось.

— Или украл. — Завьялов прошелся по комнате.

— Или украл, — эхом отозвался Дворецкий. — Но все равно повесить Миронова Зорин не мог. По крайней мере, в одиночку.

28.

Больше двух часов Дворецкий названивал по телефону в город, куда Зорин отправил деньги, пока не выяснил следующее.

Пирогова Татьяна Гавриловна, двадцати двух лет, закончила торговое училище, работает продавцом в отделе парфюмерии одного из частных магазинов. Одноклассница Зорина, проживает рядом с его родителями.

Отец Зорина, Виктор Иванович, жив-здоров, последние семь лет кроме банальной простуды ничем не болел, никаких телеграмм ни он сам, ни его жена, мачеха Зорина, в училище не отправляли.

— Врет, как дышит! — Дворецкий положил трубку и сладко, до хруста в костях потянулся.

— Что? — переспросил Петренко из-за соседнего стола.

— Да говорю, любит наш Зорин врать. Отец его здоровее нас с тобой. А по адресочку этому проживает, судя по всему, зоринская любовь. Может, жениться наш Филипок решил, а? На Дюймовочке.

29.

— Зорин, может, начнем говорить правду?

Дворецкий подошел к нему почти вплотную и пристально посмотрел ему в глаза.

Зорин не выдержал его взгляда, отвернулся и с трудом выдавил:

— Я все уже сказал.

— Тебя в школе разве не учили, что взрослым врать нехорошо?

— Я не вру.

— Врешь, Зорин, еще как врешь. — и совсем другим тоном спросил: — Слушай, а как самочувствие отца?

На щеках у парня появились красные пятна, он, не поднимая головы, захлопал глазами и буркнул:

— Нормально.

— Зорин, а как тебя зовут? — задушевым голосом задал Дворецкий вопрос, хотя прекрасно знал на него ответ и сам.

Зорин еще больше потупился.

— Григорий.

Дворецкий наклонил голову и посмотрел ему в глаза.

— Гриш, кончай валять дурака. — Отошел к окну и, стоя к курсанту спиной, продолжил: — Конечно, мы можем сейчас тебя забрать из училища и поговорить в другом месте, и после небольшой паузы: — И по-другому. — Юра резко обернулся. — Но оно тебе надо?

Зорин быстро спросил:

— А за что вы меня будете забирать?

— За что? — Брови Дворецкого удивленно разлетелись в стороны. — Как подозреваемого в убийстве Миронова.

— Я не убивал! — почти крикнул Зорин.

Дворецкий прошелся по канцелярии.

— Из того, что ты нам рассказал, вполне вырисовывается картина, что именно ты его убил!

— Не я! — вырвалось у Зорина.

Дворецкий моментально отреагировал:

— А кто?

— Не знаю. — Зорин снова ушел в себя.

— Не верю, Гриша, не верю.

— Ну почему вы мне не верите? — Он поднял на Дворецкого красные, воспаленные глаза.

Мишину, который сидел за своим столом, курил и молча наблюдал за этой сценой, в этот момент показалось, что еще немного, и Зорин заплачет.

— Потому что ты слишком много врешь! — отрезал Дворецкий и кивнул своему напарнику, мол, начинай.

Петренко, сам не ахти какого роста, но по сравнению с курсантом гигант, словно утес над мелкой речушкой, навис над Зориним.

— Зачем ты нам врал, что получил из дома телеграмму?

И без того узкое лицо Зорина еще больше, неестественно вытянулось и стало напоминать по форме огурец, хотя цвета было алого, с малиновыми пятнами.

— О чем ты разговаривал с Татьяной? Ты пообещал ей перевести деньги? А где ты их взял? У Миронова? — Словно гвозди в стену, Петренко вбивал вопросы в голову Зорина. — Почему ты нам первый раз сразу не сказал, что заходил к нему в комнату? Боялся? Боялся, что мы тебя заподозрим, и стал врать дальше? Зачем ты сказал, что хотел у Миронова взять выпить? К чему на себя наговаривать, если все на курсе могут подтвердить, что ты не пьешь? Вообще не пьешь! Это же один из твоих принципов, Зорин, — вообще не пить! Ты же сам не раз говорил, что достаточно в семье отца-алкоголика? А, Зорин? Или ты решил изменить своим принципам?

С каждым вопросом Петренко Зорин все ниже и ниже опускал голову, пока она у него не коснулась груди, и в этот момент, словно сработал какой-то переключатель, он резко ее вскинул и, захлебываясь словами, которые полились из него, как вода из перевернутого ведра, быстро и зло заговорил:

— Что вы ко мне пристали, если сами все знаете?! Да, не пью я! Да, отец у меня алкоголик! Да, не получал я никакой телеграммы! Да, отправил я деньги Татьяне! Да, Миронов мне их отдал! — Он на секунду сделал паузу и с шумом втянул в себя воздух. — Но не убивал я его! Понимаете, не убивал! Не убивал!

30.

— Ничего не понимаю! — Дворецкий нервно мерил канцелярию шагами. — Чувствую, что-то этот Зорин знает, но не хочет говорить. Почему? — И сам себе ответил: — Бойтся.

— Но кого? — Мишин, не поворачивая головы, следил за ним одними глазами.

— Если бы мы это знали, то половина дела была бы сделана. А так у нас какой-то круговорот воды в природе получается — от чего ушли, к тому же и пришли.

— И все-таки, Юр, я не стал бы так категорично вычеркивать Зорина из числа подозреваемых.

— А я бы стал! У него страх перед кем-то затмевает все остальное. Если бы Зорин был замешан, то он, по меньшей мере, придумал бы себе четкое алиби, а не нес ахиною. То, видите ли, конспект ему надо под копирку написать — тоже мне Ломоносов, то выпить на ночь. Я на это, кстати, прошлый раз клюнул. И если бы не Шепель и другие ребята из его звзда, то так бы и считал, что Зорин поддает. Обычно ведь дело. Помнишь, Макс, у нас на курсе тоже многие закладывали?

— Но все равно не так, как сейчас!

— Времена меняются, и люди вместе с ними. — Дворецкий поморщился и, повернувшись к Мишину, спросил: — Да, Макс, ты о Стародубцеве, Соловьяненко и Кутышенко что-нибудь узнал?

— Узнать-то узнал, но, по-моему, толку от этого мало. В ту ночь все трое были в увольнении.

— Они местные, что ли, или женатые? — уточнил Петренко.

— Стародубцев и Соловьяненко женаты, снимают квартиры и живут в городе, а Кутышенко — местный, живет с родителями.

— Что же ты раньше молчал?! Этот кадр для нас и может оказаться очень интересным.

31.

Вначале решили разделаться с женатыми, а Ку-тышенко, как местного, оставить на десерт.

Первое, что неприятно поразило Дворецкого, так это то, что по комплекции Стародубцев оказался поразительно похож на Зорина. Мало того, что одного с ним роста, у него были такие же светлые, мягкие волосы, такие же узкие покатые плечи и даже ноги — чуть кривоватые — тоже были похожими. Когда он рассматривал фотографии курсантов, то все внимание обращал на лица, а теперь, увидев Стародубцева, начал понимать Шмеля, который видел одного из них — а может, именно Стародубцева? — и не смог точно опознать.

«Если все они такие инкубаторские, — мелькнула у Дворецкого мысль. — то дело может еще больше осложниться».

— Проходи, Стародубцев, садись. — Дворецкий указал на заранее поставленный посередине канцелярии стул. — Догадываешься, зачем мы тебя вызвали?

— Так точно!

— Ну и зачем же?

— Узнать, что я думаю по поводу убийства Миронова, — ошарашил присутствующих Стародубцев.

— Постой, постой, — движением руки остановил его Дворецкий. — А вам разве не говорили, что Мионов покончил жизнь самоубийством?

— Так точно, говорили!

— А почему ты тогда думаешь, что мы будем спрашивать про убийство?

— Если бы это было самоубийство, то дело давным-давно бы закрыли.

«А этот пионер смышлен! — усмехнулся про себя Дворецкий. — Похоже, на мякине его не проведешь».

— Ну и что ты думаешь по поводу его убийства? — уже вслух спросил он.

— А что тут думать-то? Наркотики до хорошего еще никого не доводили, — четко, словно хорошо выученный урок, доложил курсант.

— Ну, это понятно... — Дворецкий закурил и протянул пачку «Кэмела» Стародубцеву. — Угощайся.

— Спасибо, у меня свои есть. — Стародубцев достал из кармана помятую «Приму», прикурил от спички и смущенно пояснил: — Вы не думайте, я не гордый. Просто не хочу к хорошему привыкать. — И добавил: — А то денег и так нет.

Петренко быстро спросил:

— А куда ты их деваешь? Получаете-то вроде неплохо?

— Так у меня ж двойня.

— Ну, ты орел!.. Слушай, а ты в ту ночь, когда убили Миронова, ничего подозрительного не слышал?

— Как же я услышу, если я дома живу?! — удивился Стародубцев. — Утром-то да, как вернулся, то все только про Миронова и говорили.

— Ну да, я-то что? — Дворецкий хлопнул себя ладонями по коленям. — Ты же молодой отец! Где же тебе, как не дома жить. — И заботливо поинтересовался: — Устаешь?

— Да сейчас вроде ничего, а поначалу — труба! Думал, с ума сойду.

— Так что же, ни родители, ни теща с тестем к вам не приезжают?

— Почему не приезжают? Приезжают, когда могут. В тот день как раз, ну когда Миронова убили, они и приехали. Я еще у начальника пораньше отпрашивался, чтобы их на вокзале встретить.

Дворецкий хитро прищурился.

— Поддали небось с тестем?

Стародубцев покосился на Мишина.

— Тесть сам вино делает, ну канистрочку с собой привез. Мы с ним до утра просидели. — Он доверительно понизил голос: — Я даже из увольнения немножко опоздал. Ну, думаю, все — начальник голову оторвет. Прихожу, а здесь такое дело. Никто на меня и внимания-то не обратил.

32.

Соловьяненко оказался покрупнее Зорина, с малоподвижным и невыразительным лицом, но зато его руки, да и вся фигура находились в постоянном движении, словно он был бегуном и, разминаясь, с секунды на секунду ждал команды на старт.

После вопроса Дворецкого, не заметил ли он чего необычного в ночь, когда убили Миронова, Соловьяненко с плохо скрываемым сарказмом посмотрел на Мишина.

— Товарищ старший лейтенант, ну неужели нельзя было в книгу увольняемых посмотреть?! Чего вы со мной время свое тратите? Я же в городе живу. И в ту ночь был в увольнении. — Он демонстративно взглянул на часы. — Вот и сегодня меня жена, наверное, уже заждалась.

— Ты далеко живешь-то от училища? — поинтересовался Петренко.

— Еще как! В Северном микрорайоне. Полчаса на автобусе с пересадкой. Там постой подожди, здесь постой подожди, а время-то идет...

— А куда спешить? Чем вы с женой по вечерам-то занимаетесь?

Соловьяненко на какое-то мгновение задумался и удивленно глянул на Петренко.

— Да как это чем? Чем и все.

— В «Золотом быке» ни разу не был? — зачем-то спросил Петренко.

— Почему не был? Был! — И он моментально спохватился, но Дворецкий успел заметить промелькнувший и быстро погасший, словно спичка на ветру, испуг в его глазах. — Только один раз. Сразу после свадьбы. Денег предки подвалили, мы и шиканули...

— Понравилось?

— Еще бы! Но там одна крутизна городская собирается. Куда нам до нее?!

— А ты никогда не жалел, что поступил в училище, а не занялся каким-нибудь бизнесом? Сейчас тоже мог быть крутым, на джипе разъезжал бы, по кабакам ходил. Опять же, девочки...

Соловьяненко усмехнулся:

— А чего жалеть-то? Я и так своего не упускаю.

Петренко сразу отреагировал:

— Крутишься?

И тут до Соловьяненко дошло, что он ляпнул лишнее, его глаза забегали, и стало заметно, что мыслительный процесс для него явление скорее физическое, чем умственное. Он повел плечами, сжал и разжал кулаки, сделал такое движение головой, будто поправлял на шее слишком тугой галстук, откашлялся и с силой провел ладонью по носу, наверное, хотел размазать его по лицу. И наконец наигранно бодро заговорил:

— Да какое там кручение? Времени-то совсем нет. То учеба, то экзамены, а сейчас три месяца уже диплом пишу... Да и семья у меня.

— А чего ты тогда не упускаешь?

— Как чего? Живу полнокровной жизнью. Меня она вполне устраивает.

Дворецкий почувствовал, что разговор с Соловьяненко заходит в тупик, этот вертлявый курсант, словно уж, выскальзывает у них из рук. А вероятность того, что именно он приходил с Мироновым к Шмелью, после беседы со Стародубцевым, стала равняться пятидесяти процентам. Он или Кутышенко. Или Шмель указал на них просто наобум, чтобы отвести подозрение от кого-то другого. Но Миронова-то он узнал! И это при том, что Шмель ведать не ведал, что Миронова убили! Его же задержали за несколько недель до того.

У Дворецкого промелькнула шальная мысль, что можно было бы на Соловьяненко и надавить, и поговорить совсем в другом тоне. Сколько раз он уже так делал, когда нужно было расколоть какую-нибудь городскую шелупень.

А вдруг это не он? Получится, что обидели ни в чем не виновного парня?! Да и не шелупень это городская, а человек, который через три месяца надеет офицерские погоны и сам начнет вершить судьбы подчиненных ему людей!

— Соловьяненко, пойми нас правильно, мы не хотим тебя обижать и в чем-то подозревать, но кто-то ведь убил Миронова, и мы обязаны найти убийцу. Поэтому и беседуем со всеми на курсе и всем задаем одинаковые вопросы, может, кто что-то важное и расскажет.

Соловьяненко пожал плечами и снова поправил несуществующий галстук.

— А что я могу рассказать? Я с ним и не дружил. Так, еще холостыми, несколько раз бывали в одних компаниях, но потом... Вроде как разошлись, что ли. Он дурной какой-то стал в последнее время.

— У кого мог быть на него зуб?

Соловьяненко развел руками.

— Вот уж чего не знаю, того не знаю!

— У него друзья хоть были?

— А чего вы у меня-то спрашиваете? Мы же учились с ним в разных взводах!

— И последний вопрос. Чем ты занимался в ту ночь?

Соловьяненко ухмыльнулся:

— Нормально получается! Что вы думаете, я приехал из дома, повесил Миронова и обратно уехал? Не кажется ли вам...

Мишин перебил его:

— Ты мог и не уезжать. У тебя же есть комната в общежитии, мог бы и в ней остаться. Заперся бы изнутри, и все бы думали, что ты в увольнении. Сосед-то твой по комнате ведь тоже женатый, его же тоже не было на месте в ту ночь...

— Нигде я не оставался! — с нажимом ответил Соловьяненко. — Дома я был.

— И жена была дома?

— А где же ей еще быть?! И сейчас небось сидит меня дожидается. Она ж беременная, без меня шагу ступить не может...

33.

— И что скажете, друзья-товарищи? — Дворецкий откинулся в кресле, которое за последние дни стало его любимым, вытянул ноги и закурил.

— Дурацкая ситуация! — Мишин недовольно поморщился. — Я их практически не знаю, сижу, как пень, и глазами хлопаю. Чувствую, толку от меня нет никакого. И помощи вам. Был бы хоть Свиридов на месте...

— Он еще с похорон не вернулся?

— Конечно!.. — Максим тоже закурил. — И, как назло, Евстратов в отпуске.

— Ты говорил, Евстратов куда-то на Дальний Восток за икрой, что ли, поехал. — Дворецкий рассматривал кончик сигареты. — Не вернулся еще?

— Если бы вернулся, давно бы уже вызвали на

службу. Я и домой к нему ездил. Жена сказала, что дней через пять будет.

— А второй курсовой офицер у вас на курсе есть?

— Есть-то он есть, но уже третью неделю лежит в госпитале. Почки, что ли. Я толком и не знаю.

— Да-а, все один к одному. Попал ты, братец, как кур в ошип. — протянул Дворецкий. — Ладно, Макс, приглашай последнего.

Мишин провел ладонью по лицу, словно хотел стереть с него усталость, накопившуюся за последние несколько дней, поднялся, открыл дверь и крикнул в коридор:

— Дневальный! Пригласи к нам в канцелярию Кутышенко!

Через несколько секунд до них донесся приглашенный голос:

— Так он в увольнение ушел!

— Как ушел? — опешил Мишин. — Я же приказал ему до особого распоряжения здесь оставаться! — Мишин повернул к Дворецкому и Петренко удивленное лицо.

— Слышали?

Петренко повел плечами, словно другого он и не ожидал.

— Я же говорил, что этот Кутышенко может оказаться для нас особенно интересным!

— Совсем обнаглели! Ведь я же попросил его остаться не по своей прихоти! Он что, не понимает, какая обстановка сейчас на курсе? — взорвался Мишин.

— Макс, не обманывай себя! Большинству из них по барабану вся эта обстановка! Они живут сами по себе, а обстановка — сама по себе. Ты, кстати, знаешь, кто отец у вашего Кутышенко?

Мишин поморщился.

— Какая-то шишка в городской администрации.

— Не какая-то шишка, а первый зам мэра. — Дворецкий обреченно махнул рукой. — Вот поэтому-то сыночек и позволяет себе такое.

34.

Часы на панели отдельской «шестерки» показывали без пятнадцати десять.

— Лучшего времени для визита не придумаешь. Особенно на квартиру к первому заму мэра, — громко проговорил Дворецкий, высадив Петренко.

С неба сыпалась какая-то гадость — то ли мокрый снег, то ли дождь, а может, и то и другое вместе, дворники размазывали ее по лобовому стеклу вперемешку с грязью, летевшей из-под колес впереди идущих машин.

Максим сидел на заднем сиденье, курил и молча смотрел в окно. Он чувствовал себя разбитым, уста-

лым и обиженным на весь мир в целом и на Дворецкого, в частности, за слова, что курсанты его серьезно не воспринимают. И больше всего его расстраивало именно то, что Юра был прав. Он, конечно, не мнил себя великим военачальником, но и такого отношения терпеть не мог. Служба есть служба. Ведь он не напрашивался именно на пятый курс! Его назначили. Так что будьте любезны, товарищи курсанты, соблюдать правила игры!

Заместитель мэра жил в одном из элитных шестнадцатизэтажных домов, построенных по индивидуальным проектам. Кроме верхушки городской администрации в них жили банкиры, преуспевающие бизнесмены, руководители некоторых предприятий, дорогие адвокаты, в общем, все те, кто мог себе позволить выложить за квартиру сумму, от количества нулей в которой начинало рябить в глазах и возникал вопрос: извините, это цена за квартиру или расстояние между Землей и Юпитером?

Дворецкому приходилось бывать в подобных домах, и от их посещения всегда оставалось щемящее, тоскливое чувство. И вряд ли это было чувство зависти. Скорее что-то наподобие безысходности и бессилия от осознания, что самому никогда в подобных хоромах пожить не придется. А что греха таить, хотелось бы! Ведь нет же ничего зазорного в том, что человек хочет жить хорошо и красиво, ездить не на «убитой», латаной-перелатаной, к тому же служебной машине, а каждый год или хотя бы раз в два года покупать новую, а в обед заскочить в ресторан?!

— Что там опять наш натворил?

Это было первое, что произнес Иван Иванович Кутышенко, подслеповатым взглядом пройдясь по Мишину и Дворецкому. Он был невысокого роста, в длинном светлом махровом халате, доходившем до пола, и почти абсолютно лысым. Но зато с такой лохматой грудью, что очки, висевшие у него на шее на витой серебряной цепочке, словно лежали на одежной щетке.

— Извините, товарищ капитан, что-то я вас не припоминаю...

— Старший лейтенант, — поправил Мишин. — Меня недавно перевели на курс, где учится ваш сын.

— А Евстратова куда дели?

— Он на кафедру ушел.

— На повышение?

— Вроде того.

— Да уж пора, пора. Толковый был курсовой офицер, очень толковый... Так что, наш что-то опять натворил?

— А что, он уже что-то творил? — вместо ответа задал вопрос Дворецкий.

— Вы, простите, тоже командир Дениса?

Дворецкий достал удостоверение и протянул его

Кутышенко. Тот прочитал его, держа в вытянутой руке, быстро вернул и спросил:

— Может, пройдем в комнату?

— Нет, спасибо. Мы ненадолго. По крайней мере, надемся. — И Дворецкий отступил на шаг назад, показывая, что инициативу он передает в руки Мишина.

— Вы нас извините за поздний визит, просто так сложились обстоятельства, что нам необходимо срочно поговорить с Денисом. Он дома?

— Он? Он... — Кутышенко замялся. — Так что же все-таки случилось? Мне, как отцу, вы можете сказать?

Мишин повернулся к Дворецкому, но тот сосредоточенно изучал рисунок на красивых, сделанных под шелк обоях.

— У нас на курсе произошло ЧП. Повесился курсант. И мы сейчас беседуем со всеми на курсе, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию. — В этот момент Мишину показалось, что Кутышенко облегченно вздохнул. — И сегодня вечером я попросил Дениса задержаться, чтобы поговорить с ним, а он ушел. Вот мы и приехали, чтобы...

Кутышенко покачал головой.

— Товарищ старший лейтенант! Зря вы мне не доверяете! То, что курсанта повесили, знает уже весь город. — Он перехватил недоуменный взгляд Мишина. — Ну если не весь, то, по крайней мере, все те, кому надо это знать. Это первое. Второе. Если вместе с вами приехал представитель такого отдела, то значит, у вас есть что-то на нашего сына. И третье. Оно же самое главное. Весь вечер и всю ночь, ту, когда повесили курсанта, сын был постоянно вместе со мной. И это могут подтвердить полтора десятка свидетелей. Можете записать их имена и проверить.

Мишин смутился:

— Так вам известно о происшествии на курсе?

Кутышенко снял очки и аккуратно положил их на свою мохнатую грудь.

— Мне известно очень многое. И мне очень обидно, что Степан Петрович, отправляя вас на задание, или как оно у вас там теперь называется, не предупредил насчет Дениса.

— Какой Степан Петрович? — из-за спины Мишина задал вопрос Дворецкий.

— Да все тот же! Степан Петрович Завьялов. Начальник вашего отдела. В тот вечер и почти всю ночь мы отмечали день рождения его дочери у него на даче.

— Пойдите, а при чем тут его дочь и ваш сын?

— А при том, что через месяц его дочь и мой сын станут мужем и женой.

35.

Поздно вечером — в дежурство Суханова — в отдел позвонил мужчина, назвался лесником одного из близлежащих охотхозяйств и заявил, что накануне обнаружил в лесу машину. Сразу позвонить он не мог, да и причин для особой спешки не видел — машина, судя по всему, уже несколько дней стоит сожженная, следы, если они и были, запорошило. А как только вырвался в город, то сразу и звонит. Дорогу к ней готов показать утром и назначил встречу на девять часов на выезде из города по южному шоссе, около автозаправочной станции.

— Ну что, вперед! — Завьялов кивнул Семесову и Дворецкому. — Возьмите с собой криминалистов и постарайтесь выжать максимум информации.

36.

Лесник — маленький, седой, с окладистой бородой и морщинистым лицом, похожим на печеное яблоко, на которое по ошибке прилепили нос и уши, вставили глаза и сделали прорезь для рта, одетый в военный бушлат старого образца, доходивший ему почти до колен. Он любовно поглаживал бороду и в разговоре делал короткие остановки только для того, чтобы затянуться трубочкой, которую ласково называл носогреечкой. Через пятнадцать минут пути Дворецкий с Семеновым уже знали, не только сколько у него детей, внуков и правнуков, но и чем каждый из них занимается.

— Машину-то вы как нашли? — выбираясь из очередного сугроба, поинтересовался Дворецкий.

Лесник пыхнул трубкой в приоткрытое окно.

— Ага, во-о! Иду, значит, намедни — обход делал, смотрю, на полянке, ага, стоит! А мне-то третьего дня дочка передачку из города прислала и чего-то там в брехучку в нашу местную завернула. Я газету-то разглядел, думаю, дай почитаю, чего там в мире творится. Ага, значит, беспокойно, думаю, в мире, раз люди в машинах пропадают! А тут иду — и на тебе! Стоит! Сожгли, правда, ее, и хозяина нигде нет... А стекла черные у машины, внутри ничего не видать. Да и смеркаться уже начало. Ага, думаю, в газету позвоню, они про меня напишут, мол, дед Фомич нашел машину, спасибо ему от всего города и района. Ага, а мне-то приятно! Я бы бабке своей показал — смотри, старая, дед-то твой герой. Она бы мне стопочку и налила...

37.

Они вышли на небольшую полянку, окруженную молоденькими березками. На самом ее краю стояла сожженная легковая машина.

Даже одного беглого взгляда было достаточно для того, чтобы понять, что никакая это не «восьмерка», а «девяносто девятая», причем с номерами, которые вполне можно было прочесть, несмотря на покрывшую их копоть.

— Знакомые номера... — поморщился Семенов.

Но, самое главное, когда подошли к ней вплотную и заглянули в салон через затемненные, чудом сохранившиеся от огня стекла, то разглядели на остатках сидений два обгоревших труп.

— Узнаешь? — Семенов посмотрел на Дворецкого.

— Догадываюсь...

Юра с трудом открыл дверцу со стороны водителя и скривился, увидев на почерневшем черепе водителя оскалившиеся золотые зубы:

— Шлем с Зубром?

— Они самые...

Фомич стоял в стороне, истово крестился и беззвучно шевелил губами, мелко тряся бородой.

38.

Как только Дворецкий и Семенов вернулись с известием, что обнаруженная в лесу машина принадлежит не Тихомирову, а кому-то из двух известных в городе бандитов — Шлему или Зубру, Юру сразу же вызвал к себе в кабинет Завьялов.

— Юра, я не спрашиваю тебя, какого черта вы вчера на ночь глядя зашли к Кутышенко, хотя весь ваш разговор, который не стоил и выведенного яйца, вполне можно было отложить до утра. Мне просто очень интересно знать, почему ты, узнав, что я имею не какое-то, а очень близкое и скоро родственное отношение к Кутышенко — это с одной стороны, а с другой, что его сын, он же мой будущий зять, проходит у нас как один из людей, на кого указал Шмель, сразу мне не доложил? Юра, ты поставил меня в дурацкое положение. — Завьялов развернулся, не спеша подошел к своему столу, отодвинул стул и медленно, словно на его плечах лежал непомерный груз, сел.

— Степан Петрович, так когда бы я успел?! Мы же с утра сразу и уехали. Да к тому же я подумал, что инцидент с Кутышенко исчерпан. Мы перед ним извинились...

— А ты знаешь, что его сын, он же мой будущий зять, до поступления в училище имел приводы в милицию и проходил по нашумевшему в свое время в нашем городе делу, связанному с групповым изна-

силованием, и только благодаря связям отца и деньгам им удалось его отмазать?

Дворецкий отрицательно покачал головой.

— Естественно, ты этого не знаешь. Ты в то время сам был курсантом. Также ты, наверное, не знаешь, что два года назад, уже на третьем курсе, он был начинщиком драки в ресторане, в результате которой один из ее участников стал инвалидом первой группы. По нашему отделу, правда, этот случай не проходил. И опять только благодаря связям отца и деньгам он оказался как будто ни при чем. Представляешь? И теперь этот сыночек хочет стать моим зятем.

Последнюю фразу Завьялов произнес с нажимом, замолчал, словно наткнулся на какую-то невидимую преграду, и в упор посмотрел на Дворецкого.

— Юра, этот разговор между нами. Мою дочь можно осуждать, можно говорить, что сердцу не прикажешь — можно делать все что угодно. Дело не в этом. Я категорически против этого брака. Но, как любит говорить современная молодежь, это мои проблемы. С другой стороны, я всячески желаю своей дочери добра. Она взрослый человек. Ей жить. И не в моих правилах насаждать свои взгляды, тем более в вопросе выбора мужа. Но если после свадьбы окажется, что ее муж, ко всему прочему, замешан в убийстве однокурсника и в связях с торговцем наркотиками, — это выше моих сил.

— Пойдите, Степан Петрович, но как он может быть замешан в убийстве Миронова, если весь тот вечер и всю ночь он был с вами в одной компании?

Завьялов устало и как-то обреченно усмехнулся:

— Ты в этом уверен?

Дворецкий опешил.

— А вот теперь, Юра, слушай сюда. Я не могу сказать, в какое точно время, может, где-то после девяти или чуть раньше, я на часы не смотрел, он куда-то уезжал на своей машине. — И, перехватив взгляд Дворецкого, пояснил: — Ему родители на двадцатилетие подарили маленький японский джип. «Судзуки-самурай». Так вот. И отсутствовал он полтора — два часа. Из присутствующих, может, никто на это и внимания не обратил, сам понимаешь, поддали уже все к тому времени как следует, а я-то почти не пью, да к тому же, смотрю, Кристина моя одна осталась. Я у нее спросил, куда, мол, жених-то делся, а она и говорит: отъехал по делам, скоро обещал быть. Думаю, да и черт с ним. И пошли мы с Кутышенко-отцом на второй этаж обсуждать детали будущего торжества. А когда обратно спустились, он уже был на месте. Я, естественно, про это сразу же и забыл, а сегодня звонит мой будущий сват, так, мол, и так говорит, приходил паренек из твоего отдела, выпрашивал, где был Денис в тот вечер.

39.

Телефонный звонок вторгся в мое воспаленное сознание и острыми молоточками застучал по обессиленным клеточкам мозга. Я развернулся на стуле и без всякого желания с кем бы то ни было разговаривать взял трубку.

— Да!

— Алле, это редакция?

— Да, редакция, слушаю вас.

— Здравсьте. — Голос на другом конце провода звучал очень молодо. — Мне нужен главный редактор!

— Его сегодня уже не будет. Он уехал по делам и больше не вернется. А что вы хотели? Может, я чем-то помогу?

— Да не знаю. Я хотел это главному редактору рассказать.

— А что «это»?

— Да про машину.

— Про машину?

— Ну да! — Мальчишка замолчал. — Ладно, тогда буду в милицию звонить. Может, хоть там главный начальник на месте.

— Мальчик, подожди. Ты хочешь что-то рассказать про машину, которая пропала?

— А откуда вы знаете? — В голосе прозвучало искреннее удивление.

— Так у меня работа такая — все знать. А главный редактор, когда уходил, попросил меня принимать всю информацию насчет этой машины. А потом я ему все обязательно расскажу.

— А не врете?

— Да ты что!?

— Тогда завтра в семь вечера приходите на городской рынок. Знаете там длинный ряд палаток около западного входа?

— Конечно!

— Я буду вас ждать у павильона с игровыми автоматами.

40.

Парнишка, словно черт из табакерки, неожиданно вынырнул из-за угла павильона, когда я уже примирился с мыслью, что меня, наивного, просто-напросто разыграли.

— А я давно за вами наблюдаю! — выпалил он.

Ему было лет одиннадцать-двенадцать, и он мало чем отличался от своих таких же бедовых сверстников. Разве что подвижными и умными глазами, дорогой оправой очков и черными всклокоченными кучерявыми волосами, которые придавали ему сходство с негртенком.

— Разговаривать здесь будем?

Я заметил: несмотря на то, что парнишка зачем-то тянет время, он сгорает от нетерпения рассказать мне что-то интересное.

— А у тебя есть другие предложения? — Я подтянул воротник куртки до самых ушей.

— Можно пойти к нам в подвал. Мы с ребятами там себе комнатку оборудовали. Там тепло и свет есть. И котята в коробке живут. Их кошка родила, а сама куда-то делась. Мы их выхаживаем.

— Котят посмотрим в другой раз. Давай лучше пойдем ко мне в машину.

— А у вас удостоверение есть?

— Какое? — опешил я.

— Ну что вы на самом деле журналист из газеты, а не кто-нибудь другой.

Я показал ему свернутую в трубочку нашу газету.

— А как же это?

— И удостоверение тоже нужно!

Без лишних слов я расстегнул куртку, достал из внутреннего кармана удостоверение и протянул ему. Он внимательно его изучил и отдал обратно.

— Теперь веришь?

— Угу.

41.

Я завел двигатель, включил печку и закурил. Потом, как бы между прочим, опустил правую руку в карман и включил диктофон.

— Ну что ты хотел мне рассказать о пропавшей машине?

— Я ее нашел!

— Где?

— Здесь, на рынке.

— Когда?

— Вчера утром.

— Постой, постой, как это — нашел?

— Очень просто. Иду утром по рынку в школу, а она стоит.

— А за рулем кто был? Ты же, наверное, знаешь, что она пропала вместе с хозяином. Как он выглядел?

— Около нее был не настоящий хозяин. Какой-то другой мужик.

— А откуда ты знаешь, что другой, а не хозяин?

— Ее хозяин — Александр Владиславович Тихомиров. Он мой учитель музыки. Я у него уже пять лет занимаюсь. А сегодня за рулем сидел кто-то другой. Вернее, когда я проходил мимо, он не сидел, а товар разгружал.

— А с чего ты взял, что это именно та машина?

— Я сперва тоже подумал — надо же, как похожа на машину Александра Владиславовича. Цвет, правда, другой — у Тихомирова она была темно-

вишневая, а эта ярко-красная, но зато все остальное одинаковое — и противотуманные фары такие же, и подкрылки, и стекла тонированные. Даже на переднем бампере наклейка та же — надкусанное яблоко, а из него рожа червяка торчит. А главное — фары не такие, как у других, не прямоугольные, а по две маленькие, круглые с каждой стороны. Подхожу ближе — внутри все то же. Сзади обошел — ну, думаю, точно она. Только колеса другие. У Тихомирова стояли широкие, красивые, как у «мерседесов», а здесь самые обыкновенные, наши.

— Слушай, а зовут-то тебя как?

— Миша.

— А фамилия у Миши есть?

— Егоров.

— Слушай, Миша Егоров, а ну как тебе просто очень хочется, чтобы это была она? На самом деле это наверняка другая машина.

— Стал бы я вам звонить, если бы не был в этом уверен на сто пудов!

— А номера у нее были?

— Конечно. 524-ЕР.

— Вот видишь, а у Тихомирова номеров не было!

— Вы что, совсем, что ли, того? Конечно, у него не было, а сейчас есть. Ее же угнали, перекрасили и продали. А новый хозяин на нее номера и поставил! И его надо сейчас схватить и допросить: у кого он машину купил? А потом поймать тех, кто ему машину продал, и выпытать, куда они Александра Владиславовича дели.

— Хорошо, так мы и сделаем. Я сразу же сейчас позвоню в милицию и все это расскажу. И пусть они этих жуликов ловят. А тебе большое спасибо за помощь.

— Поспорим, что это именно та машина?! Хотя бы просто на интерес.

— На интерес — не интересно, а на что-то... Вдруг ты проиграешь?

— Я выиграю! Потому что...

— Почему?

— Потому что я знаю кое-что еще.

— Ну говори!

— Нет. Вы сперва передайте милиции, чтобы они жуликов схватили и допросили. А если они начнут выкручиваться, тут-то я самое главное на суде и скажу!

— На суде?

— Конечно!

— Нет, Миш, ты должен мне это сказать. А то в милиции нам с тобой не поверят.

— Поверят! На суде-то уж точно поверят! Я сколько раз по виду видел — на суде главный свидетель выступает, и все, жуликам сказать больше нечего, и их в тюрьму сажают.

— Понимаешь, и в милиции, и в суде и без того очень много работы. И они верят только проверенным фактам.

— А он у меня как раз самый проверенный!

— Тем более ты мне должен это сказать!

— Нет!

— Хорошо, поедем тогда в милицию...

— Не поеду!

— Почему же?

— Я их не люблю!

— Ты же им собирался звонить. Помнишь, ты же мне по телефону сказал — буду звонить в милицию.

— Не-е! Я сказал — буду звонить в милицию, но разговаривать буду только с главным милицейским начальником или спецагентом!

42.

Я вырулил на Центральный проспект и остановился у первой попавшейся телефонной будки.

— Вот что, ты посиди, а я пойду звонить специалисту. Если он на месте, то сейчас с ним и встретимся.

— А он что, ждет вашего звонка?

— Он всегда ждет моего звонка. В любое время дня и ночи.

— Классно!

Не успел я вылезти из машины, как сзади, взвизнув тормозами и ярко осветив наш салон, остановилась «Жигули» шестой модели.

— Звонить не придется! — прокомментировал я.

Из «шестерки» выскочил Дворецкий и подбежал ко мне.

— Какие проблемы?

— Ты очень вовремя.

Я отвел его на несколько метров, чтобы парнишка не мог слышать, о чем мы говорим, и коротко поспешил в курс событий. Юра улыбнулся:

— Обалдеть! Придется переквалифицироваться в спецагента.

43.

Парнишка перебрался на заднее сиденье, сел рядом с Дворецким — аккуратно, на самый краешек — и, не спрашивая у него удостоверения, начал излагать все то, что уже успел рассказать мне. Он говорил спокойным, размеренным голосом, строил правильные предложения, не повторялся и избегал лишних междометий, время от времени одним пальцем, очень важно поправляя на переносице очки — в общем, изо всех сил старался понравиться «спецагенту».

Дворецкий слушал его, не перебивая, лишь из-

редка вставлял короткие замечания, которые еще больше поднимали его рейтинг. Когда речь зашла о том, что Тихомиров пять лет учил его музыке, Юра как бы между прочим поинтересовался:

— А с кем ты сейчас готовишься к областному конкурсу молодых пианистов?

Мальчишка застыл с открытым ртом, забыв даже поправить сползшие на кончик носа очки.

— Вы откуда это знаете? — с трудом выдавил он.

Я тоже искренне удивился и подумал, что Дворецкий сейчас вальяжно откинется на спинку сиденья, фамильярно похлопает его по плечу и произнесет что-нибудь такое: «Я все знаю, мальчик. Работа у меня такая!». Но Юра ничего этого не сказал, чем еще больше меня удивил, хотя по слегка прищуренным его глазам я понял, что он остался очень доволен произведенным эффектом.

— Так надо. Миш, не отвлекайся... — И закурил новую сигарету.

Мальчик закончил рассказывать на том же месте, что и в беседе со мной, сделал небольшую паузу, во время которой еще больше взъерошил свою шевелюру, и продолжил:

— Теперь самое главное. Я ему, — парнишка кивнул в мою сторону, — этого не говорил. Один раз Александр Владиславович меня подвозил после занятий до дома и угостил меня апельсином. На них клеят маленькие такие этикеточки. А я их срываю и куда-нибудь приклеиваю. Я ее и прилепил сбоку на сиденье — немножко чехол пальцами отогнул и туда ее.

Дворецкий выглядел очень серьезным.

— Ты хочешь сказать, что на той машине увидел свою метку?

— Точно!

— А как это тебе удалось? Ты же говорил, что она под чехлом.

— Когда я уже почти точно понял, что это машина Александра Владиславовича, думаю, для надежности надо проверить свою метку. А то потом мне никто не поверит! — Он сверкнул в мою сторону стеклами очков. — Отошел в сторонку, чтобы они ничего не заподозрили, и жду. А мужик все товар вытаскивает. Я портфель расстегнул и пошел мимо машины. А у открытой дверцы выронил, и все из него посыпалось. Я и говорю: «Дяденька, у меня портфель рассыпался». А он мне: «Рассыпался — значит, подбери! Дай только коробку возьми». Он коробку-то взял и отошел, а я первым делом на метку свою смотрю. Чехол-то отогнул, и вот она, родимая. Прилеплена.

— Миш, ты машину-то вчера обнаружил?

— Да, вчера.

— А почему сразу не захотел встречаться?

Парнишка смутился.

— Я, это, хотел все еще раз перепроверить. Ну, чтобы ошибки никакой не вышло.

— А если честно? — Дворецкий в упор посмотрел на него. — Мне врать нельзя ни в коем случае. Враньем ты только все испортишь.

— Да я не вру, честно. Я, это, ну когда я вчера звонил, то я метки-то еще не видел. — Он еще больше смутился. — Я не смог вчера подойти к машине. Но, думаю, все равно надо звонить, а встречу назначать на следующий день. Я уже в тот момент, ну, перед тем как звонить, про портфель уже придумал. Думаю, с утра в школу пойду и все перепроверю. — И он посмотрел на Дворецкого бесконечно наивными глазами. — Честно!

44.

Мы подвезли парнишку до самого подъезда, отъехали от его дома, остановились в соседнем дворе.

— Что скажешь? — Дворецкий приоткрыл форточку, из нее сразу же потянуло холодом, закурил и выдохнул дым в узкую щель.

— Если бы это все произошло в один день, то можно было бы ему и поверить. А так мне кажется, что он сам прилепил эту этикетку на похожую машину...

— Смысл? — перебил меня Юра.

— Ребенок. Насмотрелся боевиков. Начитался детективов. Вот тебе и весь смысл.

— Сомневаюсь. По-моему, умный паренек.

Я пожал плечами — тебе, мол, видней, вытащил из кармана диктофон, достал из него кассету и протянул Дворецкому.

— Возьми, может, пригодится. Здесь запись всего разговора.

Юра улыбнулся:

— Твоей наивности нет предела! — И достал из кармана диктофончик размером чуть побольше спичечного коробка, в мягком кожаном футляре. — Только смысла особого в этой записи нет. Кроме номера машины. Но его я и так запомнил.

45.

С самого утра, доложив на совещании результаты встречи с учеником Тихомирова, Дворецкий позвонил в городской отдел регистрации автотранспорта и сделал секретарю отдела официальный запрос о фамилии, имени, отчестве, адресе, домашнем телефоне нового владельца «восьмерки» и дате ее постановки на учет.

За быструю и качественную работу Юра пообещал говорившей с ним девушке незабываемый ужин в компании симпатичного, во всех отношениях приятного молодого человека.

— Это с вами, что ли? — кокетливо хихикнула секретарша.

Через полчаса он перезвонил и был немало удивлен, когда она ему сказала, что «восьмерка» с таким номером у них не числится.

— Как это не числится? — опешил Юра.

— Да очень просто! Бывает, что машины стоят на учете, а бывает, что нет.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, — перебил его приятный женский голос, — что по нашему отделу машин с такими номерами не числится вообще.

— А по какому тогда отделу они числятся, если не по вашему?

— Мы номеров с такими буквами никогда не выдавали. Но мне тут подсказывают, что такие буквы могут быть в одном из соседних городов.

— А в каком именно?

— Сложно сказать... Надо в главном управлении выяснять.

— Ох, побыстрее бы, — то ли вздохнул, то ли попросил Дворецкий.

— К концу дня постараюсь что-нибудь узнать.

46.

И все-таки не может быть, чтобы мальчишка все это напридумывал. Дворецкий достаточно хорошо разбирался в людях, чтобы попасться на такую хитрую выдумку. Хотя мальчишки — это особый народ.

Безусловно, эта машина может стоять на учете и в другом городе. Кто сказал, что именно тут?! И жить этот мужик может в другом городе, а ездить торговать на рынок в наш. Только вот смысл какой в этом? Если уж в городе есть свой отдел по регистрации автомобилей, значит, это достаточно большой город и уж рынок-то в нем есть наверняка. Может, правда, в нашем городе цены на его товар выше?

Постойте, постойте, — Дворецкий поднялся со своего стула и прошелся по комнате, — парнишка говорил, что на рынок он привозил жену и разгружал товар. Что из этого выходит? А то, что можно сейчас забрать его из школы с урока, пройтись на рынок, на то место, где он видел машину, и пусть он укажет на его жену. А может, и тот мужик сам будет рядом. И сразу все встанет на свои места.

47.

Миша несказанно обрадовался, увидев Дворецкого, вошедшего в класс вместе с директором школы. Юре даже показалось, что он стал выше ростом, когда все встали, приветствуя школьное начальство.

Через пятнадцать минут они уже вместе вышаги-

вали по рынку, влившись в мощный поток покупателей. Вскоре Миша дернул Дворецкого за рукав и зловеще прошептал, что «вон та мырма на триста сорок девятым месте, она и есть». Через несколько минут Юра уже знал не только фамилию, имя и отчество — Перегудов Олег Анатольевич — нового хозяина красной «восьмерки», его домашний адрес и телефон, но и что купили они ее на прошлой неделе и что в настоящий момент хозяин отсыпается дома после вчерашнего обмывона новой машины.

48.

Перегудов оказался грузным сорокалетним мужчиной с рыхлым «пивным» животом, вываливающимся из расстегнутой кожаной куртки и нависающим над застиранными, неопрятными джинсами, с лицом, покрытым густой сеткой мелких красных сосудов, и синюшными мешками под воспаленными глазами. Об умеренных возлияниях не могло быть и речи. От него всюду несло перегаром. Запаха не забивала даже резинка во рту, которую он жевал, как канадский хоккеист.

Безымянный палец его левой руки украшала массивная золотая печатка с какой-то затейливой монограммой, на правой тускло блестело широкое обручальное кольцо, по размерам напоминающее обрезок водопроводной трубы.

На встречу с Перегудовым Дворецкий поехал вместе с Семеновым, и пока тот дотошно проверял у него документы — свидетельство о регистрации, техпаспорт и доверенность, Юра открыл правую дверь, нагнулся, отодвинул край чехла и увидел прилепленную апельсиновую этикетку.

«Восьмерка» полностью отвечала описанию парнишки, и даже неспециалист мог сразу определить, что совсем недавно она перекрашивалась. Причем делалось это не совсем аккуратно, и на некоторых внутренних поверхностях кузова остались следы старой темно-вишневой краски.

Дворецкий попросил открыть капот, сверил номера с проставленными в свидетельстве о регистрации, взял у Семенова остальные документы и сразу развернул «портянку» техпаспорта.

Перегудов был третьим владельцем автомобиля. До него обладателями «восьмерки» являлись некто Мамаев Сергей Викторович и Коростылев Андрей Андреевич. Фамилии ни того ни другого ни о чем Дворецкому не говорили. По сведениям, полученным из автомобильного комиссионного магазина, через который Тихомиров оформлял свою машину, предыдущим ее владельцем был совсем другой человек.

Но это было и неважно, потому как по всем остальным параметрам «восьмерка»: идентификационный номер, год выпуска, номера двигателя, шасси, кузова и даже цвет «спелая вишня» — полностью соответствовала машине Тихомирова.

Это была она! Ошибка исключалась.

«Ай да юный музыкант, ловко же ты вычислил машину своего учителя», — присвистнул Дворецкий и незаметно кивнул Семенову, что найдено именно то, что нужно.

— Машину сами перекрашивали? — оторвал Дворецкий взгляд от бумаг.

Перегудов резко повернулся к нему, при этом складки живота угрожающе заковылялись.

— Зачем сам? Такая и была.

— Какой это, по-вашему, цвет?

— Как какой? Красный.

— А в техпаспорте что написано?

— А чего там написано?

— Здесь написано «спелая вишня».

— Я, что ль, писал?

Дворецкий подошел к нему почти вплотную.

— Где Тихомиров?

Глаза Перегудова испуганно забегали:

— Чего за Тихомиров еще?

— Не знаете, кто это?

— Откуда?!

— Газет не читаете?

— Нет, — искренне признался Перегудов.

Дворецкий в это сразу поверил и пояснил:

— Бывший хозяин этой машины.

— Дома, наверно, откуда я знаю где?! — и потом, что-то вспомнив: — Подождите, какой еще Тихомиров? Я покупал машину у этого... как его фамилия-то... у Коростылева.

— Вы знаете, что за скупку краденого статья есть? — неожиданно задал вопрос Дворецкий.

— Какая статья, начальник, ты чего?

— А мы разве на «ты»?

— Я извиняюсь...

— Когда вы купили машину?

— На прошлой неделе.

— Точнее!

— В субботу.

— У кого?

— Что «у кого»?

— Купили у кого?

— У бывшего хозяина, у кого же еще?

— У Коростылева?

— Ну да! Там же написано. — Он указал на техпаспорт, который Дворецкий все держал в руке.

— Вы с ним знакомы?

— С кем?

— С бывшим хозяином.

— Откуда?! Первый раз видел.

— Где покупали?

— На рынке, где же еще?!

— Доверенность сразу оформили?

— Ну да. В тот же день. И деньги я им сразу запла- тил.

— Им?

— Ну как им... Деньги-то я одному отдавал, хозяи- ну. Коростылеву этому, но их было трое. Я-то тоже со своими мужиками подъехал. А то знаете, деньги большие, могут и кинуть.

— Как они выглядели?

— Кто?

— Те трое, кто же еще! — Семенова начала раз- дражать манера Перегудова все переспрашивать.

— Те, которые на рынке подошли, они были... Ну, как сказать... Один маленький, другой повыше та- кой, ну, нормального роста. — И он вопросительно посмотрел на Семенова.

— Вы же сказали, что их было трое?

— Третий, хозяин который, его на рынке не бы- ло...

И тут до Перегудова наконец-таки дошло, что он вляпался в какую-то непонятную, но очень серьез- ную историю, и, чтобы не запутаться самому и не запутать этих двух молодых парней, нужно все под- робно объяснить.

— В ту субботу мы с мужиками прямо с утра по- ехали на авторынок. Ходим, прицениаемся. Я-то дав- но хотел себе машину взять, да все денег не было. А потом мы с женой место на рынке себе купили, ну и торговали ерундой всякой, шмотками там разными, ну и денежек подзаработали. А я все мечтал о маши- не и все хотел «восьмерочку» взять. Ну вот. Ходим с мужиками, а цены ломовые. Мы вроде как на выход, а тут подходят два паренька, лет по двадцать, по двадцать два от силы, скромные такие, прилично одетые, и спрашивают: «восьмерка» девяносто пято- го года, экспортный вариант не интересуется? Сколь- ко? Три с полтиной. Спрашиваем: небось машина- то убитая? Они: почти нулевая. А чего так дешево? Деньги, говорят, срочно нужны, потому и цена та- кая. А мне-то что, думаю, за посмотри денег не берут. Ну и где же ваша машина, спрашиваю? Да на стоян- ке, тут рядом, на Заречной, около кинотеатра. А там вместе с машиной нас хозяин-то и поджидает. Дети- на под два метра. Плечи — во! — Перегудов развел руки метра на полтора. — Только беспальный, на ле- вой руке пальца нет. — Он посмотрел на свою руку. — То ли среднего, то ли безымянного. А машина — игрушечка, сами видите. На эстакаду загнали, сни- зу посмотрели — вся обработана. Антикоррозийка импортная, муха не сидела. Пробег тридцать семь тысяч. Я еще наглости набрался, хозяину говорю:

соточку сбрось, и оформление за твой счет. А он мне: соточку не сброшу, а доверенность за свой счет оформлю. Ну, думаю, ладно, и без того везуха.

— Почему по доверенности продает, а не через магазин, он не объяснил?

— Мне-то какая разница? Доверенность-то генеральная, машина все равно получается моя. А через магазин волокиты много. И им с учета ее снимать, и мне тоже головная боль ее ставить. А так раз, десять минут делов-то, машина становится моей — и привет рыбам.

— Теперь-то, уж точно, рыбам привет... — хмыкнул Дворецкий. — А то, что она перекрашенная, а в техпаспорте старый цвет указан, вас тоже не смутило?

— Ребята, когда платишь такие деньги за такую машину, ничего не смущает...

49.

Машину у чуть не плачущего Перегудова, причитающего: «Мужики, да я же за нее три с половиной штуки отдал!» — арестовали, поставили в «отстойник» при управлении внутренних дел, а с него взяли подписку о невыезде.

Все документы, исключая доверенность, оказались грамотно подделанной фальшивкой. Такой же фальшивкой были и оба государственных номера.

Оперативная проверка показала, что по адресам, указанным как адреса Мамаева и Коростылева, проживают совсем другие люди, не имеющие никакого понятия ни о Мамаеве, ни о Коростылеве.

Все было сделано так, чтобы поставить следствие в тупик и не оставить ни малейшего шанса отыскать преступников.

Словесные портреты, составленные по описанию Перегудова и его друзей, получились настолько усредненными и безликими, что, пользуясь ими, можно было посадить за решетку половину мужского населения города. Единственное, что Перегудов утверждал абсолютно уверенно, что один из них был очень маленького роста, второй очень большого, а третий нормального.

В суете, последовавшей за арестом машины Перегудова, Дворецкий совсем упустил из виду, что нужно как следует поработать еще и с курсантом Кутышенко, а то нехорошо получается: Завьялов дал указания, а он...

50.

В половине седьмого Дворецкого разбудил телефонный звонок.

— Петренко беспокоит.

— Я тебя узнал, Володь. Что случилось? — Дворецкий присел на краешек холодной табуретки.

— Мужик твой два раза уже звонил. Первый раз в начале первого. Я не стал тебя беспокоить, думаю, можно подождать и до утра, а второй раз только что. Говорит, срочно нужно с тобой встретиться. У него какая-то очень важная информация для тебя.

— Подожди, какой мужик-то?

— Как какой? Перегудов ваш.

— Он не сказал, откуда звонит?

— Наверно, из дома...

— Спасибо, Володь, сейчас я ему перезвоню...

Казалось, что Перегудов сидит около телефона. После первого же гудка он поднял трубку. В его голосе не было даже и намека на сонливость.

— Я их видел.

— Кого?

— Тех двоих.

— Молодых парней, которые были на рынке?

— Нет. Одного из тех — самого маленького. А второй был сам Коростылев.

— Где?

— Я вчера вечером с женой побрехался... Ну, сами понимаете, после всего этого. Ну, мы с ней, слово за слово, кулаком по столу, короче, психанули оба, я хлопнул дверь и ушел. Думаю, поеду-ка я к шуруну своему. Он один живет, посидим, выпьем, у него и заночую. У него квартира в Северном микрорайоне. Доехал я, выхожу, смотрю, метрах в тридцати впереди машина остановилась. Иномарка. Крупная такая. И из нее выходит этот хрен маленький, что на рынке к нам подходил. Ничего себе, думаю, дела. Он что-то водителю сказал, дверь хлопнул и шмыг в подъезд. А машина на меня поехала. Ну, не то что на меня, в мою сторону. Я в сторонку, к кустам поближе отошел, а когда он со мной поравнялся, гляжу, а за рулем-то длинный сидит.

— Номер не успели рассмотреть?

— Почему не успел?! Я его даже записал. 794-БН, — зачитал Перегудов.

— Отлично. — Дворецкий пометил номер у себя в блокноте.

— Ну, думаю, раз такие дела, ни к какому шуруну я уже не пойду. Домой вернулся, сразу вам в отдел позвонил. Вы же сказали, можно звонить в любое время дня и ночи.

51.

«Неустановленная иномарка с номером 794-БН» оказалась «опелем-сенатором» восемьдесят четвертого года выпуска, ее хозяин Евдокимов Геннадий Петрович проживал в частном доме по улице Красных партизан, дом семьдесят семь.

52.

Евдокимов вполне мог служить гордостью отечественной сборной по баскетболу, если бы не один существенный дефект — на его левой руке не хватало безымянного пальца. Его рост приближался к двум метрам, плечи с трудом вмещались в старую просаленную спецовку, и он занимал собой весь проем калитки в старом, деревянном, давно не крашенном заборе. К рукам, которыми он мял промасленную тряпку, словно это был большой кусок теста, как нельзя точнее подошла поговорка «Руки как ноги, а ноги как ласты».

— Геннадий Петрович Евдокимов? — не здороваясь, спросил Дворецкий.

— Да. — Его взгляд пробежал по неожиданным гостям и замер на выглядывающем из-под куртки Суханова крае кобуры.

Суханов все и испортил.

— А может, Андрей Андреевич Коростылев? — спросил он, шагнув вперед.

Придерживая калитку правой рукой, Евдокимов, не говоря ни слова, попятился. Суханов сделал еще один шаг, затем еще один, и когда он оказался в проеме, Евдокимов со всей силы ее захлопнул. Суханова отбросило назад.

Дворецкий услышал звук задвигаемой щеколды, тяжелые шаги убегающего Евдокимова и неистовый, захлебывающийся лай собаки.

— Мы с Володькой за ним, а вы с Иваном осмотрите дом и гараж! — скомандовал Дворецкий и побежал в сторону огорода.

На чуть оттаявшей земле следы Евдокимова были хорошо заметны. Он бежал широким шагом, не разбирая дороги и иногда наступая в небольшие кучи прошлогодней перепревшей картофельной ботвы.

Огород был узким и длинным, метров сто, и спустился в низинку, к заболоченной маленькой речушке, окантовывающей эту часть города. Сразу за ней начинался лес. Создавалось впечатление, что находишься не в пятнадцати минутах езды от центра, а в глухой деревне.

Вдоль речушки, повторяя все ее изгибы, тянулась узкая тропинка. Добежав до нее, Дворецкий и Петренко остановились. Следы Евдокимова потерялись, и невозможно было определить, куда он побежал дальше — направо, налево или вперед, к высоким зарослям сухого камыша и осоки, шелестевшим, словно страницы книги на сильном ветру.

— Ну что? — Петренко вопросительно посмотрел на Дворецкого.

— Ушел, гад.

53.

В глубине двора стоял большой, на несколько машин гараж. Ворота его были открыты, и в них виднелась задняя часть темно-коричневого «опеля» с номерами 794-БН.

Перед «опелем» стояла еще одна машина, почти полностью разобранный, и около нее с перекошенным от страха лицом на маленьком деревянном чурбачке сидел паренек лет тринадцати-четырнадцати, стараясь спрятаться за открытую дверь. Рядом с ним стояло ведро с водой, лежали деревянные брусья и несколько кусков наждачной бумаги. Увидев вошедших и направленные в его сторону пистолеты, он моментально вскочил, задрал руки кверху и запричитал:

— Дяденьки, я ничего не знаю! Просто дяде Гене помогаю! Не убивайте!..

— Тихо ты! — осадил его Дворецкий. — Есть здесь еще кто-нибудь?

— Нет, нет здесь больше никого! Мы только вдвоем с дядей Геней были. Потом он ушел, сказал, что вроде в калитку стучит кто-то. Я-то сам не слышал, я тут машину шлифую. — Он кивнул в сторону ведра и наждачки. — Потом Джек залаял, какой-то шум был, слышу выстрелы. — Парнишка поднял перепачканное лицо и тихо спросил. — Дядю Гену убили?

— Жив твой дядя Гена. Джека вашего убили. Он из вольера выскочил. Ты вообще-то кто такой? — Дворецкий быстрым взглядом пробежался по гаражу и убрал пистолет в наплечную кобуру. — Да опусти ты руки!

— Племянник я. По выходным приезжаю, ему с машинами помогаю.

— Понятненько. — протянул Юра. — А ты не видел, дядя Гена твой здесь вишневу «восьмерку» не перекрашивал?

— Видел. На прошлой неделе. У нас как раз каникулы были. И покрасил он ее почему-то очень плохо. Когда хозяин за ней пришел...

— Хозяин? — вырвалось у Дворецкого.

— Ну да. Маленький такой, помоложе дяди Гены.

— А как его зовут, случайно не знаешь?

— Почему не знаю?! Знаю. Он же часто в последнее время к дяде Гене навещался. Виталием его зовут.

— Он не говорил, где работает?

— Он и не работает еще, он учится пока.

— Не знаешь где?

— Не-а, — протянул парнишка.

— Когда он был последний раз?

— Неделю назад.

— Фамилию не вспомнил?

Парнишка развел руками.

— С ним еще один, повыше ростом, не приходил?
 — Да у дяди Гены иногда по несколько клиентов в день бывает, что, я их всех запомню, что ли?!
 — Понятненько. А тебя-то как зовут?
 — Витькой, — и, наверное, вспомнив, что милиционерам нужно представляться по-другому, добавил: — Матвеев Виктор Аркадьевич.
 — Вот что, Виктор Аркадьевич, ты пока здесь посиди, а мы все осмотрим.

В самом углу, прикрытые рваным куском брезента, лежали почти новые широкие колеса с красивыми, сделанными в виде вогнутой звезды дисками.

— Володь, глянь, явно от тихомировской «восьмерки».

Петренко подошел и заглянул под брезент.
 — Не исключено.

54.

Больше осмотр гаража ничего не дал, если не считать обнаруженных пустых банок из-под красной импортной краски.

— Пойдем в дом? — Петренко махнул Дворецкому.

— Подожди, у меня мыслишка одна появилась. — Он повернулся к пареньку. — Слушай, Вить, подвал есть под гаражом?

— Ну а как же без подвала-то?!

— Включи свет, Володь. И здесь пока побудь, на всякий случай.

И Дворецкий, раскидав доски посередине гаража, нырнул в яму.

— Да здесь целый лабиринт! — раздался его приглушенный голос. — А запчастей-то! Целый автопарк. А вот это мы и искали!

До Петренко донеслись глухие удары по металлической поверхности.

— Ты чего там, Юр? — Он наклонился к яме.

— Иду, иду. Без автогена все равно здесь не обойтись.

Дворецкий выбрался на поверхность и стер грязь с рук.

— Чего ты там отыскал-то?

— Пойдем покурим на улицу. — вместо ответа предложил Юра.

Они вышли из гаража.

— Подожди! — Дворецкий вернулся, нашел средихлама старый кусок брезента и прикрыл им труп собаки.

Петренко присел на маленькую скамеечку под сиренью и закурил. Юра пристроился рядом и пояснил:

— Фальшивые документы — это раз. Фальшивые номера — это два. Где-то все это Евдокимов должен был делать. В гараже — сам видел — ничего подоб-

ного нет. В доме — вряд ли, слишком опасно держать оборудование на виду. Что остается? Подвал. Тем более гараж построен недавно. Евдокимов мог сразу и запланировать в нем укромное местечко. — Дворецкий глубоко затянулся. — Так оно и оказалось. Есть комнатка со стальной дверью, закрытая на внутренний замок. Думаю, все оборудование у Евдокимова там и стоит.

55.

Во второй половине дня осмотр дома и комнатки в подвале гаража закончили. Как и предполагал Дворецкий, в ней нашли оборудование для изготовления фальшивых документов и жестяные заготовки для номеров. Там же в одном из ящиков стола обнаружили и настоящие документы: техпаспорт и справку-счет на машину Тихомирова. В другом ящике лежали деньги: отдельно, перехваченные черной резинкой, доллары — почти пятнадцать тысяч, и без малого двадцать миллионов рублей.

— Ублюдки! — процедил Дворецкий. — Из-за какой-то груды металла загубили человека.

— Хорошо бы этого человека еще и найти, — задумчиво добавил Петренко и тут же сам себя быстро поправил: — Я имею в виду труп...

На случай, если Евдокимов вдруг решит вернуться или придет его маленький напарник, на подходе к дому со стороны речки устроили засаду, а на улице выставили наружку — подогнали на угол старый, раздолбанный «уазик», в котором дежурили два человека. Так же посменно, тоже по двое решили дежурить и в доме. Чем черт не шутит, может, кто и объявится...

56.

Звонок Дворецкого раздался, когда я прохаживался по кабинету и изо всех сил пытался выдавить из себя несколько четверостиший, которые редактор поручил мне написать к очередному празднованию Дня города.

— Ник, у тебя тачка рядом?

Голос у Юры был озабоченным, но одновременно, как мне показалось, и очень довольным.

— Что значит «рядом»? Рядом со мной компьютер, стол, кресло...

— Бездельничаешь? — перебил меня Дворецкий.

— Что значит «бездельничаешь»? Между прочим, пишу стихи.

— Работа, без сомнения, очень тяжелая... — и продолжил: — Помнишь, ты как-то изъявлял желание посмотреть на нашу работу изнутри?

— Ну и?..

— Вот тебе и «ну и»! Есть подходящий случай. Подъезжай по-быстрому к нашему управлению, и поедем на одно дело. Может, будет что-то интересное.

— Что за дело-то?

— От глупых вопросов волосы рано начинают выпадать!

— А в лоб мне никто целиться не будет?

— Со мной можешь никого не бояться!

— А ты добрый!

— Так едешь или нет? Жду десять минут!

— Еду-еду...

57.

По дороге в дом Евдокимова Дворецкий коротко мне рассказал, куда и зачем мы едем, и поиздевался надо мной за то, что я недооценил Мишу Егорова. На это я возразил, что если бы не его звонок мне в редакцию, то кто знает, как развивались бы события.

— Никто твоей роли в этом деле и не преуменьшает! — съязвил Юра. — Именно поэтому ты и сейчас с нами. Мало ли что?! Как мы без тебя?! — и добавил: — А если серьезно, то если что — никуда не суйся.

В доме Дворецкий прошелся по комнатам, наконец выбрал себе глубокое кресло и угнезвился в нем, вытянув ноги.

— Ты не знаешь, что за подруга в отделе регистрации автотранспорта работает? — поинтересовался он у Петренко.

— Ты имеешь в виду Марину?

— Я имею в виду ту, которая на телефоне у них сидит. Вроде секретаря.

— Маринка. — Поскрипывая половицами, Петренко прошелся по комнате. — Дай Бог памяти, Свешникова вроде ее фамилия. А что, ты уже и к ней клинья подбиваешь?

— Не замужем?

— А тебя это когда-нибудь останавливало?

— Обижает! Я с замужними дел не имею...

— Да откуда я знаю, замужем она или нет! При встрече сразу и узнай... — Петренко немного помолчал и спросил: — Ты ее видел?

— Нет еще. А что, крокодил?

— А чего тогда спрашиваешь-то?

— Да я ей по телефону три ужина обещал. И культурную программу. Она кое в чем помогла мне... Так симпатичная или нет?

— Я б ей отдался... — вздохнул Петренко.

— Значит, будет пять ужинов.

И в этот момент щелкнуло и зашипело переговорное устройство.

— Мужики, вы как? — Голос из динамика разда-

вался очень отчетливо, словно говоривший находился в соседней комнате.

— Отлично. Видак сидим смотрим. — не задумываясь соврал Дворецкий.

— Счастливые, — и обратился к своему напарнику: — Слышишь, Миш, они там видак смотрят.

— А вы как? — в свою очередь спросил Юра.

— Мы тут в этой консервной банке замерзли как собаки. Может, махнемся?

— Каждый должен нести свой крест.

— У некоторых он слишком легкий.

— Кто на что учился.

— Ладно, отбой.

Дворецкий положил радиостанцию и откинулся на спинку кресла. Петренко подошел к окну, отодвинул занавеску и выглянул на улицу.

— Глухомань, как в деревне. Помню...

Но договорить Петренко не дало вновь щелкнувшее переговорное устройство.

— Мужики, какой-то маленький кадр идет в вашем направлении со стороны города. Может, к вам в гости? — Голос из динамика казался удивленным.

— Гостям всегда рады. Особенно долгожданным.

Дворецкий поднялся с кресла и на ощупь взял со стола фонарь. Петренко аккуратно задвинул занавеску и, стараясь не скрипеть половицами, будто это можно было услышать с улицы, направился к выходу из комнаты.

— Свернул к вам. — доложили через несколько секунд из «уазика».

— Страхуйте! — успел сказать Юрий, и с улицы донеслись удары в калитку. И сразу же, с нарастающей силой, словно произошла цепная реакция, раздался яростный лай окрестных собак.

Скрипнув входной дверью, Дворецкий вышел на крыльцо. Петренко не отставал ни на шаг. Я шел сразу за ним.

— Ты чего там, Ген, уснул, что ли? — слышался голос из-за забора. — Свет-то чего не включаешь?

Дворецкий поскользнулся на плохо присыпанной луже крови и больно ударился о деревянные ступеньки. Петренко подхватил его под руки и помог встать.

— Ген, ты пьяный, что ли? Обещал же без меня не начинать!

Жестом Юра велел напарнику встать за калитку и достать пистолет. Мне же он махнул, чтобы я оставался на крыльце.

— Чего молчишь-то? — Голос прозвучал настороженней. — Вить, ты, что ль, там?

Резким движением Дворецкий распахнул калитку и в это же мгновение направил мощный свет фонаря в лицо стучавшему. Несколько секунд они стояли

молча. Парень, словно заяц, попавший в пучок света, боялся пошевелиться.

— Вот тебя-то я ожидал встретить меньше всего. — нарушил паузу Дворецкий. — Заходи, раз пришел. — Юра невесело усмехнулся. — Через порог-то нехорошо разговаривать...

То, что произошло дальше, показало мне Дворецкого и Петренко во всей их профессиональной красе. А я только молча сидел, хлопал глазами и жадно впитывал каждое услышанное слово.

58.

И без того миниатюрный Соловьяненко напоминал воздушный шарик, из которого выпустили воздух. От его прежней подвижности не осталось и следа. Он ссутулился, как-то весь съезжился, казался, стал еще меньше ростом и совсем потерялся на фоне громоздкого, заставленного старой посудой серванта, что стоял в углу комнаты дома Евдокимова. Тусклый, рассеянный свет от давно не мытой люстры, где из трех горела всего одна лампочка, падал на его бледное, испуганное лицо, придавая ему выражение затравленности и полной безысходности. Дворецкий поймал себя на мысли, что ему хочется подойти и плюнуть в эту невыразительную, как серый бордюрный камень, физиономию.

— С чего начнем — со Шмеля, Миронова или Евдокимова? А может, с Тихомирова? — Дворецкий закурил, прошелся по комнате и остановился напротив еще больше сжавшегося, словно в ожидании удара, Соловьяненко.

— Это не я, честное слово, не я! Я этого ничего не хотел! Это они меня заставили! Честно! Это все Миронов! Он во всем виноват! — запричитал он, в глазах его вспыхнул неприкрытый животный ужас, будто только секунду назад до него дошел весь кошмар содеянного. Дворецкому показалось, что Соловьяненко готов упасть на колени, ползать по грязному полу, вымаливая прощение, и от этого Юру охватило чувство гадливости, словно перед собой он увидел жирную гусеницу, на которую слегка наступили, и из нее вылезли мерзкие коричнево-зеленые внутренности.

— Молодец, Соловьяненко, вали все на покойника! — отозвался из противоположного угла комнаты Петренко. — Покойник все стерпит.

— Нет, я честно, это все они!

— Что, они? — резко, словно щелкнул кнутом, спросил Дворецкий.

— Они меня заставили!

— Что заставили?

— Ну, это, машину отнимать.

Дворецкий выдержал паузу и внятно произнес:

— А Евдокимов нам совсем другое говорил. Кому из вас верить, а, Соловьяненко?

— Он врёт! Он все врёт! Он это все придумал! — перешел на хриплый шепот Соловьяненко, будто Евдокимов находился в соседней комнате и все это мог слышать. — Не верьте ему! Он все врёт! Это он нас втянул!

— Почему мы должны верить тебе?

— Я не вру! Честно!

— Врешь, еще как врешь! И врал в прошлый раз! Ведь врал же?

— Я боялся его! Он обещал убить, если мы не будем молчать!

— Евдокимов?

— Да, да! — словно китайский болванчик, закивал Соловьяненко. — Он же сумасшедший! Он ни перед чем не остановится! Он и меня же мог, как и Миронова!

— Стоп! — вскинул руку Дворецкий. — А теперь все по порядку и без вранья. А мы посмотрим, кто из вас врёт — ты или Евдокимов. И не дай Бог, если ты!

— Да вы что! Я не буду врать! Я только правду буду говорить! Честно!

— Вот мы и посмотрим...

Соловьяненко несколько раз судорожно сглотнул. Его маленький острый кадык, словно поплавок, дернулся вверх-вниз, и, испуганно глядя на Дворецкого, он быстро заговорил, боясь, что ему не дадут высказаться:

— Мы не были с Мироновым особыми друзьями. То есть мы вообще не были с ним друзьями. Он давно уже запал на наркотики — сперва просто покуривал, а потом и колоться стал потихоньку. И как-то, год, может, назад или полтора, мы с ним пересеклись в одной компании, и я тоже от нечего делать решил попробовать. Раз попробовал, потом снова компания собралась — два попробовал, ну и втянулся. На этом мы с Мироном и сошлись — то он мне «дури» подкинет, то я ему. А это же денег стоит. И поллучку нам нерегулярно стали давать, да и женился я к тому же. В общем, с деньгами напряженка. Стали мы думать, что надо как-то крутиться.

— Кто вас со Шмелем свел? — перебил его Дворецкий.

— Игорь его звали. А вот как фамилия, я не знаю. Его все Кашель называли, он постоянно подкашливал, больной, наверное, какой-то был.

Дворецкий и Петренко переглянулись, и Юра негромко произнес:

— Пока не врешь, Соловьяненко, продолжай в том же духе.

— Да я и не собираюсь вам врать!

— Ладно, ладно, не отвлекайся.

— А потом как-то совсем случайно мы познакоми-

лись с Евдокимовым. Мы с Мироном шлялись по авторынку, рассматривали машины и с ним разговаривали. Он там тачку какую-то продавал. Поговорили и разошлись. Недели через две или через три мы снова на рынок пошли и опять его встретили. Он запчасты какие-то покупал. Разговорились, он попросил нас помочь ему их до машины донести. А нам-то что, делать все равно нечего, помогли. Смотрим, а он уже на другой машине. Спрашиваем: а ты что, продал? Он говорит, что эти машины продает по несколько штук в год. Покупает битые за бесценок, главное, чтобы год свежий был, ремонтирует и на продажу выставляет...

— Это когда было?

— Что? — испуганно переспросил Соловьяненко.

— Познакомились вы с ним когда?

— Да это еще осенью, в прошлом году.

— Хорошо, дальше. — кивнул Дворецкий.

— Мирон-то ему и говорит, мол, хорошо тебе, денег небось куча, а мы такие бедные-несчастные, от полочки до полочки еле перебиваемся. Он говорит: ерунда, ребята, вы мне понравились, я вам помогу. Для закрепления знакомства поехали ко мне, отметим это дело. А нам-то что? Мы и поехали. Мирон пить ничего не стал, по вене пустил и отключился. А я на халяву нажрался и тоже вырубился. Под утро очухиваемся, а Евдокимов, испуганный такой, и говорит: что вы, ребята, наделали. Ушли от меня, а через час на машине приехали, сказали, что стояла заведенная, а хозяина рядом не было. Сели, покатались, а потом ко мне заявились и попросили до утра ее спрятать. Мне-то не жалко, пусть стоит. Мы с Мироном переглянулись — не помним ничего, хоть убей. А во дворе на самом деле машина стоит — «семерка» темно-синяя. Мы и трухнули как следует. Говорим, Гена, друг, выручай! Он: я-то выручу, а как? Она наверняка уже в розыске. И добавил: и сами подставились, и меня подставили. Мы-то с бодуна, соображаем плохо, возьми да и ляпни — давай ее разберем, и концы в воду! Он подумал-подумал и согласился, говорит: запчасти мне все равно нужны, а деньги я вам потом за них отдам. Мы с Мироном руками замахали — не надо нам никаких денег, не говори, главное, никому, что мы дурочку такую выкинули. И быстрее от него. Думаем, больше к нему ни ногой.

Соловьяненко замолчал и потушился.

— Ну и что же было дальше? Деньги кончились, и вы к нему направились? — ядовито поинтересовался Дворецкий.

— Да, — с трудом выдавил Соловьяненко.

— Ты не молчи, не молчи. Время сейчас работает против тебя. Евдокимов нам совсем другое рассказывал. — Петренко прикурил от сигареты.

— Да не вру я, не вру! — Он неожиданно взорвался. — Ну почему вы мне не верите?! Почему вы верите этому бандиту, а мне не верите?! Это же он нас втянул, почему вы не хотите этого понять?!

Дворецкий побелел, на его щеках заметались желваки, сжал кулаки и придвинулся вплотную к Соловьяненко:

— Во-первых, не ори, во-вторых, не корчи из себя ягненка заблудшего. Втянули его! Один в наркотики его втянул, второй в угон машин. А своих мозгов нет?!

Соловьяненко снова сник, вжал голову в плечи словно черепаха, и начал говорить, не поднимая взгляда с широких щелей в деревянном полу:

— Недели две, а может, три прошло, и Мирон мне как-то говорит: давай сходим к Евдокимову, он нам вроде денег обещал, а то что-то совсем невмоготу. Я и согласился. Пришли к нему сюда, он на нас посмотрел и, наверное, все и понял, потому что сразу дал денег...

— Много?

— По триста тысяч каждому.

— Дешево он вас купил... — вставил Дворецкий.

Соловьяненко, казалось, не услышал и продолжил:

— И говорит: ребята, никаких проблем, надо будет денег — всегда приходите. Ну мы и стали время от времени к нему заглядывать. Потом он стал просить нас кое в чем ему помочь.

— Это в чем же?

— Машины разбирать.

— Угнанные, естественно?

— Он не говорил...

— А вы и не догадывались?! — вскипел Дворецкий. — Два простачка ходят разбирать машины и не могут даже предположить, что эти машины их хозяин угоняет.

— Да какой он нам хозяин? — поднял взгляд Соловьяненко.

— Что, не нравится? А кто же он, по-твоему, для вас? Вы у него работаете, он вам деньги платит. Хозяин! Кто же еще?! Дальше что было?

— Потом... Ну, мы с ним несколько раз ходили... Ну, он брал нас с собой... Но делал все сам, мы только в стороне стояли! Ну, там, если кто пойдет...

— На шухере?

— Вроде того.

— Сколько раз это повторялось?

— Раза два.

— Точнее, Соловьяненко, мы все равно все проверим!

— Три раза. Раз до Нового года, с Центрального проспекта он увел «пятерку», и два раза после: в Северном микрорайоне он взял «девятку» почти новую

и где-то за городом, я, честное слово, не помню точно где, я пьяный тогда был, еще одну «пятерку».

— А потом он предложил вам попробовать без него?

— Это как-то так быстро произошло. Мы сидели у него здесь, выпивали, ну, уже хорошо нам было, и он вдруг предлагает: а не попробовать ли вам самим, без меня? Мирон-то и отвечает — в легкую! А он — небось базары гнилые? Тут Мирон-то разошелся, какие базары, да как два пальца... Евдокимов нас до центра подвез, высадил и говорит: жду дома. Мы прошли немного и как раз напротив «Быка» оказались. И в этот момент из ресторана мужик какой-то выходит и идет к новенькой «восьмерке». Я еще обратил внимание, что она без номеров. Мирон меня в бок толкает и говорит: давай этого обуем. Я спрашиваю, а как? Он: пошли, на ходу придумаем. Подходим к этому мужику, Мирон и спрашивает: не подвезете нас до дома, а то позвонили, жена беременная, у нее схватки начались, нужно срочно в больницу везти. Врет, как по писаному! Я еще удивился, откуда у него такая фантазия! Мужик-то этот заволновался, говорит: конечно отвезу. Я еще больше удивился, думаю, вот чудик, среди ночи неизвестно кого сажает! Мы и поехали. А он веселый такой, рассказывает, что машину недавно купил, и нет еще времени даже на учет ее поставить. Я-то сзади сидел, а Мирон рядом с ним. Он как про машину услышал, веревку капроновую достал и давай его душировать. Хорошо, что мы уже по Старому городу ехали, здесь дороги-то плохие и скорость маленькая, а то бы точно в кювет улетели... Кое-как мы его назад перетащили, Мирон сел за руль и быстрее к Евдокимову. Приехали, а он и спрашивает: на хрена вы мне «мокрую» машину привезли? А Мирон-то весь такой взведенный, говорит, фигня, зато тачка хорошая и, главное, на учете не стоит. Тут Евдокимов что-то прикинул и выдает: ладно, мол, ребята, дам возможность на этой тачке вам хорошо заработать. И отвез меня домой, а Мирона в училище...

— С Тихомировым что вы сделали?

— Когда уезжали, то он так и лежал в «восьмерке», а потом я уже его больше и не видел никогда.

— Ну ладно, допустим, — чуть слышно проговорил Дворецкий и громко добавил, словно приказал: — Дальше!

— Через несколько дней мы снова встретились с Евдокимовым, он и говорит: машина к продаже готова. Я еще удивился, к какой такой продаже? А он: все нормально, документы в порядке, номера стоят, цвет, правда, пришлось изменить, чтобы не так в глаза бросалась. Только, говорит, на рынок ее выставить не будем, вы туда пойдете одни и найдете клиента, а я буду вас на стоянке ждать.

— Где эта стоянка?

— Около кинотеатра на Заречной...

— Быстро клиента-то нашли? — спросил Петренко.

— Да прямо в первый день. Смотрим, мужики какие-то около «восьмерок» все больше крутятся, а вы брать не могут. Мы к ним подвалили, так, мол, и так, есть хороший товар, и недорого. С Евдокимовым договорились большую цену не заламывать, чтобы быстрее ушла...

Дворецкий подхватил:

— И предложили им ее за три с половиной «штуки». Сказали, что вы не местные, что на рынок выставлять боитесь, потому что могут кинуть, а деньги срочно нужны, потому что счетчик крутится...

— Да-а, — удивленно протянул Соловьяненко и хотел что-то спросить, но Дворецкий опередил:

— Мы же договорились не врать! А ты пока очень много врешь! Мы же знаем гораздо больше, чем ты думаешь, — и отвернулся. — Ладно, продолжай.

— А чего дальше-то? Продали мы ее в тот же день. Евдокимов оформил на нее генеральную доверенность, и поехали к нему обмывать...

— Вам-то с Мироновым сколько досталось?

— По пятьсот баксов.

— Дешево вы человеческую жизнь оценили.

— Да я-то что? Это все Евдокимов с Мироном. Я-то так, на подхвате был.

— Дальше, дальше, Соловьяненко, не виляй!

— Да не виляю я, правду говорю!

— Отлично! Продолжай в том же духе.

— Выпили мы крепенько, и тут Мирона повело. Переклинило его, и начал он гнать туфту всякую: мол, душа моя не в силах больше терпеть, да как же так, ни в чем не повинного человека на тот свет отправили... Ну и прочее такое. Евдокимов раз ему сказал, чтобы он пасть свою заткнул, два сказал, а он все никак не утомонится. Орет и орет. Дошло до того, что он заявил, что пойдет завтра в милицию и все расскажет. Евдокимов ему и говорит: а чего до завтра-то терпеть, иди сейчас. А Мирон готов уже, ничего не соображает, орет — завтра и точка! Начал нас поливать: скоты вы, за деньги мать родную продадите!.. В таком, в общем, духе. Потом вскочил и на выход. Мы с Евдокимовым решили, проспится — одумается. Сидим дальше, пьем. А под вечер доходить до нас стало, а вдруг не одумается? Евдокимов у меня спрашивает: можешь провести меня в свое общежитие? Я ему: а тебе-то зачем? Поговорить хочешь с Мироном. И уперся, как баран, хочу в общежитии с ним потолковать. Чувствую, какая-то идея у него зреет. Говорю, проведу, чего не провести, только надо часов одиннадцати дожждаться, пока народ утомонится. И еще, говорю, чтобы никто не заметил, придется по пожарной лестнице подниматься.

Петренко поднялся с кресла и спросил:

— У тебя комната в торце общежития, что ли? Та, которая с балконом?

— Ну да!

— Когда Зорин заходил к Миронову, вы уже были у него в комнате?

Соловьяненко взорвался:

— Так это Зорин, сука, нас продал?

Дворецкий смерил его взглядом:

— Продал ты себя сам, Соловьяненко! За какие-то жалкие гроши! Рассказывай дальше, очищай свою поганую душу.

— Да чего там рассказывать-то?! Пришли мы к нему в комнату, он сидит за столом и ест. Весь зеленый какой-то, взгляд бешеный, глаза бегают. Евдокимов начал с ним по-доброму разговаривать, как с ребенком. Говорит, погорячились мы, давай на мировую пойдем. Мирон поначалу ерепениться начал, а потом как-то сник. И тут дверь открывается и заходит Зорин. Оказывается, когда мы входили, то дверь плохо захлопнули, защелка не сработала. Хорошо, что в этот момент Евдокимов в туалет зашел, он его не видел, а я на кровати сидел. Зорин у меня спрашивает: а чего это я не в увольнении? Я ответил, что дела кое-какие есть. Тогда он к Мирону повернулся и говорит: когда долг-то отдашь? А Мирон ему: да хоть сейчас. Полез в карман, достал пачку денег и отсчитал полтора миллиона. Зорин деньги-то увидел и спрашивает: а мне не дашь в долг, а то я собираюсь невесте деньги отправлять, чтобы она к свадьбе чего-то там купила, а с полочки я тебе отдам? Мирон говорит: больше не дам, самому деньги позарез нужны. Зорин и ушел. Я дверь запер, и тут Евдокимов выходит, говорит Мирону: а у меня для тебя сюрприз, и достает какую-то ампулу. Мужики рассказывали, улетаешь только в путь! А Мирон ему: да у меня и шприцов-то больше не осталось. А у самого глазенки-то, смотри, разгорелись. Евдокимов хлопнул его по плечу и говорит: не волнуйся, я все взял с собой. Ну, короче, вколол он себе и почти сразу отключился. А Евдокимов достал из-за пазухи веревку, приладил ее на крючок от люстры, поднял Мирона и засунул в нее. Он и не пикнул. Только позвонки хрустнули.

— Когда сели в машину к Тихомирову, кто был рядом с ним, а кто на заднем сиденье?

— Я же уже сказал, что он, ну Мирон то есть, сел рядом, а я на заднее сиденье.

— А вот теперь подумай, как мог Миронов задуть Тихомирова, если он сидел рядом? Ты это себе представляешь?

— Ну как мог?! Повернулся и...

— Врешь! — рявкнул Дворецкий, потом добавил чуть спокойнее, обращаясь к Петренко. — Да что мы

тут с ним цацкаемся, Володь? В протоколе запишем: мешал следствию в установлении истины. Пусть ему еще срок накинута. А чистосердечное признание Евдокимову зачтется. И срок ему скостят. И все тут! А то мы развели детский сад какой-то!

— Логично, — поддакнул Петренко.

И тут Соловьяненко прорвало:

— Чего это ему срок-то скостят, а мне накинута? Он это все спланировал, а ему срок скостят?! Это мне что, за двоих, что ли, отдуваться? Вот уж хрен ему!..

— Тогда говори все как было! — перебил его Петренко.

— Мне это точно зачтется? — выдохнул Соловьяненко.

— Зачтется, зачтется, — кивнул Дворецкий.

Соловьяненко обреченно вздохнул, и было видно, что он окончательно сломался.

— Все придумал Евдокимов. И каким-то образом он вышел на машину. Ну, на «восьмерку» на эту. — Соловьяненко кивнул головой, словно она стояла где-то рядом во дворе. — И сказал, что пока она без номеров, надо ее и брать. Подвез он нас до «Быка», показал машину, а сам домой уехал. И еще сказал, чтобы без машины не возвращались. — Соловьяненко перевел дыхание и пояснил: — Мы ему и так уже много задолжали, он сказал, что пора долги отдавать... Подходим к машине, а она в отдалении от ресторана стояла, не на виду, и только начали замок ковырять, как хозяин подходит. Ему бы закричать, а он тихо так спрашивает: ребята, что вы тут с моей машиной делаете? Мирон, ни слова не говоря, с разворота ему в челюсть, тот поскользнулся и упал. У меня баллончик с газом был, я подскочил к нему и в лицо прыснул. И с горяча-то сильно, наверно, потому что даже потекло. Думаю, надо куда-нибудь его отвезти, не здесь же ему валяться, а чтобы быстро не очухался, я на платок носовой еще брызнул и лицо ему закрыл. Мирон ключи у него взял, быстренько затолкали мы его в машину на заднее сиденье и поехали. А в машине вонища стоит от газа, пришлось даже окна открыть...

Соловьяненко закончил говорить и каким-то просящим и потерянным взглядом посмотрел на Дворецкого и Петренко.

— Газ-то какой был?

— Нервно-паралитический. Немецкий. — И Соловьяненко показал рукой в сторону дивана. — Вы его у меня уже забрали.

Петренко нагнулся к конфискованному у Соловьяненко вещам и взял черный баллончик.

— И ты до сих пор его с собой носишь?

— Ну а чего? Он же дорогой, жалко выбрасывать...

— Продолжай. И имей в виду — времени у тебя осталось очень мало. С минуты на минуту за тобой должны приехать. А там разговор будет совсем другой. — на всякий случай припугнул Петренко.

— Привезли мы его к Евдокимову, а он и не шевелится. Вытащили, положили на землю, а мужик уже готов. Наверное, я с газом переборщил. — Соловьяненко судорожно сглотнул. — Мирона затрясло. А Евдокимов так это спокойненько заявляет, мол, вот вы, ребята, и повязаны. Я в тот момент как во сне находился. Да еще водка. Правда, почти не проняло. До меня потом только доходить стало, что мы натворили...

— Труп куда дели?

— Евдокимов какие-то две болванки железные из гаража притащил. Тяжелые. Одну к ногам привязали, а вторую к шее и оттащили его туда, за огород, в речку, за камыши. — Соловьяненко неопределенно махнул рукой. — Промокли по пояс...

— Место показать можешь?

— Ну так, примерно, мы же ночью все это делали. — Он пожал плечами.

— Придется вспомнить! — отрезал Дворецкий.

— Да уж, наверное, найду... Мирон после этого совсем с катушек соскочил. Начал колотиться чуть ли не по два раза на день. И нервный весь такой. Чуть что, сразу орать... А мы с Евдокимовым машину перекарашили и решили продать целиком. Больно уж хорошая была, да и на учете не стояла. Он сказал, что все должно быть нормально, что для него фальшивые документы сделать пара пустяков... Только колеса он зачем-то снял. Сказал, что они ему больно понравились... — Соловьяненко поднял голову. — Дальше все было, как я уже рассказывал...

Свет фар от машины скользнул по окнам дома, и раздался тройной сигнал.

Дворецкий подошел к окну и отодвинул штору. Перед воротами остановился «уазик».

— За тобой, Соловьяненко, — и повернулся: — А у меня еще последний вопрос остался. Насчет того, что жена тебя постоянно дома дожидается, ты тоже врал?

Соловьяненко насутился:

— Я ее месяц назад домой, в Самару, рожать отправил.

— Еще не родила?

— Недели через три должна.

— Жаль...

В комнату вошли Гладышев и Симонов, который сразу спросил:

— Заплыла рыбка в сеть?

— Птичка залетела, — криво улыбнулся Дворецкий. — Везите на гауптвахту. И сразу возьмите все показания. Он во всем признался.

Она появилась на исходе второго дня, когда в доме Евдокимова дежурили Гладышев и Дворецкий.

Молодая блондинка, высокого роста, суверенной, пружинистой походкой, одетая в короткую коричневую кожаную куртку и синие обтягивающие джинсы, заправленные в черные сапожки. В руках она держала маленькую сумочку. Чувствовалось, что дорога ей хорошо знакома. Она шла, не оборачиваясь, и только повернув к дому Евдокимова, быстрым взглядом окинула окрестности.

Блондинка пересекла двор, быстро зашла в гараж и через несколько секунд там заработал двигатель автомобиля.

— За деньгами пришла, — прокомментировал Дворецкий и кивнул: — Пошли!

Увидев подошедших мужчин, она инстинктивно отшатнулась.

— Не надо нервничать! — улыбнулся Гладышев. — Денег-то там все равно уже нет.

— Каких денег? — нервно спросила женщина.

— За которыми вы пришли.

— С чего это вы взяли?

— А зачем же вы тогда здесь?

Не раздумывая ни секунды, как само собой разумеющееся, она ответила:

— Я за машиной пришла.

— Это же не ваша машина!

— Ну и что? — Тонкие ниточки бровей удивленно изогнулись. — У меня на нее доверенность есть. Показать? — И она потянулась за сумочкой на соседнем сиденье.

— Не надо никаких доверенностей! — остановил ее Гладышев. — Выходите из машины.

— Это еще почему?

Дворецкий достал удостоверение и показал.

— Ну и что дальше? — Она нервно хохотнула. — Вы собираетесь меня арестовать?

— Мы собираемся узнать, какое отношение вы имеете к Евдокимову, а если повезет, то и где он сейчас находится.

Она с вызовом посмотрела на Дворецкого.

— Читайте, что вам не повезло! Мне и самой интересно знать, где он.

— Может, вы все-таки выйдете из машины? — предложил Гладышев.

— А от этого что-то изменится?

— Боюсь, разговор предстоит долгий.

— А вы не бойтесь! Такой сильный мужчина, а чего-то боится! — И она сверху вниз скользнула по нему взглядом.

60.

По дороге в дом Дворецкий прикидывал, не может ли у нее оказаться оружие. Не хватало еще получить пулю от этой сексапильной блондинки. По весу сумочки, которую она легко держала в руке, он определил, что в ней ничего тяжелого нет. А вот под курткой?! У нее был такой бюст, что не то что пистолет, а маленький гранатомет можно было спрятать.

Юра предложил ей стул и поинтересовался:

— Так что же вас связывает с Евдокимовым?

Она улыбнулась одними краями щедро накрашенных губ:

— Вы разве не знаете, что может связывать мужчину и женщину? — Блондинка закинула ногу на ногу и достала из сумочки сигареты. — Надеюсь, вы не будете возражать, если я закурю?

— Вы говорили, что у вас есть доверенность. Разрешите? — подошел Дворецкий.

Она положила сигарету на край пепельницы и достала водительское удостоверение с вложенной в него доверенностью.

— Кораблева Дарья Леонидовна, — прочитал Дворецкий. — Очень приятно. Так... Доверенность... Я, Евдокимов Геннадий Петрович... Ага-ага... Ясненько... Лен, можно тебя на секундочку? — кивнул он Гладышеву. И улыбнулся, повернувшись к блондинке: — Вы пока покурите, мы сейчас.

— А документы? — почувствовав какой-то подвох, быстро спросила она.

— Не волнуйтесь. Сейчас получите обратно.

Они вышли на кухню. Дворецкий достал блокнот и переписал адрес Кораблевой.

— Ты пока развлекай эту секс-бомбу, а я с ребятами махну по ее адресу.

— Осторожней там, смотрите.

— Мы-то чего?! Ты тут, смотри, осторожней. — Юра усмехнулся. — Как бы она тебя здесь не изнасиловала!.. — И уже в дверях обернулся: — Везет же некоторым! С такой бабой остался...

61.

Кораблева жила в старой кирпичной пятиэтажке. К ней на квартиру поехали двумя группами — Семенов, Дворецкий, Петренко и Рогов на отдельской «шестерке», а трое сотрудников УВД во главе с Симоновым — на «уазике».

Машины оставили в противоположной стороне двора, а сами осторожно вдоль дома подошли к подъезду. Судя по номеру, ее квартира должна быть на втором этаже, с окнами на другую сторону дома.

— Виталий! — Семенов кивнул Симонову. — Ты

давай со своими ребятами за дом. Может и сигануть из окна. Ему терять нечего. Если что, стреляйте без предупреждения. А мы попробуем отсюда. — Семенов посмотрел на часы. — Начинаем через три минуты.

— Думаешь дверь ломать?

— Посмотрим. Есть у меня один планчик...

Они поднялись на второй этаж и остановились чуть в стороне от железной двери, обтянутой бордовым дерматином.

— Замуровались, демоны! — невесело хмыкнул Дворецкий. — Динамиту бы сюда.

— Обойдемся без динамита. — Семенов понизил голос. — Будьте готовы ворваться в квартиру. — И совсем тихо добавил: — Меня-то он ни разу не видел.

— Ты чего надумал? — спросил Петренко.

Вместо ответа Семенов несколько раз коротко нажал на кнопку звонка и встал перед глазком.

Все быстро достали оружие и замерли в ожидании.

Как ни пытался Евдокимов ступать осторожно, все же его тяжелые шаги и скрип старых, разошедшихся полов доносились даже через железную дверь.

Семенов не спускал взгляда с глазка, и когда в нем промелькнула тень — Евдокимов приник к нему, и Сергей всем своим телом почувствовал, что на него смотрят нервно, скороговоркой закричал:

— Ну че там зыришь-то?! Открывай быстрее! Дашка на «опеле» на твоём в аварию попала! Чего-то передать тебе хочет! Просила срочно подъехать! Давай быстрее, пока она в сознании! Открывай, я тебя на своей тачке подвезу!..

Щелкнула задвижка, дверь начала приоткрываться, но этого оказалось достаточно, чтобы Семенов резко дернул ее на себя, а в образовавшийся проем друг за другом ворвались Дворецкий и Петренко. И через мгновение еще не успевшему как следует перевернуть услышанную информацию, опешившему, с недоуменным, заспанном взглядом Евдокимову Дворецкий направил пистолет между глаз и рывкнул:

— Не корчи из себя Рэмбо! Дернешься — мозги вышибу!..

Пистолеты Петренко, Рогова и Семенова дали ему понять, что больше допускать оплошности никто не собирается...

Анатолий Александрович БОГДАНОВИЧ родился в 1941 году в Ростове-на-Дону. Работал на шахте, осваивал целину, служил во внутренних войсках. Он автор четырнадцати поэтических книг, член Союза писателей России.

Уже долгие годы тяжелейший недуг приковывает его к постели, но держится наш однополчанин, не сдается. Предлагаемая вашему вниманию подборка — тому подтверждение.

ЧТОБ ЖИЛА ОЖИДАНЫЕМ ДУША...

ИСПОВЕДЬ

Удивляться не перестаю,
Что живу и жить не устаю,
Что могу в березы забрести,
Скошенной траве сказать:

«Прости!»

И, себя тропинкам раздарив,
Паутины уловить мотив.
Удивляться не перестаю,
Что любовь совсем не узнаю:
В постоянстве грешной красоты
Каждый раз меняются черты,
Словно речка в поворотах лет
Неземной переливает свет.
Удивляться не перестаю —
Власть звезды небесной признаю.
Вот она, молчание храня,
Не мигая, смотрит на меня.
И когда задует тьма свечу,
Ни о чем пред ней не умолчу.

В переднем углу образа
Со мною в беде и в веселье.
Икона — окно в небеса,
Откуда и свет, и спасенье.
Мерцает покоем оклад,

И мысли свободны от боли.
Молитвенной медью закат
Согрел утомленное поле.
Стою и дышу синевой,
И кажется, в бороздах где-то
Таится тот отблеск живой,
Что в нас не находит ответа.
Незримо течет по ветвям
Дыхание звездной лавины.
Но сроки, что выпали нам,
Как росы — едва уловимы.
И жалкая суетность дня
Уже за пределом желаний...
И нет ничего у меня —
Лишь русское небо страданий.

Смех приемлю, гнев приемлю —
Не сойти б с ума.
Затопила снегом землю
Буйная зима.
Плещут звезды бубенцами —
Звонче не найти.
И на ветках замерцали
Млечные пути.
Ветер греет, ветер студит
В суতোлке дней.
Сколько веток — столько судеб

На земле людей.
Рвутся ветки прямо в небо,
Обнимая высь.
И моя кривая слепо
Тянется всю жизнь.
Может, к той звезде,
что вскоре

Канет за черту
И нечаянно расколет
Тайную мечту
О наивности бессмертья,
Хрупкого, как лед...
Тает снег. Но вы не верьте,
Что совсем сойдет.
Обернется белой вишней
И в один из дней
Упадет пером на крышу
С криком лебедей.
Млечный снег с небес завьется,
Обманув прогноз.
В белой роце отзовется
Вьюгою берез.

ГАЛОП

Все! Седлайте коней —
Никакой передышки!
И по вешней земле
из аллюра в галоп.

ПОЭЗИЯ

Принимая в упор
маков яркие вспышки,
Я скачу и скачу,
обгоняя озноб.
Вся рубаха на мне
пропотела до нитки
И слепнями исхлестана,
будто кнутом.
Погодите справлять
по каурым поминки,
Ведь еще неизвестно,
что будет потом.
Лошадиная сила,
как прежде, в расчетах —
То в космической мгле,
то в сырой борозде.
Дунет ветер,
и в рыжих нечесаных челках
Выступает по белой
мохнатой звезде.
В ковчеге,
как в песках
серебристо-зыбучих,
Словно вечным пером
проскрипит коростель.
Я сегодня, быть может,
последний табунчик
В этом мире летящих
сквозь дым скоростей.
Ничего не слышать
за бетонной дорогой,
Не видать никого
за стальным полотном...
Все! Седлайте коней,
и с вершины отлогой
Общий сбор возвестите
гривастым костром.
Будет рваться огонь
и вытягивать шею,
Будто гордый скакун,
устремляясь вперед...
Подойди, человек,
я тебя пожалею —
Ты не знаешь,
как степь под копытом поет.
Ты не знаешь...

СЕРГИЕВ КАМЕНЬ

Блестели наконечниками копыта,
Щиты червленые равняли строй.
И облаков мерцающие хлопья
Куда-то ветры гнали стороной.
Стояли люди, преклонив колена,
Молитвою просторы окрыля,
Которую светло и вдохновенно
Творил игумен,
выйдя к ним в поля.
В славянском небе
разглядев истоки
Спасенья веры и родной земли,

Он перед князем, ладным
и высоким,
Вдруг что-то в зыбкой
подобрал пыли.
То камень был.
Породы твердой камень.
Его возвысив,
как из ножен сталь,
И стиснув всемогущими руками,
Изрек игумен:
«Княже, камнем встань!..»
Слова застыли,
как набат в тумане,
А путь-дорога к Дону пролегла.
У каждого дружинника
в кармане
Была крупица Божьего тепла.
Раздали камень,
что вручил игумен
И что зажжет
победные костры...
В великом ликовании и гуле
О нем забыли даже гусяры.
А в поле синь
на инее прогорклом,
А в поле дождь
звенит, как тетива.
И кажется —
мелькнула за пригорком,
Как сена стог,
в шеломе голова...

ПОБУДКА

Оборвите телефоны —
Эта жизнь не для меня...
Закажу казачью форму.
Все продам. Куплю коня.
То рысцою, то наметом
Поскачу к просторам лет,
Где в степи живым и мертвым
Небо долго смотрит вслед.
Будут всполохи ромашки,
Ветра свист, как тетивы.
Будут ночи, как монашки,
И хмельной разгул травы.
Расстелю к закату бурку
И гулять пушу коня.
И сыграет мне побудку
Тополь, листьями звеня.
Вот она — земля родная!
И в четыре стороны,
На соломинках играя,
Свет встает из тишины.
Скрипнут в хуторе ворота,
Распахнув заботы дня.

И застыв у поворота,
Стихнет дождь, признав меня.
Вольной вольницей поманит
Степь куда-то за туман,
Где, как прежде, атаманит
На плече с орлом курган.

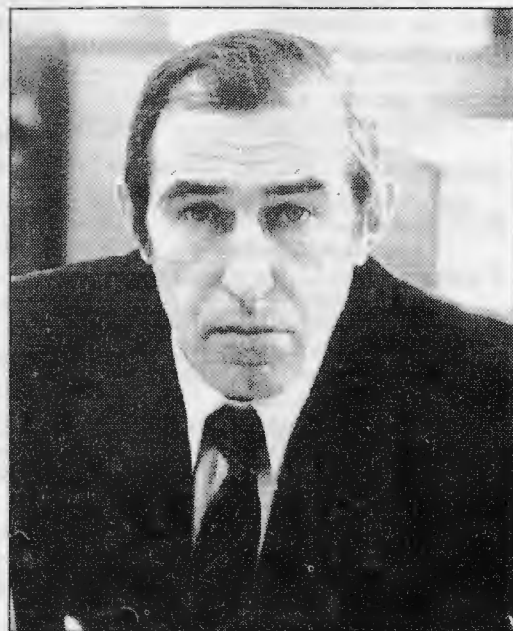
Все, кто лег под крестами,
Чья душа вознеслась,
Между ними и нами —
Неразрывная связь.
Ничего не бывает
На земле просто так:
Если день убывает —
Разгорается мрак.
Та дремучая сила,
Что боится икон,
Что лампаду гасила
И стоит у окон...
Всякий дом и селенье
Без молитвы — пусты.
И нисходит прозренья,
Будто свет от звезды.
И теряемся где-то
Мы в разладе с судьбой...
Расстояние света
Ощутив за собой.

ПОСЛЕ ВСЕГО

После всего
помолчите в раздумье,
Красного выпейте
с хлебом вина.
И сиротливую свечку задуйте,
Как это было во все времена.
И от виска паутинкою тихо
Грусть отлетит
и растает во мгле.
Нет у природы ничтожнее мига,
Чем человеческий век на земле.
После всего повторите молитву,
Все остальное не стоит гроша...
Чуть приоткрытой
оставьте калитку,
Чтобы жила
ожиданьем душа.

Встреча для вас

Заслуженный мастер спорта СССР, трехкратный чемпион Олимпийских игр, неоднократный чемпион мира, Европы, Советского Союза, прославленный хоккеист Анатолий ФИРСОВ назначил встречу у стадиона «Динамо». В автомобиле легендарного спортсмена и состоялась наша беседа.

В ХОККЕИ ИГРАЮТ НАСТОЯЩИЕ...

— Анатолий Васильевич, как вы оцениваете выступление сборной России по хоккею на чемпионате мира этого года в Норвегии?

— Я не могу дать объективную оценку игре наших ребят, потому что смотрел всего лишь один матч, когда россияне встречались со сборной Швеции и, к сожалению, проиграли.

— Вы не смотрели чемпионат, потому что у вас не было свободного времени? Или вам было просто неинтересно?

— Там не на что и не на кого

было смотреть, потому как в команде отсутствовали личности.

Я в свое время очень любил наблюдать баскетбольные матчи с участием Белова и Сабониса, футбольные поединки динамовцев Киева и Тбилиси, московского «Спартака». Там играли поистине неординарные личности.

— К разговору о роли личности в спорте мы с вами еще вернемся. Скажите, а какие шаги предприняли бы вы для формирования национальной сборной, если бы вас назначи-

ли главным тренером команды?

— Во-первых, скажу сразу: я просто отказался бы от должности главного тренера, потому что давно уже отошел от хоккея и больше занимаюсь вопросами политики. Во-вторых, всегда был противником случайных людей на различных ответственных должностях. Считаю, что не на своих местах в тогдaшнее время были и Гавриил Попов, и Аркадий Мурашов, и Сергей Станкевич... В-третьих, желаю, чтобы Саше Якушеву дали поработать

со сборной хотя бы два-три года. Лишь после этого можно ждать от команды России каких-то результатов. Однако у нас в стране сложилась порочная практика: менять главных тренеров каждый год, то есть после очередных неудач на чемпионатах.

— Вы считаете, что Якушеву и Билялетдинову удастся создать хоккейную дружину, способную побеждать на состязаниях самого высокого уровня?

— Думаю, да, но, повторяю, для этого потребуются время. Кстати, Зейнатула Билялетдинов сколотил отличный динамовский коллектив. Якушеву тоже приходится нелегко: он и со «Спартаком» работает, и со сборной. Согласитесь, в любом деле нужен какой-то разбег.

— Как, по-вашему, Анатолий Васильевич, оправдал ли себя в свое время принцип комплектования сборной СССР на базе ЦСКА? То есть когда лучшие игроки клубных команд бывшего Советского Союза призывались в армейский коллектив?

— Начну сначала... Базовая команда ЦСКА создавалась в 1961 году. Яркие звезды на ледовых площадках еще не загорелись. По мнению тренеров, неплохие надежды подавали мы с Рагулиным.

Другое дело, когда базовую команду собрал и возглавил Виктор Васильевич Тихонов. Здесь можно поспорить о целесообразности приглашения в армейский клуб и Хельмута Балдериса из рижского «Динамо», и Сергея Капустина из «Крыльев Советов», и других мастеров. Но опять же, сборная СССР выиграла чемпионаты мира и Европы, одержала победу на олимпиаде...

— Значит, вы считаете, что победителей не судят?

— Именно так. Однако я тогда был ярым противником такой, на мой взгляд, порочной практики. Выступал за то, чтобы две пятерки в сборной представлял ЦСКА, а остальные бы формировались за счет сильнейших игроков других команд страны.

— Какой клуб мог бы сейчас стать базовым для сборной России по хоккею?

— Думаю, что на сегодня это московское «Динамо». Неплохой коллектив, хороший тренер. У команды имеются уже определенные наработки. Несколькими годами раньше базовым клубом могли стать «Крылышки», когда их возглавлял ныне покойный Игорь Дмитриев.

— Какова ваша оценка поступка Вячеслава Фетисова (дело-то прошлое!) по отношению к Виктору Васильевичу Тихонову, когда капитан сборной страны после шумного скандала, громко хлопнув дверью, уехал в Канаду? Неужели нельзя было и тренеру, и ведущему игроку вопрос этот решить более цивилизованным путем?

— Конечно, можно было! Скажу, что обстановка перед этим скандалом накалялась давно. А решать все надо было гораздо проще. В Чехословакии, например, хоккеистам после 30 лет разрешалось уезжать в другие страны подзаработать себе на жизнь. По этому поводу у них было принято соответствующее решение федерации хоккея.

Точно так же могли сделать и у нас. Многим ребятам в сборной перевалило уже за 30, и им хотелось уехать поиграть за хорошие деньги в Канаду, Америку. Тем более времена изменились. И кто тогда не смог вырваться на заработки за границу, те сейчас остались в России нищими.

Взять, к примеру, меня... Я восьмикратный чемпион мира, семикратный чемпион Европы, трижды получал золотые медали на Олимпийских играх, не говорю уже о количестве медалей, завоеванных на первенствах СССР. И что? У меня фактически ничего нет.

— Извините за нескромный вопрос: какую пенсию платит государство прославленному хоккеисту?

— Мне платят 800 рублей. Только 500 из них я расходую на приобретение лекарств. У меня язва, поэтому необходимо постоянно ее подлечивать.

— ?!

— Скажу честно, в то время я был на стороне тех ребят, которые, достигнув определенного возраста, выразили желание поехать играть за рубеж. И если бы тогда этот вопрос федерация хоккея, тренер сборной решили бы умно и правильно, то сейчас бы российская команда выглядела гораздо сильнее.

Получилось-то что? Вместе с ветеранами сбежали за кордон 18-20-летние мастера. И сейчас они приносят славу стране кленового листа.

— Скажите, а вам никогда не предлагали заключить контракт с какой-нибудь зарубежной командой?

— Почему не предлагали? В 1973 году канадцы приглашали меня поиграть за одну из клубных команд.

— И вы отказались?

— Я не мог тогда дать согласие. За нас решение принимали другие: функционеры от федерации хоккея, от ЦК партии и т. д. Когда они узнали об этом, для них я стал врагом номер один. Пинали и швыряли меня из угла в угол, как провинившегося котенка. Да что теперь вспоминать...

— Давайте вернемся к лучшим страницам истории отечественного хоккея... «Знаменитый щелчок Фирсова» — этот термин часто употреблял в своих незабываемых репортажах многоуважаемый Николай Николаевич Озеров. Это высказывание не сходило с уст молодого поколения конца 60-х — начала 70-х. Анатолий Васильевич, расскажите, пожалуйста, нашим читателям, почему все-таки именно ваш щелчок, а не чей-то другой, стал знаменитым?

— В свое время я много работал над щелчком. И Анатолий Владимирович Тарасов здорово помог отработать технику броска. Он давал мне в руки металлический гриф от штанги с надежным на него небольшим блином. Этим железом я имитировал щелчки. Во время таких тренировок развивался и кистевой, и локтевой, и плечевой бросок.

— Насколько мне известно, по тем временам мощнее вашего щелчка не было ни у кого из наших советских хоккеистов?

— Нет, щелчка такого не было ни у кого. Но был сильнейший кистевой бросок у спартаковца Виктора Блинова. Позже неплохо, почти без замаха, бросал мой одноклубник Александр Гусев.

— Мне еще помнятся мощнейшие броски с длинным замахом армейца Владимира Петрова, когда он играл в тройке с Валерием Харламовым и Борисом Михайловым...

— Да, но вы поймите меня правильно: главное, чтобы вратарь не успел увидеть момента полета шайбы от клюшки до ворот. А когда игрок долго готовится да еще замашивается для броска, то вратарь без труда парирует такие шайбы.

— Анатолий Васильевич, на-

шим читателям интересно было бы узнать: где вы начинали заниматься хоккеем, в каком городе, у какого тренера?

— Начинать в Москве, потому что родился и вырос в этом городе, в районе Богородского, на 4-й Гражданской улице. Впервые клюшку в руки взял, когда мне

было лет шесть. Ломали с ребятами сучья деревьев, разогревали их в кипятке и гнули. Позже играли металлическими клюшками. Все это происходило на катке «Сокольники». Помню, наша 362-я школа во время соревнований на стадионе Юных пионеров заняла второе место среди московских школ.

В 11 лет меня пригласили играть за команду завода «Красный богатырь». Это было в 1952 году. С утра до вечера пропадали на стадионе «Зенит» (сейчас он называется «Алмаз»). Потом мой приятель Виктор Ежов перетащил меня в «Спартак».

— А как вы оказались в ЦСКА?

— Когда получил повестку в армию, мне пришлось три дня скрываться у тренера Александр

ра Никифоровича Крещенова. Он мне тогда сказал прямо: «Я тебе столько не дам, сколько может дать Тарасов. Переходи в ЦСКА, не пожалеешь». Приезжаю домой на «Кировскую» (мы там жили с супругой и ребенком), а в квартире меня уже ждут военком и начальник

отделения милиции. В 11 утра они меня вывели из подъезда под руки, а вечером я уже на поезде ехал играть в Ригу за ЦСКА.

— Хорошую школу вы получили у Тарасова в армейском клубе?

— Да, конечно. Но мне не хотелось бы обижать и других своих наставников. Например, Александра Ивановича Игумнова, который одним из первых, когда я еще играл в русский хоккей, научил меня правильно ставить корпус по отношению к воротам и вратарю. Он же пригласил меня в спартаковскую команду играть в хоккей с шайбой.

— Много ли партнеров по тройке нападения было у вас?

— Я играл сначала с Сенюшкиным и Волковым. Затем с Волковым и Дроздовым. Позже с Ви-

куловым и Полупановым. Потом с Харламовым и Викуловым.

— Если не секрет, Анатолий Васильевич, почему после Олимпиады в Саппоро в феврале 1972 года, когда сборная СССР заняла первое место, а пятерка в составе нападающих Викулова, Фирсова, Харламова, защитников Лугченко и Рагулина впервые в истории мирового хоккея в полном составе (включая вратаря Владислава Третьяка) была признана сильнейшей на Олимпийских играх, вас не пригласили в апреле в Прагу на чемпионат мира?

— Не знаю. Мне трудно об этом что-либо сказать. Но на меня почему-то началось давление со стороны Спорткомитета СССР, Федерации хоккея и даже ЦК партии. Так что пришлось покинуть не только сборную страны, но и ЦСКА.

— В каком звании вы уволились в запас?

— В звании подполковника.

— Как сложилась ваша дальнейшая судьба после того, как ушли из большого спорта?

— Поначалу был на тренерской работе в ЦСКА вместе с Константином Локтевым и Вениамином Александровым. Затем на два года уехал работать в Польшу... Вот так я и расстался с большим хоккеем.

— Да, невесело как-то получилось...

Что ж, давайте теперь поговорим о личности в хоккее. Не секрет, что раньше зрители ходили «на Харламова» и «на Третьяка», «на Якушева» и «на Фирсова». Теперь, к сожалению, подобного нет.

На чемпионате мира этого года в Норвегии сверкнула личность Яшина. Но один, как говорится, в поле не воин. Ваша точка зрения о роли лич-

ности в отечественном хоккее.

— Дело в том, что раньше каждый игрок представлял школу определенного тренера. К примеру, Эпштейна или Кострюкова, Тарасова или Чернышова. У каждого наставника была своя изюминка в подготовке хоккеиста. Поэтому спортсмены различных клубов не были похожи друг на друга как две капли воды.

Вспомните, у Кострюкова была специфическая тройка: Снетков — Якушев — Цыплаков. У Чернышова: Петухов — Волков — Юрзинов. А как за «Спартак» играли братья Майоровы и Старшинов?! Личности в хоккее формировались наставниками индивидуально. Сегодня же создается впечатление, что все тренируются однообразно, поэтому игры на первенство России выглядят бледными и скучными.

Что касается Яшина, скажу, что это настоящий мужчина, который предан нашему хоккею, нашей стране.

— Возможно ли сейчас воспитать личность в российском хоккее?

— Трудно ответить на этот вопрос. Воспитывать нужно было лет 15-20 назад, чтобы сейчас не плестись в хвосте турниров на первенство мира, Европы, на Олимпийских играх.

Посмотрите, все стадионы, катки, спортивные площадки либо распроданы, либо отданы в аренду коммерческим фирмам. Как в таких условиях тренерам можно спокойно работать? Раньше, помню, в ЦСКА каждую осень приходило по 2-2,5 тысячи кандидатов. Мы могли выбрать из числа молодежи самых лучших. Теперь же всего 25-30 человек ежегодно стремятся попасть в команду мастеров армейского клуба. Разве это нормально?

Мне, к примеру, нравится позиция Президента Беларуси Александра Лукашенко (кстати, не так давно я беседовал с ним), который все спортивные сооружения страны передал в безвозмездное пользование известным спортсменам. Меня это просто удивило! Считаю такое решение Лукашенко правильным, потому что оно направлено на оздоровление нации.

У нас, к сожалению, дела обстоят совершенно по-другому. Когда прославленный волейболист Юрий Чесноков просится на прием к начальнику ЦСКА, а тот спрашивает: «А кто такой Чесноков?», меня это, честно говоря, несколько шокирует. Чего греха таить, я и сам несколько раз пытался встретиться с Барановским, но безуспешно. Вот вам, пожалуйста, кто нами руководит. А ведь это вице-президент Олимпийского комитета!

— Анатолий Васильевич, мы очень хорошо знали Валерия Харламова как личность в хоккее, но мало было известно о нем как о человеке. Хотелось бы услышать из первых уст об этом замечательном спортсмене.

— О нем уже много сказано и написано. Говорить что-то плохое про Харламова просто невозможно. Это — выдающаяся личность в нашем хоккее. Валерий — добрейшей души человек, всегда радовался каждому маленькому успеху, каждой победе. До бесконечности был предан коллективу, за который выступал. Ему было без разницы, с кем играть в одной тройке. Он мог найти общий язык с любым партнером.

Когда Валеру 18-летним парнишкой отправили в Чебаркуль Челябинской области, он поехал туда с удовольствием. Играл се-

КАЛЕЙДОСКОП

зона полтора за местную команду, шлифовал свое мастерство. Был ведущим хоккеистом клуба, любимцем публики. Из 60 минут чистого времени на льду находился по 40-45. Это настоящий патриот советского спорта.

... Однажды мы с Харламовым возвращались из Канады, и у самолета, на котором летели, отказали две турбины. В Москве нас не посадили, пришлось тянуть до Ленинграда. На подлете к аэропорту шаровая молния долбанула в неисправные турбины. Они загорелись. Можете себе представить, какое было состояние у пассажиров. Все находились в шоке. Лишь Валерка Харламов улыбался как ни в чем не бывало и шутил: «Чему быть, Василич, того не миновать...» Приземлились удачно. Правда, потом долго смеялись. Наверное, с перепугу.

— Видимо, предчувствовал Валерий, что погибнуть ему придется не в воздухе, а на земле, в автокатастрофе...

— Да, просто удивительный был человек Валера Харламов. Светлая ему память!

— Наверное, у каждого хоккеиста остаются хорошие, радостные воспоминания об отлично проведенных играх. Каккой, по-вашему, самый яркий матч вы сыграли в составе сборной СССР?

— Запомнилась встреча со сборной Канады в 1967 году на чемпионате мира. Я забросил шайбу, которую... не видел. А получилось так. Уставший, «дохлый» поехал к бортику на смену. Чтобы дать возможность заменить ребятам, сильно бросил в сторону ворот противника и... сравнял счет. 1 : 1. А Славка Старшинов в том матче забил решающую шайбу, и мы стали чемпионами.

— Сколько просуществова-

ла знаменитая тройка Викулов — Фирсов — Полупанов?

— Три года: с 66-го по 68-й.

— Чем вы занимаетесь сейчас, Анатолий Васильевич?

— Мы создали фонд «Маршал Жуков», возглавляет который дочь легендарного полковнца Маргарита Георгиевна. В правление фонда входят также Валентина Толкунова и Олег Сотников. Наша общественная организация будет выдвигать своих кандидатов в Государственную Думу.

— То есть вы сейчас далеки от спорта и занимаетесь в основном политикой?

— Почему только сейчас? Я еще в 1989 году был избран народным депутатом Верховного Совета СССР и работал там до самого развала Советского Союза.

— Часто ли бываете за рубежом?

— Много приходится ездить по странам Западной Европы. Бываю в Швейцарии, Франции, Испании, Германии, Польше. Путешествую на своей «Волге», консультирую и тренирую заграничных ребятшек. А вот в России мне, к сожалению, работы никто не дает.

— Если можно, скажите несколько слов о своей семье.

— У меня хорошая, дружная семья. Мы с супругой воспитали дочь и сына. Сейчас растут двое внуков и внучка. Все они занимаются спортом. Внучка ходит на фигурное катание, старший внук неплохо владеет приемами каратэ, младший пошел по моим стопам, осваивает азы хоккея.

— Каковы ваши ближайшие планы на будущее?

— Буду выдвигать свою кандидатуру на выборы в Госдуму.

— Что бы вы пожелали воен-

нослужащим внутренних войск?

— Желаю, чтобы как можно быстрее была создана профессиональная армия. Только тогда в войсках будет порядок. К слову, мой сын в свое время закончил в Ленинграде военную академию, дослужился до звания капитана и оказался никому не нужным. А как он был влюблен в военное дело!

Желаю всем военнослужащим дружить со спортом, быть сильными и выносливыми, никогда не пасовать перед трудностями.

— Благодарю за интервью. Желаю вам, Анатолий Васильевич, всяческих удач! Хотелось бы в ближайшее время видеть вас в депутатском кресле в обновленной и работоспособной Государственной Думе Российской Федерации.

Беседу вел
подполковник
Геннадий ШАХОВ

Фото из альбома
Анатолия ФИРСОВА

Страна детства

*Заканчивается чудесная пора — лето.
Время отпусков и каникул, время веселого,
звонкого отдыха ребятни в детских лагерях.
Подходит к концу и смена в оздоровительном лагере
внутренних войск МВД России «Таруса».
О том, в каких условиях отдыхают здесь
дети офицеров, прапорщиков и служащих,
сегодня наш рассказ.*

**ПРИБЕЗЖАЙТЕ
К НАМ В «ТАРУСЫ»!**

Перед поездкой в Тарусу вспомнился далекий июнь 1983 года... Мне, тогда еще солдату срочной службы, предложили поработать вожатым в пионерском лагере «Дзержинец». Причем пообещали отправить туда на все лето. Вот радости-то было! Мама прислала из дома и штатскую одежду, и спортивную форму, и, конечно же, алый галстук, который в последний раз надевал в 1979 году, когда, будучи студентом пединститута, проходил пионерскую практику под Рязанью. Однако у бывшего начальника «Дзержинца» — ныне майора в отставке Льва Михай-

ловича Гвоздева — что-то не получилось. Словом, не смог он договориться с начальством, и моя поездка в пионерлагерь так и осталась мечтой. Обидно было до слез.

Лишь спустя восемь лет эта мечта стала реальностью. В августе 91-го я впервые побывал в «Дзержинце», расположенном в живописнейшем месте Калужской области — городе Тарусе, недалеко от быстрой речушки с одноименным названием.

Воздух здесь — просто чудо! В нем ощущается и терпкий настой хвои, и густой, одурманивающий запах мяты с примесью ду-

шицы, и тонкий аромат липы с привкусом лугового разнотравья. О чистоте окружающей среды в этих местах красноречиво свидетельствует такой факт: на протяжении почти 40 лет в Тарусе врачи не зарегистрировали ни одного случая онкологического заболевания.

В оздоровительном лагере «Таруса» (до недавнего времени он именовался «Дзержинцем») созданы все условия, необходимые для полноценного отдыха детей. Есть на его территории большое зеленое футбольное поле — мечта каждого мальчишки; отличные волейбольная и баскетболь-

ная площадки. Прямо под густыми кронами деревьев — столы для игры в теннис. А с каким удовольствием ребяты бежит на занятия стрелкового кружка! Девочкам же нравится часами заниматься в кружке мягкой игрушки. Его руководитель — Галина Николаевна Соломина — вот уже почти пятнадцать лет бесменно работает в «Тарусе».

Прибытие и выезд каждой смены в детском оздоровительном лагере по традиции принято отмечать огромными кострами. На зеленой лужайке возле речки в такие вечера особенно звонко раздаются задорные детские голоса. Ребята участвуют в различных играх, конкурсах, поют песни. Конечно же, не обходится без всеми любимой дискотеки, во время которой отдыхающие имеют возможность блеснуть мастерством исполнения современного танца. Самые активные, веселые и находчивые награждаются памятными призами.

Интересно и увлекательно проходит в лагере день Нептуна. Дети заранее начинают готовиться к театрализованному представлению: разучивают стихи и песни, танцы, сценки. Раз-

рабатывается целый сценарий. Праздник шуток и смеха проходит на берегу речушки. В нем участвуют практически все, включая обслуживающий персонал и военнослужащих роты, дислоцирующейся в Тарусе.

Всех желающих познакомиться с достопримечательностями старинных русских городов Калуги и Серпухова с нетерпением ждут местные экскурсоводы. В самой же Тарусе вы можете не только поклониться могилам Константина Паустовского и до-

чери Марины Цветаевой, но и встретиться с известными писателями, актерами, художниками, другими знаменитостями. Сюда, в свой домик, частенько приезжает народный артист СССР Петр Вельяминов. Стоит переправиться на противоположный берег Оки — и вы в незабываемом Поленове...

Этим летом детский оздоровительный лагерь внутренних войск МВД России «Таруса» отметил свое 50-летие. К сожалению, не было помпезности и праздничных фейерверков, торжественного построения и духового оркестра. К сожалению, на проведение юбилея не выделили ни копейки. Начальник лагеря подполковник Анатолий Павленко стучался, как говорится, во все двери. Но ни одна инстанция (и даже мэрия Москвы) не протянула руку помощи, чтобы организовать для детей настоящий праздник.

В заключение хотелось бы отметить чуткое руководство лагерной комиссии. Она проводит кропотливую работу по подготовке «Тарусы» к заезду детей, чтобы их отдых был полноценным и беззаботным.

По натуре спокойный и уравновешенный человек, начальник лагеря Анатолий Иванович Павленко болеет душой за каждого отдыхающего ребенка. Он и его подчиненные делают все возможное (а порой и невозможное) для нормальной работы детского оздоровительного учреждения.

Так что приезжайте, дети, в «Тарусу»! Шеф-повар Надежда Загородникова приготовит для вас в столовой вкуснейшие блюда, которых вы дома никогда не попробуете!

Геннадий КАЗАКОВ

Фото Александра
АЛЕКСАНДРОВА

По редакцией
мастера спорта Александры КАЛИНИНА

Художественный стиль

становятся очень активными. 15. С:f7+!! Кр:f7 16. Фb3+ Кре8 17. Kd5 Cd6 18. Ke6 b5 19. Kdc7+ Кре7 20. Kd4 Kpf8 21. Ka8, черные сдались.

И еще одна довольно необычная партия.

Э. Гуфельд — Т. Петросян. Москва, 1969. Дебют трех коней.

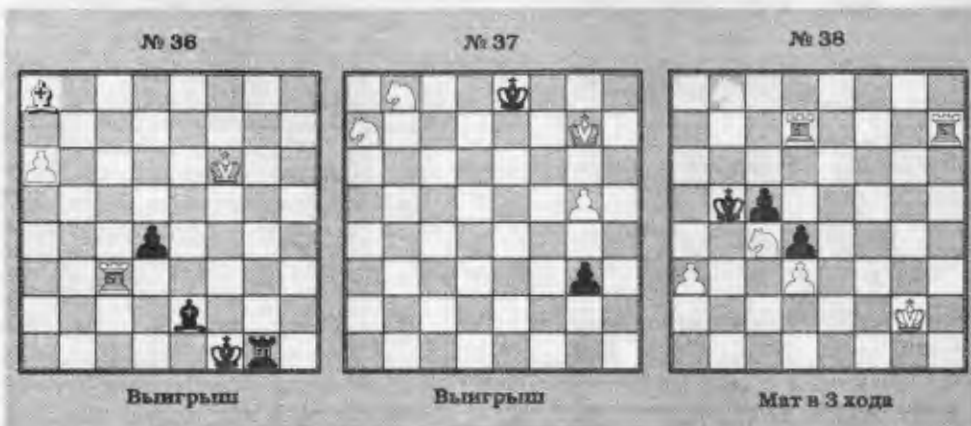
1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Kc3 g6 4. d4 ed 5. Kd5 Cg7 6. Cg5 Kce7 7. K:d4 c6 8. Kc3 h6 9. Ce3? Kf6 10. Cc4 0-0 11. Фf3? d5 12. ed c5! 13. Kdb5 a6 14. d6 Kf5 15. Kc7 K:d6 16. 0-0-0 Ф:c7 17. Cf4 Cg4 18. Фd3 b5 19. Cd5 Lad8 20. f3 b4 21. Ф:g6 Kph8 22. Фd3 bc 23. fg Фb6 24. b3 Фb4 и белые сдались.

Любители шахмат никогда не забудут девятого чемпиона мира!

Оставьте свой след в истории шахмат!

С таким призывом обратился ко всем любителям шахмат московский шахматист А. Чигишев, решивший издать книгу коротких партий, оканчивающихся до 25-го хода. Почему коротких? Дело в том, что в них, как правило, содержатся красивые комбинации, эффектные тактические удары, ловушки, жертвы. Поэтому они пользуются наибольшим вниманием широкой аудитории любителей шахмат.

Составитель книги просит всех шахматистов присылать ему свои короткие партии. Есть ли у вас такие? Если есть, то посылайте, срок присылки еще не истек. Подробности об этом читайте в журнале "64 — Шахматное обозрение" № 5, 1999 г. Желаем успеха!

В художественном стиле творческим побудителем для композитора являются чувственные идеи, т. е. содержательные в психологическом отношении комбинации.

Решение № 36: 1. Лc1+ Kpf2 2. Л:g1 Кр:g1. Черный король привлечен на поле g1 и теперь проходит главный вариант. 3. a7d3 4. Ch1!! — неожиданный и парадоксальный ход, душа этюда! 4...d2 5.a8Ф d1Ф 6. Фg2X!

В № 37 расстояние между "белой кавалерией" и грозной черной пешкой так велико, что мысль о погоне кажется фантазией. И все же 1. Kac6! g2 2. Kd7!! с угрозой 3. Kf6X. 2...Кр:d7 3. Ke5+ Кре6 4. Kf3 и пешка задержана.

Трехходовку № 38 предлагаем решить, в ней два красивых варианта.

Любители гетеродоксов! Посмотрите вначале любопытную задачу К. Кемпа (1948): Kpg1, п.e2 (2) — Кре8, Фd8, Ла8, Сс8. Kb8, пп. a7, e7, f7 (8), кооперативный мат в 5 ходов. У белых всего одна пешка. 1. e4!

Фd5 2. ed Kc6 3. dc Cb7 4. cb Лc8 5. bcФX.

Следующие же задачи предлагаем решить.

№ 39. Kpd4, Лc8, Cf2, Cg2, Kh3, п. g4 (6) — Kph2, Фg3, пп. f3, h4 (4), кооперативный мат в 2 хода.

№ 40. Кра4, Фе6, Лc1, Сс7, Kf6, пп. b3, e3, e4 (8) — Кре5, Са6, Кс4, п. c6 (4), обратный мат в 3 хода.

Юбилей экс-чемпиона

В этом году рано ушедшему от нас девятому чемпиону мира Петросяну Тиграну Вартановичу (1929—1984) исполнилось бы 70 лет. Весь шахматный мир отмечает эту дату талантливого, жизнерадостного и общитель-

ного Тиграна. В Москве прошел турнир, посвященный памяти Петросяна. В нем участвовали В. Смыслов, Б. Спасский, М. Тайманов и другие. О его результатах мы сообщим в следующем номере.

Приводим короткие партии, сыгранные Петросяном в разные годы.

Т. Петросян — В. Корчной. Кюрасао, 1962. Английское начало.

1. c4 c5 2. Kf3 Kf6 3. d4 cd 4. K:d4 g6 5. Kc3 d5 6. Cg5 dc 7. e3 Фа5 8. С:f6! ef 9. С:c4 Cb4 10. Лc1 a6 11. 0-0 Kd7 12. a3 Ce7? Слона не на своей диагонали стоило разменять на коня. 13. b4 Фе5 14. f4! Фb8. После 14...Ф:c3+ 15. Kph1 белые

(На боевом посту, № 7, 1999)

№ 32. Кра5, Лh4, Cb1, Ch8, пп. a4, b3, c2 (7) — Кра3, пп. a7, b4, b2 (4), мат в 4 хода. 1. Л:b4 a6 2. Кр:a6! Кр:b4 3. Cd4 Кра3 4. Ce5X!

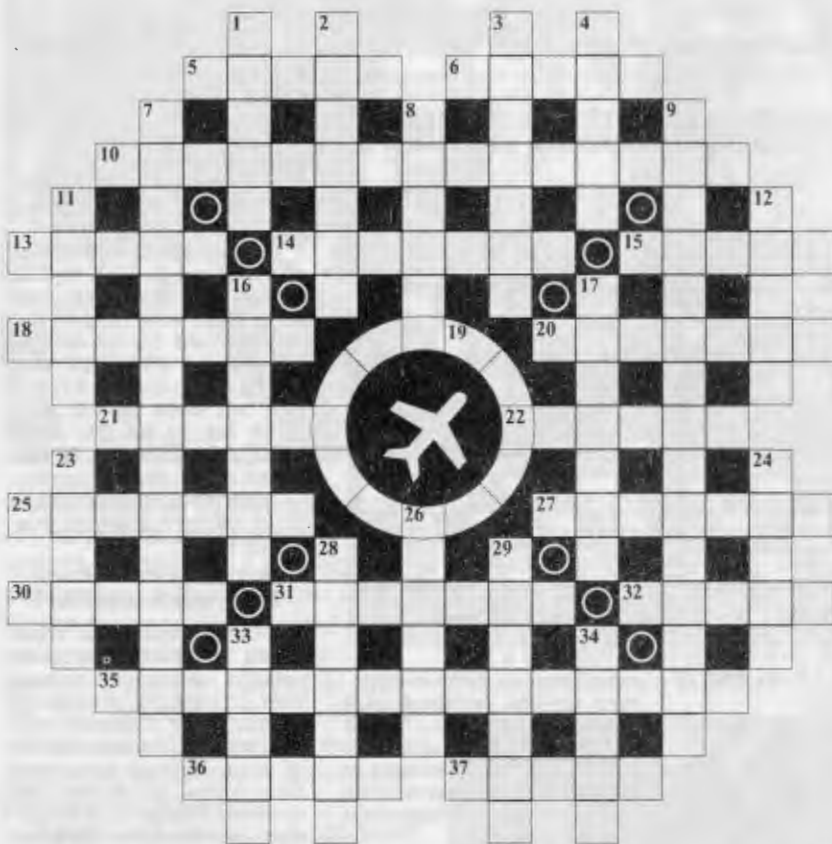
№ 33. Кре2, Ке6, Kf6, пп. a4, e3 (5) — Кре4, пп. c5, e7 (3), мат в 4 хода. 1. Kf4 c6 2. Kd5! cd 3. Kd7 d4 4. Kb6X!

№ 34. Kpg3, Лb3, Cb4, Kf4 (4) — Кре4, пп. b5, d2, d6 (4), кооперативный мат в 2 хода. 3 решения. 1. d1K! С:d6 2. Кс3 Лb4X! 1. d1C! Ле3 2. Cb3 Ле4X! 1. d1Л! Са5 2. Лd4 Лс3X!

№ 35. Кра4, Фd7, Сс8, Kf7, Kg5, пп. b3, b4, e3 (8) — Kpd5, Фd6, п. e7 (3), обратный мат в 5 ходов. 1. Cb7+ e6 2. Фf5+ Фе5 3. Фd3+ Фd4 4. Фb5+ Фе5 5. Кра5 Ф:b5X!

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Маршал авиации, Герой Советского Союза. 6. Гибкий рукав для подводки горючего к бакам самолета от заправщика. 10. Прибор для определения углового направления на объект (цель). 13. Переносная радиостанция малой и средней мощности. 14. Английский самолет вертикального взлета и посадки. 15. Снежная буря. 18. Участница партизанского движения 1941-1943 гг. в Калининской области, Герой Советского Союза. 20. Советский полководец, генерал армии, в период войны командовал войсками Воронежского, Юго-Западного и первого Украинского фронтов. 21. Название одного из основных боевых порядков самолетов в строю. 22. Французский самолет, принимавший участие в первой мировой войне. 25. Главный маршал авиации, с 1941 г. командовал ВВС Советской Армии. 27. Советский авиаконструктор, создатель штурмовиков, реактивных бомбардировщиков, пассажирских самолетов и трансконти-

нентального лайнера. 30. Полет самолета с креном по кругу. 31. Советский конструктор авиационных двигателей. 32. Часть орбиты, соответствующая одному обороту спутника вокруг Земли. 35. Теория и практика передвижения по воздуху на аппаратах легче воздуха. 36. Военный летчик-испытатель, воевал в Испании в 1937-1938 гг., Герой Советского Союза. 37. Помещение для пассажиров в самолете.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Прибор, измеряющий отклонение самолета от заданного направления под влиянием

ветра. 2. Другое название минерала медный изумруд. 3. Специальная плоская сумка с прозрачным верхом для ношения карт. 4. Сооружение в виде комплекса специальных помещений и технических средств для хранения, технического обслуживания и ремонта самолетов (вертолетов). 7. Прибор для измерения напряжения электрического тока передающих радиостанций. 8. Подвижная поверхность на крыльях самолета, используемая при поворотах и горизонтальном полете. 9. Сплав, используемый для создания цельнометаллического военного самолета. 11. Прием, заключающийся в нанесении крылом или винтом самолета преднамеренного удара самолету противника. 12. Авиационная база США на северном побережье Мексиканского залива. 16. Специально обученный стрелок, в совершенстве владеющий искусством маскировки и наблюдения. 17. Самолет, контролирующий определенный район с целью охраны или поддержания в нем установленного порядка. 23. Мера длины, ранее применяемая для измерения калибра оружия. 24. Летчик, управляющий летательным аппаратом. 26. Временное объединение авиационных подразделений под общим командованием для выполнения поставленной задачи. 28. Немецкий физик XVIII века, автор закона теплового излучения. 29. Авиационная база ВМС США на тихоокеанском побережье (штат Калифорния). 33. Аэропорт в пригороде Сочи. 34. Аэродром ВВС Израиля в 10 км от города Аш.

ПО КРУГУ В ЦЕНТРЕ: 19. Авиационная база США около города Омаха в штате Небраска. 26. Первый летчик-космонавт СССР.

Составил
Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА ИГРУ-ЗАДАЧУ, ОПУБЛИКОВАННУЮ В № 7

1. Аркебуза. 2. Воевода. 3. Батальон. 4. Ананьев. 5. Флагшток. 6. Доспехи. 7. Аванпост. 8. Оборона. 9. «Каратели». 10. Пропуск. 11. Позывной. 12. Патруль. 13. Лавочкин. 14. Торпеда. 15. Освенцим. 16. Патриот. 17. Гарнизон. 18. Нахимов. 19. Разведка. 20. Капонир. 21. Тральщик. 22. Траншея. 23. Оперение. 24. «Колокол». 25. Камергер. 26. Плутонг. 27. Соловцов. 28. Танкист. 29. Соловьев. 30. Карабин. 31. Пистолет. 32. Капсюль.

СУВОРОВСКИЙ НАКАЗ: «БОЛЬШЕ ПОТУ В УЧЕНИИ, МЕНЬШЕ КРОВИ В БОЮ!»

ЖИВЕТ НА ЗЕМЛЕ ЧЕЛОВЕК

Юрия Андреевича Панова, самобытного художника и скульптора из прибайкальского поселка Большая Речка, знают далеко за пределами этого населенного пункта. Заезжающие сюда туристы не устают восхищаться уникальными фигурами, вырезанными Пановым из причудливых пней и коряг. Мастер на все руки, Юрий Андреевич трепетно и любовно украшает российскую землю плодами своего творчества.

Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА

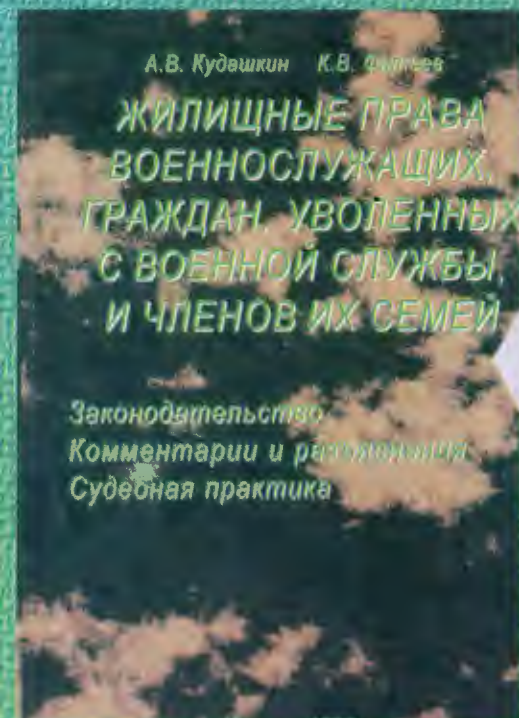
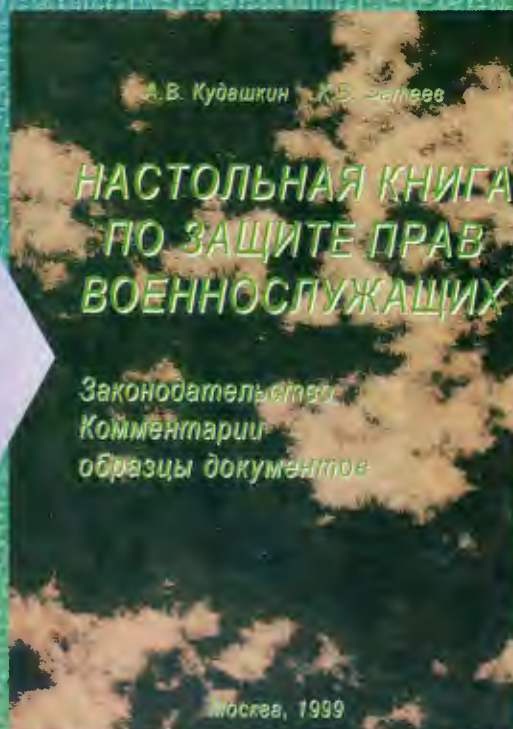

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ “ЗА ПРАВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ” ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВЫЕ КНИГИ

Книга представляет собой справочно-практическое издание, в котором проанализированы многочисленные законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, в том числе ведомственные (Минобороны, ФСБ, МВД, внутренних, пограничных, железнодорожных войск и др.), касающиеся жилищных правовых отношений с участием военнослужащих.

Структура излагаемого материала позволяет получить наиболее полное представление по каждому разделу: правовое регулирование (законодательные и правовые акты), комментарии к ним, судебная практика, рекомендации и советы по решению возникающих правовых проблем. В конце каждой главы помещена рубрика “Правовая неотложка” с ответами на наиболее актуальные жилищно-правовые вопросы.

Настольная книга по защите прав военнослужащих.

Данная книга является уникальным справочно-правовым изданием. Она содержит в себе около 200 образцов и примерных форм рапортов, жалоб, исковых заявлений и комментариев к ним, которые сопровождают военнослужащего с момента поступления на военную службу и по день исключения его из списков воинской части.

Книги можно приобрести в магазине “Юридическая книга”:
г. Москва, ул. Киевская, 20, тел. (095) 249-17-62

или заказать по почте, направив заявку по адресу: 109033, г. Москва, Ж-33,